

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ
К ИСТОРИЧЕСКИМ РЕКОНСТРУКЦИЯМ**

МАТЕРИАЛЫ IV КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Москва, 28–30 марта 2017 г.

МОСКВА 2017

УДК 902/903
ББК 63.4
Н76

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Рецензенты:

к.и.н. Н.Б. Ахметгалеева, к.и.н. А.Н. Ворошилов, к.и.н. О.М. Ворошилова,
к.и.н. К.Н. Гаврилов, И.О. Гавритухин, к.и.н. В.А. Гаиров, к.и.н. С.В. Демиденко,
д.и.н. М.В. Добровольская, д.и.н. Е.Г. Дэвлет, к.и.н. Д.К. Еськова, д.и.н. М.Г. Жилин,
д.и.н. А.А. Завойкин, к.и.н. И.Е. Зайцева, к.и.н. О.В. Зеленцова, С.С. Зозуля,
к.и.н. А.А. Клещенко, к.и.н. В.Ю. Коваль, д.и.н. Д.С. Коробов, к.и.н. Г.Г. Король,
к.и.н. А.А. Кудрявцев, И.Н. Кузина, к.и.н. С.Ю. Лев, к.и.н. Е.В. Леонова,
д.и.н. А.М. Обломский, к.и.н. О.В. Орфинская, д.и.н. Ю.Б. Цетлин

Ответственные редакторы

к.и.н. В.Е. Родинкова, А.Н. Федорина

Н76 **Новые материалы и методы археологического исследования: От археологических данных к историческим реконструкциям. Материалы IV конференции молодых ученых.** – М.: ИА РАН, 2017. – 164 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-214-8

В сборник включены материалы к докладам, прочитанным молодыми учеными на IV научной конференции «Новые материалы и методы археологического исследования», прошедшей в Институте археологии РАН 28–30 марта 2017 г. Тематика статей охватывает широкий спектр проблем современной археологии.

Книга предназначена археологам, историкам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей.

УДК 902/903
ББК 63.4

В оформлении обложки использована иллюстрация к статье Е.В. Суханова.

ISBN 978-5-94375-214-8

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2017
© Авторы статей, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА: ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА К ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНОВ

Барков А.В. Верхнепалеолитическая стоянка Сабаниха (Средний Енисей) в свете новых исследований	8
Басова Н.В. Керамическая коллекция стоянки Утес Медвежий	10
Батуева Н.С., Ересько О.В. Сравнительный анализ керамики камской и новоилюинской культур (на примере памятников Усть-Паль и Боровое Озеро III).....	11
Белоусова Н.Е. Технология мелкопластинчатого расщепления в индустрии раннего верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (Горный Алтай).....	14
Волокитина Н.А. Особенности структуры третьего культурного горизонта многослойного археологического памятника Вылыс Том 2	15
Гилязов Ф.Ф. Итоги раскопок неолитической стоянки Алгай в степном Поволжье	17
Демаков Д.А. Особенности расположения памятников эпохи мезолита в Пермском крае	18
Дога Н.С. К вопросу о происхождении прикаспийской культуры	20
Доронищева Е.В., Недомолкин А.Г. Стоянка Рожок-1: что нового «дает» петроархеология?	22
Киселева А.М., Мурашкин А.И. Периодизация костяного инвентаря неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии и планиграфия поселения Маяк 2	23
Кудашов А.С. Проблема неолитизации Марийского Поволжья	25
Лазин Б.В. Предварительные результаты исследований памятника Реаль-Альто (Республика Эквадор).....	27
Медведев С.П. Верхний культурный слой стоянки Каменная Балка II – опыт анализа структуры поселения.....	28
Митрошин Е.Н. Трасологический анализ каменного инвентаря поселения Огурдино (по материалам раскопок 2002 г.)	30
Попов А.С. К вопросу о характеристике каменной индустрии прикаспийской культуры.....	33
Селецкий М.В. Новая интерпретация материалов навеса Бадыноко (восточное Приэльбрусье)	34
Солдатова Т.Е. Технично-типологическое изучение украшений из бивня мамонта со стоянки Сунгирь: к постановке проблемы	36
Сомов А.В. Предварительные результаты сравнительного анализа керамики развитого и позднего неолита памятников бассейнов рек Самара и Сок в лесостепном Поволжье	37
Толпыгина И.Г. Предварительные итоги технико-технологического анализа ямочно-гребенчатой керамики Льяловской стоянки	39
Уланов А.А., Тетенькин А.В. Функциональные реконструкции 2Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV	41

Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е. Технология производства украшений начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам раскопок 2016 года)	42
Хорошун Т.А. Об изучении ромбо-ямочной керамики на территории Карелии (IV – начало III тыс. до н.э.)	44
Чеха А.Н. Археологические комплексы слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей	46
Шабардина Т.А. Произведения искусства на основе природных форм палеолитического населения Урала	49

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Григорьев А.П. Двойные погребения раннего – начала среднего этапов бронзового века Самарского Поволжья	51
Душанова К.С., Чернышева Е.В. Реконструкция исходного содержимого горшков из погребений с помощью методов почвенной энзимологии	53
Жуков Р.В. Колесничная традиция в погребальном обряде потаповской и покровской культур начала позднего бронзового века	54
Кобелева Л.С. Опыт мультидисциплинарного исследования курганов эпохи бронзы в Барабинской лесостепи	55
Пастухова О.С. Костяные фигурки лошадей раннего энеолита Восточной Европы	57
Ткачёв Ал.Ал., Насонова Э.Д. Раннесузгунские комплексы на территории южнотаежного Притоболья	59

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

Берлизов А.Н. О некоторых отличительных чертах погребального обряда памятников региона Анапы – Новороссийска	61
Биркина Н.А. Необычное расположение зеркал в женских погребениях римского времени в Крыму: вариант реконструкции	62
Голда Н.Н. Амфорные клейма IV в. до н.э. по материалам поселения и грунтового могильника Марьянское-I	64
Головченко Н.Н. Опыт графической реконструкции костюма большебереченской культуры	66

Дорошко В.В. Юго-восточная окраина хоры Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове в античную эпоху	67
Дорошко О.П. Новый известняковый рельеф с хоры Херсонеса	70
Логинова Е.Ю. Об устройстве скифского кургана Бабы	71
Лясович В.И. К проблеме терминологии клинкового оружия пьяноборской археологической культуры	74
Мустафаев Л.Х. О развалинах построек, обнаруженных в 2014–2015 гг. на памятнике Ильястепе	75
Никитин Е.Ю. Предварительные результаты исследования поселения Черепаша-7 в Приморье в 2015 г.	77
Тюрин М.И. Новые данные о населении херсонесско-варварского пограничья Юго-Западного Крыма в позднеэллинистическое время	80
Урбушев А.У. Парные погребения пазырыкской культуры Южного Алтая	83
Ушакова К.С. Производственный комплекс эллинистического времени на хоре Херсонеса Таврического	84

ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Бессуднова М.А. Научные командировки А.А. Спицына в Тамбовскую губернию (к истории изучения мордовских памятников)	87
Григорьева Н.В. Тигли и глиняные литейные формы Ладожского поселения X в.: комплекс рядом с большой постройкой	88
Губайдуллина А.В. Орнаментированные сердоликовые бусы с Билярского городища	92
Демахина М.С. Конструктивные особенности жилищ населения верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье (V–X вв.)	94
Завершинская М.П. Некоторые результаты работ на Кобяковом городище в 2015–2016 гг.	95
Здобников П.П., Четвертаков Е.В. Предметы вооружения и снаряжения верхового коня со средневекового мордовского селища Помра 4	97
Казакевич Е.М. Морфологический и технологический анализ металлических пуговиц из Гнездова по материалам некрополя, поселения и кладов X – начала XI в.	99
Каравашкина Е.А. Анализ орнамента посуды населения Верхнего Прикамья в VIII – начале XIII в.	101
Колонских А.Г. О некоторых особенностях фортификации и топографии раннесредневековых городищ Уфимско-Бельского междуречья	103
Кубикова О.Л. Опыт применения методики моделирования средневековой поверхности для синхронизации пластов и ярусов усадебной застройки Новгорода (по материалам усадьбы М Троицкого раскопа)	104
Медная А.Н. Фиксация следов поминальной обрядности на Рождественском могильнике (по материалам исследований 2015 г.)	107
Морозов А.С. О датировке ранней стадии Безводнинского могильника	108
Моряхина К.В. Серебряные перстни со средневековых памятников Пермского Предуралья: к вопросу о месте изготовления	110
Нестерова Н.А. Серповидные гривны Армиевского могильника: хронология и происхождение	112

Никитина А.В. Некоторые сведения о подготовительной стадии гончарного производства лесостепного населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов	114
Нуретдинова А.Р. Химико-технологическая характеристика глазурей среднеазиатских архитектурных деталей по материалам Археологического музея Казанского федерального университета	116
Огородников А.Д. Мастерская по ремонту обуви в Царевококшайске XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок в Йошкар-Оле 2008 г.)	118
Пермякова А.В. Характерные черты холодной художественной обработки металла зауральского ювелирного центра на примере перстней болгарского типа	120
Половников Л.В. Этнографические параллели жилищ родановской культуры	121
Романов П.И. Археологический материал и архивные документы в изучении истории Умревинского острога: точки соприкосновения	123
Стасюк И.В. Культурная специфика русско-эстонского пограничья в X–XI вв. ..	124
Суханов Е.В. Амфоры Крымского городища салтово-маяцкой культуры	126
Сыщиков Н.В. Ранний этап изучения контактов славян и финно-угров	128
Трубникова В.Б. Ранние сяньюэй: краткий обзор культурных признаков	129
Чаукин С.Н. Укрепления городищ дьякова типа. Пространственный аспект	130
Шапиро А.В. Керамическая коллекция как хронологический индикатор развития портовой и ремесленной зон пойменной части Гнездовского поселения X – начала XI в.	132
Широухов Р.А. Подковообразные и круглые фибулы с ребристым корпусом и звездчатыми навершиями в рамках контактов на Балтике в XI–XIII вв.	134
Шишкина О.О. Петроглифы как составляющая искусства таштыкской культуры (на примере материалов археологического комплекса Тепсей)	136
Яковчик М.С. Золотные нити на территории Древней Руси X в.	137

НА СТЫКЕ НАУК: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ

Александрова А.И. Сарматские сосуды из Шумаевских курганов Южного Приуралья	140
Бычков Д.А., Евменов Н.Д. Следы горения отопительных кострищ с точки зрения магнитометрии: результаты эксперимента	142
Васильева Е.Е., Решетова И.К. Антропологические материалы из раскопок кладбища богадельни Троицкой церкви в г. Ярославле	144
Зинчук С.В. Химические и микробиологические свойства пахотного слоя на месте средневекового поселения, разрушенного распашкой	146
Клещенко Е.А. Новые данные к изучению погребального обряда древних пруссов (по материалам кремированных останков из могильников Березовка/Gross Ottenhagen и Куликово 2/Sorthenen)	147

Колосов В.П. Возможности дифференциации археологического материала методами многомерной статистики. Анализ развития античных архитектурных форм	151
Микич И. Развитие физической антропологии в Сербии в XIX и XX вв. (краткий обзор)	152
Семянк Н.С. О перспективах применения метода определения породы дерева по углям	154
Сумманен И.М. Масс-спектрометрический анализ керамики: влияние минерального отошителя на содержание маркерных элементов	155
Тарасова А.А. Методика определения количества погребенных в массовых санитарных захоронениях на территории исторического центра г. Ярославля	158
Тимофеева А.С. Опыт работы с трехмерными фотограмметрическими моделями петроглифов Сикачи-Аляна	159
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	162

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА: ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА К ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНОВ

А.В. Барков

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
barkovalex@bk.ru*

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА САБАНИХА (СРЕДНИЙ ЕНИСЕЙ) В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

После заполнения ложа Красноярского водохранилища в 1970-е годы были затоплены археологические памятники на низких и средних террасах р. Енисей и его притоках. Палеолитические памятники, расположенные на высоких террасах Енисея, такие, как стоянка Сабаниха, находятся под угрозой уничтожения вследствие продолжающейся береговой абразии, что делает необходимым систематический мониторинг их сохранности.

Стоянка Сабаниха располагается в Боградском районе республики Хакасия на левом берегу Красноярского водохранилища в 16 км восточнее села Первомайское.

Памятник был открыт Н.Ф. Лисицыным в 1986 г. и исследовался им в 1989–1991 гг. На основании геолого-геоморфологических наблюдений и естественнонаучных данных памятник отнесен исследователем к рубежу каргинского межледниковья и сартанского оледенения, что подтверждается радиоуглеродными датами (22930±350 (JE-3611), 22900±480 (JE-4701), 25440±450 (JE-4796), 25950±500 (JE-3747)). В ходе полевых работ Н.Ф. Лисицыным была собрана коллекция каменных артефактов (около 6 тыс. экз.), демонстрирующая полный цикл утилизации; орудия из кости и рога (тесла, иглы, остроконечники); предметы персональной орнаментации (бусина с просверленным отверстием и заготовка аналогичной бусины); фаунистические остатки. Технология первичного расщепления камня на памятнике характеризуется получением пластинчатых заготовок преимущественно с монофронтальных одно- и двухплощадочных, реже с двухплощадочных продольно-поперечных и крупных торцовых нуклеусов. Орудийный набор характеризует наличие ряда специфических форм, таких как: концевые скребки с ретушированными боковыми краями, стаместковидные орудия на пластинах, комбинированные орудия (скребок-остроконечник), галечные песты с пикетажной обработкой (Лисицын, 2000. С. 23–27).

Учитывая длительный перерыв в полевых исследованиях и риск окончательного разрушения, в 2016 г. были проведены полевые работы для уточнения современного состояния памятника и границ распространения археологического материала.

В ходе работ осмотрена береговая отмель шириной от 5 до 20 м. Зафиксированный подъемный материал локализуется в трех пунктах (№ 1–3), приуроченных в двух случаях к устьям оврагов (№ 1, 2) и в одном случае к небольшому мысу (№ 3). Важно отметить, что Н.Ф. Лисицыным археологический материал фиксировался только на участке берега, соответствующем пункту № 1 в нашей нумерации.

Полученная коллекция насчитывает 119 артефактов и представлена преимущественно отщепами и осколками, пластинами, нуклеидными обломками. Первичное расщепление представлено монофронтальными двухплощадочными нуклеусами для пластин (3 экз.) (рис. 1: 7, 8, 10). Орудийный набор представлен двумя группами орудий: орудиями из целых галек и орудиями, изготовленными на пластинах. Галечные орудия представлены орудиями с одно- (1 экз.) или двусторонне (2 экз.) оформленным рубящим

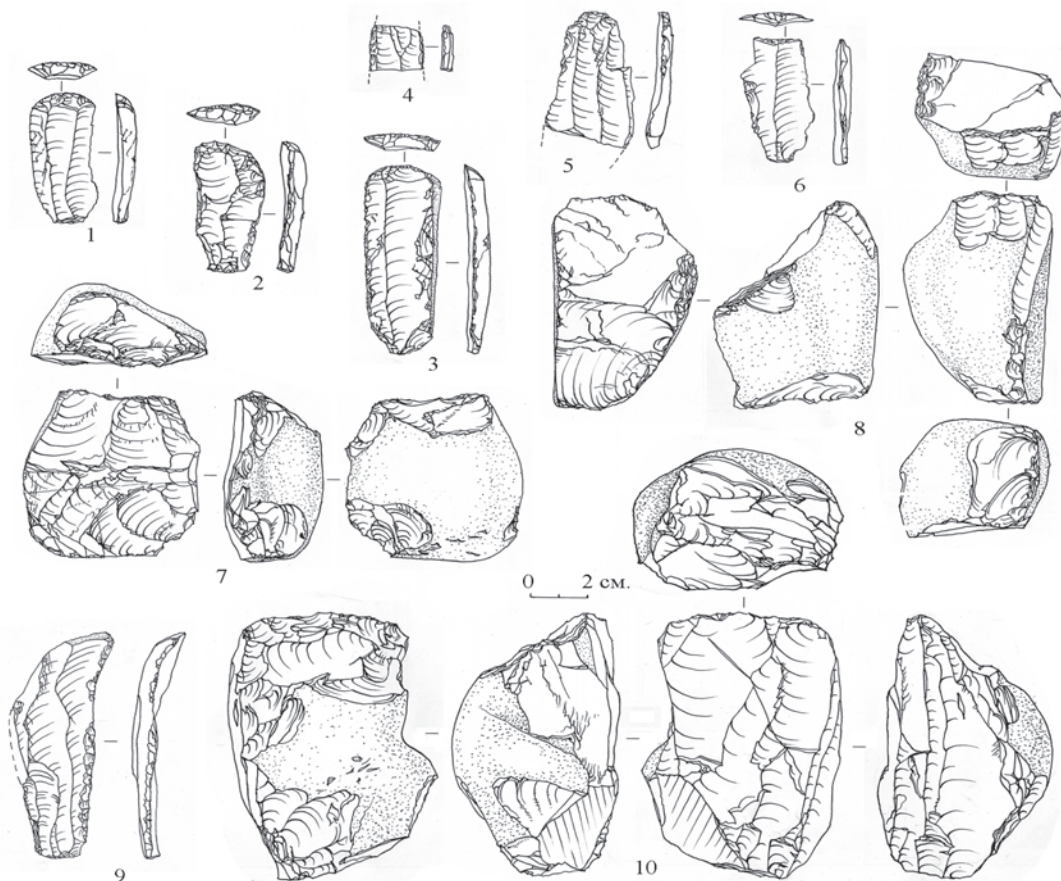

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Сабаниха (исследования 2016 г.).

рабочим краем, стругом (1 экз.), отбойниками (2 экз.) и ретушером (1 экз.). Орудия на пластинах представлены концевыми скребками с ретушированными боковыми гранями (3 экз.) (рис. 1: 1–3), зубчато-выемчатым орудием на пластине (1 экз.) (рис. 1: 5), пластиной с усеченным концом (1 экз.) (рис. 1: 6), ретушированными пластинами (3 экз.) (рис. 1: 4, 9). Технично-типологическая характеристика аналогича характеристике коллекции, полученной Н.Ф. Лисицыным.

Осмотр памятника подтвердил продолжение береговой абразии. Максимальная зафиксированная высота берегового уступа составляет около 10 м, что в сравнении с данными Н.Ф. Лисицына (7,5 м в 1989 г.) показывает значительный рост. Учитывая достаточно плавное понижение берега на территории стоянки, можно констатировать значительное отступление разрушающегося берегового уступа. Осмотр верхней кромки берегового уступа и пляжа показал наличие разновременных блоков отседания, что также свидетельствует о продолжающихся абразионных процессах. Сравнение полученных нами GPS-координат верхней кромки берегового уступа и данных сервиса GoogleEarth показывает, что за 2003–2016 гг. береговой уступ на территории памятника обрушился на расстояние от 4 до 16 м.

Таким образом, в ходе полевых работ на стоянке Сабаниха в 2016 г. получен массив данных, позволяющих сделать ряд выводов. Во-первых, подтвержден факт сохранности памятника после 25-летнего перерыва в исследованиях. Во-вторых, полевые работы 2016 г. позволяют значительно расширить границы памятника. В-третьих, следует констатировать продолжение процесса береговой абразии. Это коррелирует с данными по другим памятникам Красноярского водохранилища (Акимова, 2011; Харевич и др., 2014) и данными дистанционного зондирования на основе снимков космических аппаратов Landsat (Мокринцев, 2013).

- Акимова Е.В., 2011. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Т. 10. Вып. 7. С. 111–118.
- Лисицын Н.Ф., 2000. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение». 241 с.
- Мокринец К.С., 2013. Определение отступления склонов береговой линии Красноярского водохранилища (Северо-Минусинская впадина) на основе данных дистанционного зондирования за период 1989–2012 гг. // Геоморфология и картография: материалы XXXIII Пленума Геоморфологической комиссии РАН. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. С. 323–326.
- Харевич В.М., Акимова Е.В., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А., Кука Е.Н., 2014. Разведочные работы на севере зоны Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 91–94.

Н.В. Басова

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
bass15@yandex.ru*

КЕРАМИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ СТОЯНКИ УТЕС МЕДВЕЖИЙ

Стоянка Утес Медвежий находилась в Красноярском крае, Кежемском районе, на левом берегу р. Ангары, в 9,1 км к востоку от пос. Болтурино. К настоящему времени памятник полностью затоплен водами Богучанской ГЭС. Публикация материалов стоянки представляется очень важной, так как многообразие и представительность комплекса артефактов позволяют глубже понять культурно-исторические процессы на территории Северного Приангарья.

Керамическая коллекция памятника представлена 918 фрагментами, из них орнаментирован 361 фрагмент. По морфологической характеристике выделяются венчики, стенки, придонные части и «ушки». По форме и орнаментации выделяется пять основных типов сосудов.

Первый тип представлен закрытыми круглодонными баночными формами (326 фрагментов) с диаметром по венчику от 19 до 26 см, с относительно прямыми стенками. Толщина стенок по венчику – 5–7 мм, по тулову – 3–4 мм. Срез венчика плоский, орнаментирован вдавлениями лопаточкой. В некоторых случаях венчик «срезан» наружу и орнаментирован косыми насечками. По шейке нанесен один или два ряда жемчужин. Верхняя часть тулова орнаментирована вертикальными рядами вдавлений лопаточкой. Такие сосуды принадлежат китойскому типу (середина VI – вторая половина V тыс. до н.э.) по хронологической шкале неолитических памятников Прибайкалья.

Второй тип представлен «дымокурами» (2 сосуда (26 фрагментов)). Это круглодонные закрытые формы высотой до 14 см, диаметр по венчику – 11 см. Толщина стенок по венчику – 5 мм, по тулову – 3 мм, по дну – 7 мм. С одной стороны сосуда сформован подпрямоугольный в плане «козырек» путем отгибания и утолщения (до 10 мм) венчика. По углам изготовлены два отверстия. В нижней части сосуда по центру «козырька» расположено наклепное «ушко» подпрямоугольной формы размерами 3 × 2,5 см с отверстием в центре. Стенки сосуда заглажены инструментом, оставляющим четкие параллельные линии (предположительно, кисть с жесткой щетиной). Один сосуд орнаментирован четырьмя вертикальными рядами оттисков лопаточки с прямоугольным зазубренным рабочим краем. Под венчиком и в средней части сосуда фиксируются зигзагообразные следы протасенной лопаточки. Такая керамика относится к финалу раннего – среднего неолита, серовскому этапу (V – середина III тыс. до н.э.).

Третий тип (130 фрагментов) – сосуды высокой степени профилированности, с заглаженным, сильно отогнутым наружу венчиком, не слабо выраженной шейкой, сглаженными плечиками, средней и тонкой толщиной стенок. Часто применялся наклепной валик по горлу. Высота и диаметр представленных сосудов, судя по частично реставрированным фрагментам, колеблются в пределах 25–35 (h), 17–23 (d) см. Венчики данного типа

орнаментированы отступающе-накольчатými вдавлениями палочкой, косыми насечками. Иногда по венчику сформован валик. Встречаются горизонтальные ряды «обмазочных» валиков, волнистые линии оттисков лопаточки с круглым краем. Керамика этого типа датируется позднесеровским временем.

Четвертый тип (302 фрагмента) представлен слабопрофилированными сосудами с прямыми, слегка отогнутыми наружу венчиками. Далее по морфологии шейки и плечиков керамика делится на два подтипа. Подтип 1 – изделия с невыраженной шейкой, сглаженными плечиками, без налепных валиков. Подтип 2 – сильно выраженные шейка и плечики сосудов, декорированные налепными валиками. Сосуды имели толстое тулово и округлое дно. Их высота и диаметр, судя по частично реставрированным фрагментам, колеблются в пределах 25–40 (h), 12–30 (d) см.

Пятый тип (134 фрагмента) – это сильнопрофилированные гладкостенные сосуды с круто отогнутыми наружу венчиками, ярко выраженными плечиками, узким горлышком. От края венчика вниз спускаются налепные валики, отдельный фрагмент сосуда имеет сквозное отверстие в горле. По частично реставрированной форме и отдельным фрагментам можно считать данные изделия кувшинами. Высота неопределима, внутренний диаметр горлышка – 4 см, наружный – 6 см, по венчику – 7 см.

Керамика представленных типов была широко распространена в неолите у населения Приангарья и Прибайкалья (Деревянко и др., 2015. С. 82, 108, 132, 137, 167, 313, 401).

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Постнов А.В., Славинский В.С., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Деев Е.В., Присекайло А.А., Марковский Г.И., Дудко А.А., 2015. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 564 с.

Н.С. Батуева*, О.В. Ересько**

**Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
nadiabat@yandex.ru*

***Самарский государственный социально-педагогический университет
olgayer@mail.ru*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ КАМСКОЙ И НОВОИЛЬИНСКОЙ КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ УСТЬ-ПАЛЬ И БОРОВОЕ ОЗЕРО III)

На территории Прикамья в неолите и энеолите исследователи выделяют две крупные археологические культуры – камскую и преемственную ей новоильинскую.

Для керамики **камской** культуры характерны следующие признаки: форма сосудов полуяйцевидная, венчики скошены внутрь, с наплывом на внутренней стороне. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов, основной элемент – гребенчатый штамп, редко встречаются ямочные вдавления.

Для керамики **новоильинской** культуры характерны признаки: венчики скошены внутрь, округлые, утолщенные, отогнутые наружу. Орнамент покрывает значительную часть сосуда либо нанесен зонами с разделением 1–5 см. Элементы орнамента: зубчатый штамп, ямчатые вдавления, личинки.

В данной работе представлены результаты анализа керамики камской и новоильинской культур памятников Усть-Паль и Боровое Озеро III. Поселение Усть-Паль расположено в Осинском районе Пермского края. Памятник был обнаружен Г.И. Матвеевой в 1953 г. и исследован В.П. Денисовым. Поселение Боровое Озеро III находится в Добрянском районе Пермского края. В 1947 г. было найдено, а в 1952 г. исследовано О.Н. Бадером.

Изучение технологии проводилось в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским (Бобринский, 1978; 1999. С. 5–109). Анализ подверглись

Табл. 1. Результаты изучения исходного пластичного сырья керамики

	Исходное пластичное сырье (ИПС)								Итого:
	Илистые глины				Глины				
	Незапесоченные		Запесоченные		Незапесоченные		Запесоченные		
	вл.	др. с/с	вл.	др. с/с	вл.	др. с/с	вл.	др. с/с	
Камская культура									
1. Усть-Паль	4				1				5
2. Боровое Озеро Ш	2	1			2		1	1	7
ВСЕГО:	6	1			3		1	1	12
	7				3		2		12
	7/58%				5/42%				100%
Новоильинская культура									
1. Усть-Паль	13				6				19
2. Боровое Озеро Ш	10		5		1		1	1	18
ВСЕГО:	23		5		7		1	1	37
	23		5		7		2		
	28/75%				9/25%				100%

Табл. 2. Результаты изучения формовочных масс керамики

	Формовочные массы (ФМ)								Итого:
	Ш		О.Р. + Ш	Нет примесей	О.Р.				
	Ш<2 мм	Ш<3-5 мм							
Камская культура									
1. Усть-Паль	1		3		1				5
2. Боровое Озеро Ш	2	1	3				1		7
ВСЕГО:	3	1	6		1		1		12
	4/34%		6/50%		1/8%		1/8%		100%
Новоильинская культура									
	Ш	Ш + ДР	ДР	ОР + Г	ОР + Ш	ОР + ДР	ОР	ОР + Ш + ДР	19
1. Усть-Паль					19				19
2. Боровое Озеро Ш	6		1	1	2	2	2	1	18
ВСЕГО:	6	3	1	1	21	2	2	1	37
	6/16%	3/8%	1/3%	1/3%	21/56%	2/5,5%	2/5,5%	1/3%	
						100%			

Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор, ДР – дробленая раковина, Г – дробленая глина.

фрагменты 49 сосудов. Из них 12 отнесены к камской культуре, а остальные 37 к новоильинской. Целью данной работы было изучение исходного пластичного сырья (ИПС) и формовочных масс (ФМ).

Проведенный анализ показал, что древние гончары применяли в качестве ИПС в основном илистые глины. При этом для изготовления керамики камской и новоильинской культур поселения Усть-Паль использовали исключительно запесоченное сырье. В изученных фрагментах поселения Боровое Озеро III присутствует запесоченное сырье и в камской (28%), и в новоильинской (38%) культурах (табл. 1). Важно отметить, что посуда изучаемых памятников изготавливалась из сырья во влажном состоянии (96%), исключением являются лишь два сосуда с поселения Боровое Озеро III, которые были изготовлены из запесоченных глин в сухом состоянии (4%) (табл. 1).

Для изучения навыков труда на ступени составления формовочных масс (ФМ) нами были проанализированы данные о рецептах ФМ. По составу рецепты делятся на три группы. (Цетлин, 2012. С. 68–75). К первой группе – с несмешанным однокомпонентным составом – мы можем отнести лишь один сосуд с поселения Усть-Паль. Он был изготовлен из запесоченной глины, использованной во влажном состоянии без добавления искусственных примесей (табл. 2). Ко второй группе – с несмешанным двухкомпонентным составом – относятся сосуды с рецептами: «ИПС + шамот», «ИПС + органический раствор» и «ИПС + дробленая раковина». К третьей группе – со смешанным многокомпонентным составом – относим рецепты: «ИПС + органический раствор + шамот», «ИПС + органический раствор + дробленая раковина», «ИПС + органический раствор + дробленая глина», «ИПС + шамот + дробленая раковина» и «ИПС + шамот + дробленая раковина + органический раствор». Стоит отметить, что разнообразие рецептов ФМ сформировалось за счет новоильинской керамики поселения Боровое Озеро III (табл. 2).

Состав формовочной массы «ИПС + органический раствор + шамот» представлен в половине изученных образцов камской культуры. Аналогичный рецепт зафиксирован во всех изученных фрагментах новоильинской керамики с поселения Усть-Паль, что свидетельствует о наличии единой традиции составления формовочной массы. Посуда новоильинской культуры поселения Боровое Озеро III имеет восемь разнообразных составов. Преобладающим является «ИПС + шамот», который был зафиксирован в 34% изученных образцов. В керамике, относящейся к камской культуре, этот состав был вторым по массовости (34%).

Благодаря проведенному исследованию мы можем сделать вывод о том, что керамика камской и новоильинской культур имеет сходство в традициях изготовления посуды, в частности в использовании ИПС и ФМ. Большое разнообразие рецептов ФМ в составе новоильинской посуды поселения Боровое Озеро III может говорить о более позднем по сравнению с поселением Усть-Паль времени существования памятника и о влиянии других керамических традиций, например, гаринской, для которой характерно использование дробленой раковины. Для решения вопроса о механизмах формирования новоильинской керамической традиции необходимы дальнейшие исследования, привлечение материалов других памятников Прикамья. Также нуждается в выяснении вопрос о дальнейшей судьбе новоильинской культуры и переходе к развитому энеолиту.

Бадер О.Н., 1953. Новые стоянки Чусовского Прикамья // Ученые записки ПГУ. Труды КАЭ. Т. IX. Вып. 3. Харьков. С. 89–126.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 5-109.

Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М: ИА РАН. 380 с.

ТЕХНОЛОГИЯ МЕЛКОПЛАСТИНЧАТОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В ИНДУСТРИИ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ УСТЬ-КАРАКОЛ-1 (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Культурные отложения геологических слоев 8–11 стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 2) содержат выразительную каменную индустрию, ставшую эталонной при выделении усть-каракольской культурной традиции раннего верхнего палеолита (далее – РВП) Горного Алтая (получены радиоуглеродные даты в диапазоне 35–30 тыс. л.н.) (Деревянко, Шуньков, 2004). Изучение пространственной структуры этого комплекса слоев свидетельствует в пользу гомогенности индустрии РВП (Шуньков, Белоусова, 2015). В качестве основного культурного маркера усть-каракольской традиции рассматриваются изделия кареноидной морфологии, служившие главным образом для получения мелких пластинчатых сколов (далее – м.п.с.) (Деревянко, Шуньков, 2004). Являясь одним из компонентов технологии мелкопластинчатого расщепления, они делают крайне актуальными исследования в данной области.

Каменная индустрия слоев 8–11 представлена 2248 артефактами (табл. 1). Состав и структура индустрии свидетельствуют о строгой направленности процессов расщепления на получение мелких и крупных пластинчатых заготовок, в редких случаях – отщепов. Производство мелких пластинчатых сколов осуществлялось в рамках утилизации торцовых и широкофронтальных ядрищ на сколах и мелких отдельностях высококачественного сырья: роговиков и ороговикованных пород, яшм и яшмоидов, афировых эффузивов и однородных алевролитов. Торцовые объемные и необъемные формы отражают разные этапы утилизации нуклеусов в рамках единой стратегии. В группе торцовых выделяются ядрища на сколах с негативами продольных и бипродольных параллельных снятий («нуклеусы-резцы»). Выразительной серией представлены торцовые нуклеусы на сколах с конвергенцией продольных негативов на фронте. Стратегия реализации таких форм предполагала осуществление полуреберчатой обработки торцовой части заготовки, на что указывает облик технических сколов. Серия торцовых нуклеусов с конвергенцией негативов выполнена на подготовленных отдельностях сырья. Последним придавалась форма удлиненной трехгранной призмы, при этом фронт расщепления располагался на торце, а треугольное сечение заготовки обеспечивало форму.

На последних стадиях утилизации торцовые нуклеусы с конвергенцией негативов и клиновидным фронтом могли переходить в разряд широкофронтальных объемных. В этой категории отмечена серия выразительных, сильно сработанных ядрищ с дополнительно оформленным фронтом, который выполнял функцию кия для основного фронта. Таким образом, фронт приобретал клиновидную форму и создавалась возможность поддержания необходимой морфологии дуги скалывания. В процессе редукции этих ядрищ укороченный фронт приобретал выпуклую форму и дугообразный профиль, а сами изделия – кареноидную морфологию. В зависимости от реализуемой стратегии и степени сработанности с нуклеусов производились заготовки с прямым или изогнутым профилем. Технология производства м.п.с. включала также утилизацию цилиндрических ядрищ посредством бипродольного параллельного скалывания.

Анализ морфологии м.п.с. и целых негативов снятий на нуклеусах позволяет предполагать, что продуктом расщепления выступали сколы с шириной 4–15 мм, единый пик численности фиксируется в диапазоне 6–9 мм. Максимальная длина производимых м.п.с. достигает 60 мм, профиль изделий – прямой, реже изогнутый, огранка дорсала – продольная параллельная и продольная конвергентная. Размеры остаточных площадок (ширина – до 6 мм, глубина – до 2 мм) и форма проксимальных зон м.п.с. (преобладает овальная) позволяют дифференцировать м.п.с. от пластин индустрии. Указанные

Табл. 1. Усть-Каракол-1, раскоп 2. Категории каменных артефактов слоев 8–11.

Категории каменного инвентаря	слои 8–11	%*
Гальки	21	0,9
Нуклевидные обломки	5	0,2
Обломки, осколки, чешуйки,	1086	48,3
Отбойники и ретушеры на гальках	9	0,4
Неопределимые фрагменты сколов	211	9,4
Отщепы 1–3 см	266	11,5
Отщепы >3 см	317	14,1
Пластины	185	8,2
Мелкие пластинчатые сколы	115	5,1
Нуклеусы для мелких пластинчатых сколов	20	0,9
Нуклеусы для пластин	9	0,4
Нуклеусы для отщепов	4	1,4
Итого в коллекции	2248	100

*удельный вес указан от общего количества артефактов в коллекции

особенности могут свидетельствовать о применении особой техники скола – предположительно, мягкого органического отбойника. На остаточных ударных площадках м.п.с. и нуклеусах фиксируются следы редуцирования карниза и, вероятно, абразивной подготовки.

Мелкие пластинчатые сколы со следами обработки/использования составляют около 12,3% орудийного набора: м.п.с. ретушированные, с притупленным краем, с функциональной ретушью. Из 10 сколов с выразительными следами использования и обработки три имеют изогнутый продольный профиль, что может указывать на их получение с нуклеусов типа карене. Профиль двух сколов с функциональной ретушью – прямой, остальных – неопределим.

Результаты исследования являются первым опытом реконструкции операционных последовательностей производства м.п.с. в индустриях усть-каракольской культурной традиции. Полученные данные станут основанием для поиска аналогичных технологических решений в индустриях синхронных комплексов региона, а также будут положены в основу изучения других возможных функций этих изделий.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2004. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (19). С. 12–40.

Шуньков М.В., Белоусова Н.Е., 2015. Среднепалеолитическая составляющая каменной индустрии слоев 8–11 стоянки Усть-Каракол-1 (на основе планиграфического анализа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территории. Т. XXI. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 179–182.

Н.А. Волокитина

ФГБУН Институт языка, литературы и истории

Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

anjis@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ТРЕТЬЕГО КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА МНОГОСЛОЙНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ВЫЛЫС ТОМ 2

Археологический памятник Вылыс Том 2 открыт в 2003 г. А.В. Волокитиным. Он расположен на правом берегу р. Ижма (левого крупного притока р. Печора), в 0,2 км выше по течению реки от впадения в нее р. Вылыс Том. Это южная окраина пос. Том

Ижемского района Республики Коми. Культурные остатки приурочены к отложениям первой надпойменной террасы высотой 10 м. Раскопки проведены на памятнике в 2010–2013, 2015 гг. Всего выявлено четыре культурных горизонта (к.г.), залегающих на разной глубине. Первый и второй культурные горизонты вскрыты на площади 47 кв. м, третий и четвертый – 44 кв. м.

Первый культурный горизонт, датируемый поздним периодом существования ананьинской общности раннего железного века, то есть VI–III вв. до н.э., залегает в современной оглеенной лесной почве. Находки второго культурного горизонта, предварительно отнесенные к неолиту, расположены в верхах толщи коричневого суглинка на глубине 0,3–0,5 м от современной дневной поверхности. Находки первого и второго культурных горизонтов немногочисленны.

Третий и четвертый культурные горизонты выявлены на глубине более 2 м от современной дневной поверхности и связаны с гумусированными прослоями суглинка/супеси, между которыми залегают прослойки песка. По углям из этих горизонтов получены радиоуглеродные даты, относящиеся к концу бореального периода голоцена: 4 к.г. – 8690 ± 90 14С, или 9730 ± 140 кал. (ЛУ-7288), 8540 ± 70 14С, или 9530 ± 40 кал. (ГИН-14594); 3 к.г. – 8510 ± 70 14С, или 9500 ± 40 кал. (ЛУ-7289), 7800 ± 90 14С (ГИН-14593) (Волокитин, Панин, Арсланов, 2014. С. 50). Отметим, что последняя дата вызывает определенные сомнения. Третий и четвертый культурные горизонты отличаются по структуре своей организации, а также составу и количеству находок. В четвертом горизонте их значительно больше. Вместе с тем есть основания говорить о сходстве их инвентарей. Оно наблюдается и по используемому сырью, и технике раскалывания, и составу орудийного набора. В обоих горизонтах отмечены предметы со шлифовкой.

В третьем культурном горизонте выявлено кострище размером $2 \times 1,5$ м. Это углистая линза с прокалом в центре. В нем отмечены фрагменты обожженной гальки, собранные в результате ремонта в два куска валуна кварцитопесчаника. Рядом с кострищем отмечены обширные углистые линзы без прокала. Линзы отделены от кострища «чистым» пространством. Все образцы угля принадлежат к породе *Pinus Silvestris* (сосна обыкновенная), они были отобраны как из кострища, так и из углистой линзы, отделенной от кострища (определение Л.Н. Соловьевой, лаборатория естественнонаучных методов в археологии, ИА РАН, Москва).

На всей вскрытой площади третьего культурного горизонта выявлено большое количество костей, в том числе крупных млекопитающих. Однако кости имеют очень плохую сохранность. Их форму удалось зафиксировать только на фотографиях. Подсчет количества фаунистических остатков произведен исходя из их наличия в слое, а не по количеству фрагментов, полученных в результате всех манипуляций с ними. Всего таким образом зафиксировано 701 экз. Кальцинированных фрагментов костей всего лишь несколько. Основная же масса – это фрагменты трубчатых костей плохой сохранности. Были идентифицированы лось и бобр (определения П.А. Косинцева, Институт ЭРиЖ УрО РАН, Екатеринбург). Среди них стоит отметить фрагменты верхней и нижней челюсти, парные тазовые кости и рог лося. Имеются также резцы бобра. Отмечены рог лося и фрагменты костей со следами обработки. Определение костей показывает, что на вскрытой площади выявлены останки одной особи лося.

Общее количество находок из камня 1499 экз., в том числе чешуек – 1137. В числе находок очень крупный чоппинг, который, возможно, являлся орудием для разделки туши. Присутствует двойной отбойник с подправкой формы гальки сколами и крупный абразив из песчаника, использовавшийся для шлифования и для выпрямления древков, а также фрагмент абразива из грубозернистого песчаника. В числе кремневых орудий – остря, скребки, микроскребки, выемчатые орудия.

В структуре третьего культурного горизонта, несмотря на незначительную вскрытую площадь, есть все признаки, которые позволяют интерпретировать его как место разделки туши лося. Наличие фрагментов обработанных костей и рогов, а также абразивов и других инструментов говорит, что на площадке, возможно, производилась обработка кости.

Волокитин А.В., Панин А.В., Арсланов Х.А., 2014. Многослойный археологический памятник Вылыс Том 2 и формирование долины р. Ижмы в голоцене // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. № 3. С. 42–46.

Ф.Ф. Гилязов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
filatgiljazov12@gmail.com*

ИТОГИ РАСКОПОК НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АЛГАЙ В СТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ

Более 30 лет назад в интересующем нас регионе был исследован единственный опорный неолитический памятник – Варфоломеевская стоянка (Юдин, 2004), поэтому весьма важным стало обнаружение и изучение аналогичных поселений. В 2014–2016 гг. саратовскими и самарскими археологами проводились раскопки нового объекта – стоянки Алгай, расположенной на р. Большой Узень в Саратовской области (Выборнов, Юдин, 2015. С. 3). Общая исследованная площадь составила 78 кв. м.

Сохранившиеся культурные напластования достигают мощности 150–180 см. Слой стратиграфически делится на две части: верхняя – до глубины 80 см, нижняя – от 80 см до материка. Полученные в этих двух пластах материалы несколько различаются, но в целом близки комплексу Варфоломеевской стоянки, что подтверждается и радиоуглеродными датами по различным материалам (Выборнов и др., 2015. С 235; Юдин и др., 2016). Памятник относится к орловской неолитической культуре.

В коллекции представлены около 700 изделий из камня. Сырьем служил кремль светло-серого и синеватого цвета. Предметы из кварцита составляют около 10%. Среди орудий преобладают скребки концевой типа. Геометрические микролиты представлены трапециями со струганной спинкой (12 экз.), сегментами с односторонней ретушировкой дуги (2 экз.) и гелуанской ретушью (4 экз.). Последние свидетельствуют о контактах с культурой Северного Прикаспия.

Керамический комплекс представлен приблизительно 90 сосудами орловской культуры. Вся керамика имеет примесь толченой раковины: от едва заметной до обильной. Все сосуды плоскодонные. Способ нанесения орнамента и композиции находят близкие аналогии среди варфоломеевских сосудов: горизонтальные ряды отступающего накола или прочерка, дополненные зигзагом, наклонными линиями и отдельными наколами. Обнаружено несколько неорнаментированных сосудов с рядом ямочных вдавлений под венчиком, сходных с материалами елшанской культуры. Это свидетельствует о контактах местного населения с обитателями лесостепного Поволжья.

В нижней части культурного слоя содержалось большое количество костей животных: тур, тарпан, кулан, сайга, благородный олень, кабан и домашняя собака. Обнаружены позвонки крупных рыб, залегающие в анатомическом порядке, что свидетельствует о непотревоженности культурного слоя.

Судя по серии радиоуглеродных дат, нижний уровень относится ко времени от 6800 до 6500 лет ВР. Этот хроноинтервал соответствует материалам слоев 2Б и 2А Варфоломеевской стоянки.

В раскопе 2016 г. обнаружены остатки строительного сооружения. В западной части раскопа на глубине 140 см начинался борт жилища из плотной материковой глины. С учетом прослеженной углисто-золистой прослойки можно предположить, что кровля сгорела и обрушилась, а затем жилище было использовано как хозяйственная яма. Об этом свидетельствует большое количество костей животных выше уровня жилища.

В раскопе 2, расположенном в 20 м от раскопа 1, в нижней части слоя обнаружены материалы, аналогичные комплексу раскопа 1, т.е. орловской культуре. В верхней части найдена керамика со своеобразным утолщением при оформлении венчика, орнаментированная мелкими ногтевидными насечками. Эти признаки характерны для хвалынской

культуры. Среди каменных изделий представлены массивные сколы и крупные орудия из кварцита, также типичные для энеолита. Все это позволяет предположить, что даты по костям животных, полученные для верхнего уровня в раскопе 1 стоянки Алгай (5700–5600 лет ВР), фиксируют именно слой энеолитической хвалынской культуры. Сходная ситуация представлена в верхнем слое Варфоломеевской стоянки, где кроме артефактов орловского типа обнаружены материалы прикаспийской культуры (Юдин, 2004). Следует отметить, что в 100 м от стоянки Алгай расположено поселение Орошаемое. В его верхних слоях имеются находки прикаспийской и хвалынской культур. Это ставит вопрос о возможном одновременном существовании и взаимодействии населения позднего этапа орловской и хвалынской культур.

Выборнов А.А., Юдин А.И., 2015. Раскопки поселения Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2014 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов. С. 3–33.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С., 2015. Новые данные по неолиту–энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3. С. 235–241.

Юдин А.И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов. 200 с.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В., 2016. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. № 3 (16). Самара. С. 61–68.

Д.А. Демаков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

demakov-denis@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Пермский край расположен на восточной окраине Восточно-Европейской (Русской) равнины и западном склоне Уральских гор. По внешнему очертанию территория Пермского Прикамья представляет собой почти правильный прямоугольник, который вытянут в меридиональном направлении (Назаров, 2006. С. 6).

Заселение региона произошло еще в палеолите, но в данном исследовании речь пойдет об эпохе мезолита. Именно в этот период происходят кардинальные изменения в климатической обстановке: наступает современный геологический период – голоцен. Его наступление привело к формированию современных природных ландшафтов, в частности, первых береговых террас водных артерий. В это время происходит интенсивное врезание русел рек, поверхность современных первых террас перестает затапливаться водами половодий. Это позволило древним людям заселить ровную, близкую к реке и относительно невысокую поверхности (Демаков и др., 2015. С. 110). Данные факты повлияли на особенности расселения древнего человека в мезолите.

В Пермском крае известно 80 памятников эпохи мезолита. Половина из них находится либо на берегах р. Камы, либо на ее притоках. Те же из них, что привязаны к озерным старицам, на самом деле тоже относятся к Каме, так как в прошлом располагались на ее берегу. Это показывает важность данной водной артерии в хозяйстве древнего человека и его расселении по территории Пермского края.

Интересно расположение четырех памятников на еще одной крупной реке региона – Чусовой. Ее особенностью является то, что она пересекает Уральские горы. Известные нам стоянки расположены довольно равномерно и присутствуют как в верхнем и среднем ее течении, так и в устье. Их наличие может свидетельствовать о путях миграции древних людей как в Зауралье, так и из-за Уральских гор.

При проведении картографирования удалось выделить несколько районов концентрации мезолитических памятников. Районом с самой высокой концентрацией является

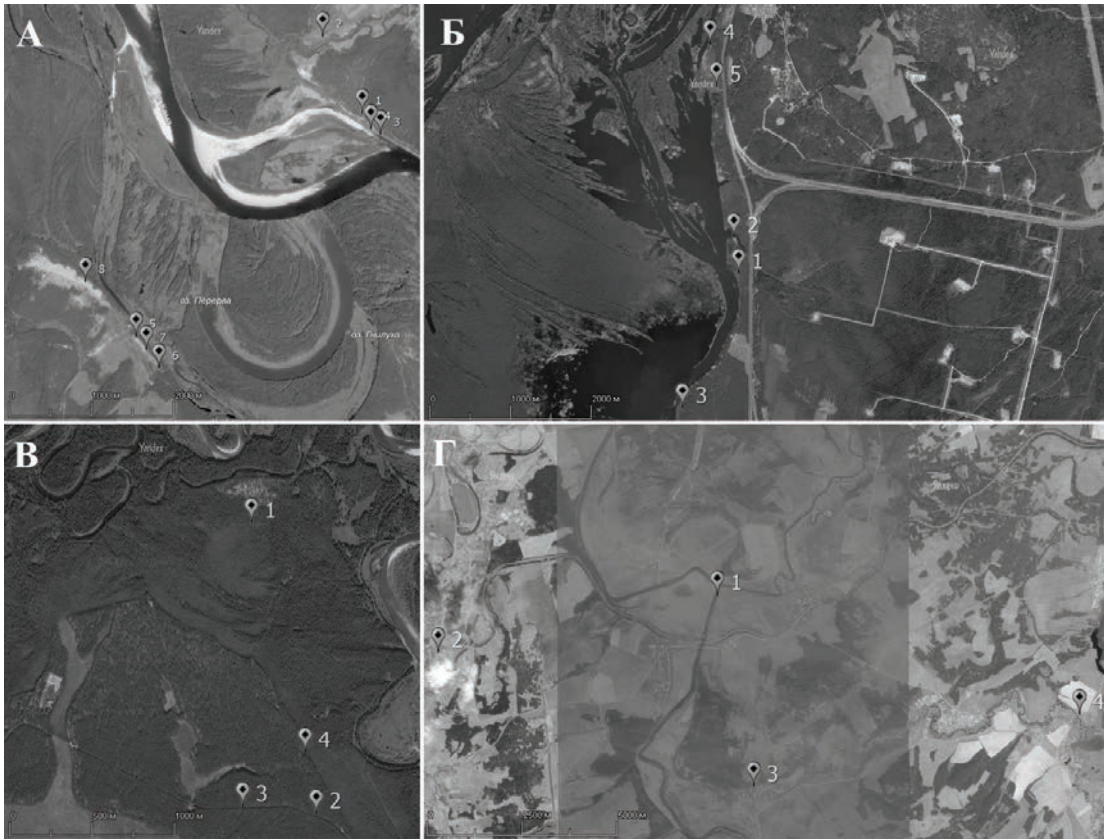

Рис. 1. Участок верхней Камы около д. Лёкмартово–Казанцева.

А: 1 – Лёкмартово I, селище; 2 – Лёкмартово II, стоянка; 3 – Лёкмартово III, стоянка; 4 – Лёкмартово IV, стоянка; 5 – Казанцево I, стоянка; 6 – Казанцево II, стоянка; 7 – Казанцево III, стоянка; 8 – Казанцево IV, стоянка; Б: 1 – Чашкинское озеро V, стоянка; 2 – Чашкинское озеро X, стоянка; 3 – Чашкинское озеро XI, стоянка; 4 – Запоселье I, стоянка; 5 – Запоселье, поселение; В: 1 – Коса IV, стоянка; 2 – Коса I, стоянка; 3 – Коса II, стоянка; 4 – Коса III, стоянка; Г: 1 – Шумково I, поселение; 2 – Кишерт I, поселение и могильник; 3 – Балчугово I, поселение; 4 – Нижняя Солянка I, стоянка.

участок верхней Камы около д. Лёкмартово–Казанцева (рис. 1: А). Здесь по обоим берегам р. Камы располагается 8 памятников эпохи мезолита (Демаков, 2015. С. 225–227). Второй район (рис. 1: Б) – берег Чашкинского озера (5 памятников). В настоящее время идет активное его изучение (Митрошин и др., 2016. С. 117–120). Третий район (рис. 1: В) располагается на левом берегу р. Коса (4 памятника). Последний район (рис. 1: Г) привязан к берегам р. Сылвы и ее притокам (4 памятника).

Интересно наличие на берегах Березовского озера, которое образовалось в позднем плейстоцене в результате Печорско-Камского спиллвея, мезолитического памятника. О возможности существования перетока вод из верхней Печоры в бассейн Камы говорят геоморфологические и ландшафтные особенности данной части водораздела, отчетливо видимые на топографических картах и космических снимках (Назаров и др., 2015. С. 111–118). Таким образом, берега Березовского озера уже сформировались к моменту посещения его человеком в мезолите. Данный район является очень перспективным местом для совместных исследований с учеными, специализирующимися в палеорусловедении, палинологии и карпологии.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы: подавляющее большинство известных мезолитических памятников находится на левобережье Камы. Малое количество памятников на ее правом берегу может быть связано с тем, что он интенсивно разрушается водами Камского и Воткинского водохранилищ. В ходе данного разрушения могли быть уничтожены мезолитические памятники, располагавшиеся

там ранее. По отношению к величине водных артерий памятники распределяются одинаково – 40 памятников на крупных реках и 40 на малых. Проблемным остается вопрос неравномерности археологического изучения исследуемого региона. На сегодняшний день неизвестны работы, посвященные степени изученности районов, где отсутствуют памятники эпохи мезолита. Однако такое исследование автором настоящей статьи планируется провести в дальнейшем. В ходе картографирования удалось выделить несколько перспективных для изучения участков.

- Демаков Д.А., 2015. Использование палеоруслового метода в археологии (на примере археологических памятников Верхней Камы) // XLVII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: сб. науч. статей / Отв. ред. В.Н. Рассадин. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. С. 225–227.
- Демаков Д.А., Копытов С.В., Лычагина Е.Л., Назаров Н.Н., Чернов А.В., 2015. Динамика освоения человеком долины Верхней Камы в контексте палеорусловых процессов // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Матер. всеросс. конф. Вып. 3. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 108–111.
- Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Демаков Д.А., Батуева Н.С., 2016. Предварительные итоги изучения раннеголоценовых памятников, расположенных на восточном берегу Чашкинского озера // Экология древних и традиционных обществ: Матер. V междунар. науч. конф. Вып. 5. Ч. 2 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ. С. 117–120.
- Назаров Н.Н., 2006. География Пермского края: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Пермского ун-та. Ч. I. 139 с.
- Назаров Н.Н., Чернов А.В., Копытов С.В., 2015. Печорско-Камский и Вычегодско-Камский водоразделы: геоморфологические и ландшафтные маркеры межбассейновых перестроек речной сети в позднем плейстоцене // География и регион: матер. междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Пермь: Изд-во Пермского ун-та. С. 111–118.

Н.С. Дога

*Самарский государственный социально-педагогический университет
natalidoga@yandex.ru*

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРИКАСПИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сорок лет назад были исследованы первые памятники прикаспийской культуры (Мелентьев, 1976. С. 13). Несмотря на их малочисленность, исследователи предложили первые гипотезы генезиса этой общности (Васильев, 1981. С. 19). На сегодняшний день ведущей является версия А.И. Юдина об автохтонном происхождении прикаспийцев в Нижнем Поволжье на основе орловской неолитической культуры (Юдин, 1998. С. 83–105). Однако орловская керамика отличается от прикаспийской по способу нанесения орнамента и его композиции. Для изготовления орудий труда прикаспийцы использовали кварцит, а орловцы – кремь. Совместное залегание сосудов орловской и прикаспийской культур нельзя считать достаточным свидетельством преемственности данных культур. Кроме того, у местного неолитического населения не обнаружены даже зачатки производящего хозяйства. (Дога, 2015. С. 16).

С 2014 г. возобновлено исследование памятника прикаспийской культуры степного Поволжья Орошаемое I, которое позволило по-новому взглянуть на данный вопрос. В ходе раскопок были найдены фрагменты керамики с примесью толченой раковины в тесте, с отпечатками зубчатого штампа и «воротничковым» оформлением венчика; кварцитовые орудия труда. Значительную часть коллекции составляет остеологический материал, среди которого имеются кости овцы и козы (Выборнов и др., 2015. С. 238). Это позволило сделать вывод о наличии домашнего хозяйства у носителей прикаспийской культуры, что сразу вывело памятник на более значимый уровень. По прикаспийским памятникам Буровая 41 и Курпеже-Молла в Северном Прикаспии были получены даты: 6790±80 ВР и 6020±80 ВР. По костям овцы с поселения Орошаемое I получена дата – 5806±26 ВР (Выборнов и др., 2016. С. 9). При таком хронологическом соотношении

допустима версия о миграции (возможно, сезонной) прикаспийского населения с территорий Северного Прикаспия в Нижнее Поволжье.

В этой связи первостепенным становится вопрос происхождения прикаспийской культуры и сопутствующего ей производящего хозяйства. Учитывая перечисленные различия между орловской и прикаспийской культурами, нельзя исключать пришлый характер последней. Обращаясь к западному региону, мы можем проследить некоторые аналогии в материалах азово-днепровской и нижнедонской культур. Азово-днепровская керамика имеет примесь раковины и орнаментацию в виде гребенчатых оттисков, позднее появляется керамика с «воротничком» (Котова, 2002. С. 25). Нижнедонская керамика имеет аналогичную орнаментацию. На втором этапе появляется «воротничковый» венчик (Котова, 2015. С. 37). Так же, как и для прикаспийцев, для вышеперечисленных культур характерна техника скалывания крупных пластин. Этап 1б азово-днепровской культуры и второй период нижнедонской культуры датируются 6800–6350 ВР (Котова, 2002. С. 95, 97). Это совпадает с датами посуды с аналогичными признаками стоянки Буровая 41. Второй этап азово-днепровской культуры имеет возраст 6350–5900 ВР, а это соответствует датам по сходной керамике со стоянки Курпеже-Молла. Кроме того, носители этих культур были знакомы с производящим хозяйством (Котова, 2002. С. 53).

Интересными для данного исследования становятся и материалы куйрукского культурного типа с памятников полуострова Мангышлак. Там обнаружена «воротничковая» керамика с оттисками зубчатого штампа. На основании подробного анализа сопутствующего каменного инвентаря А.Е. Астафьев делает вывод об автохтонности данной керамики и относит ее к периоду раннего энеолита (Астафьев, 2014. С. 259). Учитывая сопредельность территорий Мангышлака и Северного Прикаспия, можно допустить существование контактов у населения этих регионов.

Таким образом, можно сделать предположение о том, что прикаспийская культура Нижнего Поволжья является пришлой. Вполне вероятно, что население, пришедшее с западных и южных территорий, принесло с собой новые традиции в оформлении керамики, кварцитовое сырье для изготовления орудий труда и традицию его использования, особую технологию получения заготовок и навыки одомашнивания животных.

Астафьев А.Е., 2014. Неолит и энеолит полуострова Мангышлак. Астана. 350 с.

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья. Куйбышев. 130 с.

Выборнов А.А., Дога Н.С., Попов А.С., Кулькова М.А., Ойнонен М., 2016. О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Вестник ВолГУ. Т. 21. № 3. Волгоград. С.6-14.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С., 2015. Новые данные по неолиту–энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3. С. 235–241.

Дога Н.С., 2015. К вопросу о возникновении производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Новые материалы и методы археологического исследования. Матер. III Междунар. конф. молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 15–17.

Котова Н.С., 2015. Древнейшая керамика Украины. Киев; Харьков: Майдан. 153 с.

Котова Н.С., 2002. Неолитизация Украины. Луганск. 267 с.

Юдин А.И., 1998. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара. С. 83–105.

Е.В. Дороничева*, А.Г. Недомолкин**

**АНО «Лаборатория Доистории», Санкт-Петербург
edoronicheva@hotmail.ru*

***Национальный музей Республики Адыгея, Майкоп
nedomolkinandrei@mail.ru*

СТОЯНКА РОЖОК-1: ЧТО НОВОГО «ДАЕТ» ПЕТРОАРХЕОЛОГИЯ?¹

Стоянка Рожок-1 расположена в 45 км к западу от г. Таганрог. Это многослойное поселение было обнаружено Н.Д. Прасловым и раскапывалось экспедицией под его руководством в 1961–1962 гг. (Праслов, 1968). Общая изученная площадь составляет ок. 100 кв. м. Выделено 6 культурных горизонтов, для которых реконструируются кратковременные охотничьи стоянки (Байгушева, Титов, 2007). Н.Д. Праслов видел аналогии материалам стоянки Рожок-1 в крымском мустье и стоянке Волгоградской на Волге (Праслов, 1968), сегодня она может быть отнесена к широкому пласту памятников восточного микока (например, Golovanova, 2015).

В 2013 г. авторами были проведены исследования месторождений кремня Северо-Восточного Приазовья и обработана коллекция стоянки Рожок-1, которая хранится в Таганрогском государственном литературном и историко-архитектурном музее-заповеднике, общей численностью 1299 артефактов, отобраны образцы для анализов. На изученную коллекцию составлена база данных (программа Е-4).

Для этого исследования к.г.-м.н. М.А. Кульковой были проведены 85 петрографических и 61 геохимический анализ кремня из месторождений и кремневых артефактов со стоянки Рожок-1. Использовалась стандартная методика петроархеологии (Doronicheva et al., 2016). Химический состав породообразующих элементов и микроэлементов был определен рентгеноспектральным флуоресцентным анализом, результаты обработаны методами математической статистики, факторного анализа для установления групп кремня, характеризующихся одинаковым геохимическим составом.

Наше исследование показывает, что основным сырьем обитателей стоянки Рожок-1 во все периоды ее заселения был серый, темно-серый и серо-коричневый меловой кремень. В основном использовались кремни из коренных месторождений (от 27,1% до 72,7% в общем составе сырья). С высокой степенью вероятности можно утверждать, что это месторождения Кульбаково (90 км) и Лысогорка (105 км), что хорошо подтверждается как петрографическим, так и геохимическим анализами.

Видимо, на мастерских рядом с выходами сырья производилось первичное расщепление и апробация сырья. Так, на месторождении в Лысогорке известны пункты находок среднего палеолита (Праслов, 1968. С. 127–129). На стоянку Рожок-1 приносились уже готовые орудия и сколы и только иногда нуклеусы, что отражает характерную модель поведения неандертальцев (например, Géneste, 1985; Féblot-Augustins, 1993; Doronicheva et al., 2016). Нуклеусы, сколы с коркой и технические сколы во всех горизонтах немногочисленны.

Местный галечный кремень употреблялся ограниченно во всех горизонтах (от 2,9% до 14,6%). Также было выделено несколько образцов, источники сырья которых пока не определены. В заключение необходимо отметить, что кремень из Приазовья был выделен на стоянках восточного микока Северо-Западного Кавказа (Мезмайская пещера и пещера Матузка). Эти стоянки расположены на расстоянии ок. 300 км от стоянок Приазовья и представляют близкую культурную традицию. Дальнейшее исследование этих материалов позволит прояснить связи, существовавшие между населением двух регионов в среднем палеолите.

¹ Работа выполнена частично при поддержке РГНФ, грант № 12-01-00348 «Сырьевые источники кремня и закономерности их использования в палеолите».

- Байгушева В.С., Титов В.В., 2007. Природная среда и условия жизни охотников на зубров в Приазовье // Вестник антропологии. Вып. 15. С. 113–119.
- Праслов Н.Д., 1968. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и нижнего Дона. Л.: Наука. 155 с.
- Doronicheva E.V., Kulkova M.A., Shackley M.S., 2016. Raw material exploitation, transport, and mobility in the Northern Caucasus Eastern Micoquian // *PaleoAnthropology*. P. 1–45.
- Féblot-Augustins J., 1993. Mobility strategies in the Late Middle Paleolithic of central Europe and Western Europe: elements of stability and variability // *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 12. P. 211–265.
- Géneste J.-M., 1985. Analyse lithique d'industries Moustériennes du Périgord: une approche technologique du comportement des groupes humains au Paléolithique moyen. These. Bordeaux: Université de Bordeaux I.
- Golovanova L.V., 2015. Les hommes de Néanderthal du Caucase du Nord: entre l'Ouest et l'Est // *L'Anthropologie*. Vol. 119. P. 254–301.

А.М. Киселева, А.И. Мурашкин
Санкт-Петербургский государственный университет
aliakiseleva@mail.ru a.murashkin@spbu.ru

ПЕРИОДИЗАЦИЯ КОСТЯНОГО ИНВЕНТАРЯ НЕОЛИТА – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ И ПЛАНИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ МАЯК 2

На северном побережье Кольского полуострова и Северной Норвегии известно около 20 памятников неолита – раннего железного века, в культурных слоях которых сохраняются изделия из кости и рога. Для разработки периодизации костяного инвентаря лучше всего подходят наконечники гарпунов и рыболовные крючки, более 400 экз. которых найдено почти на всех 20 памятниках. Для этих орудий характерны сложность конструкции и наличие меняющихся со временем деталей, которые выступают хронологическими индикаторами.

Многочисленные и разнообразные по составу коллекции происходят с поселений Маяк 2, Грессбакен NV, Ниельв NV, стоянок о. Щельмой и погребений Кольского Оленеостровского могильника (КОМ). Для построения периодизации важно, что многие артефакты найдены в замкнутых (погребения КОМ) и «полузамкнутых» (жилища-полуземлянки и связанные с ними раковинные кучи на поселениях Грессбакен NV, Ниельв NV) комплексах. Для всех перечисленных памятников имеются серии радиоуглеродных дат (Гурина, 1997; Helskog, 1980; Murashkin et al., 2016; Simonsen, 1961; Solberg, 1909).

Классификация наконечников гарпунов включает 15 типов и строится на корреляции двух групп признаков: первая характеризует форму насада; вторая – строение рабочей части (форма, количество и расположение зубцов). Рыболовные крючки делятся на две группы: первая включает изделия с массивной стержневидной или подпрямоугольной головкой и с бородкой на жале; ко второй относятся изделия без бородки, миниатюрная головка которых оформлена выступами и выемками на цевье. На основании корреляции двух признаков (конструкция головки и форма поддева) в группе I выделено 10 типов. Группа II малочисленна; на основании формы поддева выделено 5 типов.

В результате анализа совстречаемости типов в комплексах была создана периодизация костяных изделий неолита – раннего железного века на севере Фенноскандии. Выделяется четыре периода (A, B, C, D), для каждого из которых характерны определенные типы крючков и наконечников гарпунов. Хронологические рамки периодов определяются имеющимися радиоуглеродными датами комплексов: A – 4500–2600 calBC, B – 2600–1800 calBC, C – 1800–900 calBC, D – 900–0 calBC (рис. 1). В общих чертах периодизация и хронология наконечников гарпунов и рыболовных крючков совпадает с периодизацией типов жилищ, керамики и каменного инвентаря, предложенной для Северной Норвегии (Helskog, 1980; Olsen, 1994).

BC	Период	Наконечники гарпунов	Крючки. Группа I	Крючки. Группа II
0	D			
500				
1000	C			
1500				
2000	B			
2500				
3000	A			
3500				
4000				
4500				

Рис. 1. Периодизация наконечников гарпунов и рыболовных крючков Северной Фенноскандии.

Одна из наиболее многочисленных коллекций костяных и роговых изделий происходит с поселения Маяк 2, исследованного Н.Н. Гуриной в 1979–1984 гг. в Нокуевском заливе Баренцева моря. Вскрытая площадь составила 1032 кв. м, мощность культурного слоя достигала 0,8 м. На памятнике были зафиксированы остатки 12 жилых и хозяйственных объектов. По типологии каменных и керамических изделий поселение датируется неолитом – эпохой раннего металла. Серия из 10 радиоуглеродных дат имеет интервал 4728–1430 calBC (Гурина, 1997; Мурашкин, Карпелан, 2013); еще одна неопубликованная дата – 565–666 calAD – может свидетельствовать о более продолжительном функционировании памятника. Предметы из кости и рога (1272 экземпляра со следами обработки, из них 564 – изделия или их фрагменты) встречались во всей толще культурного слоя, но большая часть была сосредоточена в 1 и 2 горизонтах. Здесь обнаружены 43 наконечника гарпунов и 15 рыболовных крючков из кости и рога; среди них представлены уникальные типы. Находки были опубликованы единым массивом, что не позволяло определить хронологическую принадлежность изделий.

На основании изучения полевых дневников, чертежей и описей был проведен анализ распределения костяных орудий на памятнике, уточнены их стратиграфическое положение, привязка к жилым и хозяйственным комплексам, из которых имеются радиоуглеродные даты, выявлена совстречаемость с датируемыми типами каменных изделий, развалами сосудов. Выяснилось, что на памятнике присутствуют только предметы периодов А, В, С. Наиболее ранние типы костяных изделий встречаются в четвертом (самом нижнем) горизонте в центральной части поселения; в северо-восточной части имеются только изделия периодов В и С. Эти данные могут свидетельствовать о времени функционирования и интенсивности накопления культурного слоя на разных участках памятника.

- Гурина Н.Н., 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение». 240 с.
- Мурашкин А.И., Карпелан К., 2013. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Матер. тематич. науч. конф. / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: СПбГУ. С. 200–207.
- Helskog K., 1980. The chronology of the younger stone age in Varanger, North Norway // Norwegian Archaeological Review. Vol. 13: 1. P. 47–54.
- Murashkin A., Kolpakov E., Shumkin V., Khartanovich V., Moiseev V., 2016. Kola Oleneostrovskiy grave field – a unique burial site in the European Arctic // «New Sites, New Methods». Proceedings of the 14th Finnish-Russian Archaeological Symposium, Helsinki, 19–20 November 2014. Iskos 21 / Eds. P. Uino, K. Nordqvist. Helsinki: The Finnish antiquarian society. P. 185–199.
- Olsen B., 1994. Bostning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo: Universitetsforlaget. 158 p.
- Simonsen P., 1961. Varanger-Funnene II. Fund og udgravninger på fjordens sydkyst. Tromsø Museum Skrifter. Vol. VII, hefte II. Tromsø. 524 p.
- Solberg O., 1909. Eisenzeitfund aus Ostfinnmarken lappländische Studien. Videnskabs-selskabets skrifter. II. Historisk-filosofisk klasse № 7. Kristiania. 154 p.

А.С. Кудашов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
aleksandr.kudashov@gmail.com*

ПРОБЛЕМА НЕОЛИТИЗАЦИИ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Вопрос об истоках керамической традиции в лесном Среднем Поволжье поднимался в научных кругах неоднократно, однако однозначный ответ на него не найден. Данная тематика продолжает вызывать острый интерес. Начало изучения раннего неолита в лесном Среднем Поволжье связано с именем А.Х. Халикова (Халиков, 1969). Изыскания были продолжены В.В. Никитиным, исследовавшим значительное количество ранне-неолитических стоянок широкими площадями. Он отмечает отсутствие признаков появления керамики на местной основе, связывая традиции производства посуды с пришлыми коллективами (Никитин, 2011. С. 135).

При работе с керамическими коллекциями памятников основное внимание уделялось морфологии посуды (особенно формам венчиков) и ее орнаментации на уровне элемента, мотива, композиции. Нами непосредственно проанализирован комплекс стоянки Сутырская V, а также представительная выборка посуды стоянок Дубовкая III, VII, VIII, Отарская VI и Нижняя Стрелка V. Также учтены и использованы разработки основного исследователя данной проблематики В.В. Никитина, опубликованные в двух монографиях и ряде статей (Никитин, 2011).

Переходя к описанию керамики Марийского края, следует отметить следующее. Ранне-неолитическая посуда представлена небольшими прямыми или округлобочными банками с плоским/плосковогнутым дном. Поверхность сосудов тщательно заглажена, внешняя залощена. Фрагменты керамики имеют визуальную плотную формовочную массу, исходное пластичное сырье – илестые глины, которые иногда содержат примесь песка, ракушки или органики (Васильева, Выборнов, 2015). Основная масса сосудов

неорнаментирована, остальные украшены в технике накола треугольной или округлой формы, орнамент сильно разрежен. По краю горла сосудов зачастую представлен горизонтальный пояс круглых вдавлений, иногда сквозных. Орнамент занимает верхнюю или нижнюю треть сосуда, а также может заходить и на плоское дно. Композиции представляют собой простые горизонтальные или диагональные пояса наколов, также встречаются зигзаги, волны, пересекающиеся линии, редко встречаются геометрические фигуры (Никитин, 2011. С. 17–113).

Поиски наиболее вероятного источника генезиса гончарства лесного Среднего Поволжья приводят в лесостепную зону, на территорию бытования елшанской культуры (Васильева, Выборнов, 2015). В частности, наибольшую близость ранние материалы Марийского Поволжья обнаруживают с комплексами второго этапа елшанской культуры, выделяемого в так называемый луговской тип. Анализ радиоуглеродных данных подтверждает версию о связи ранней керамики лесного Поволжья с вышеуказанным типом. Датировки стоянок Красный Городок – 6730 ± 100 ВР, Елшанка X – 6820 ± 90 ВР, Ильинской – 6820 ± 150 ВР, Луговое III – 6700 ± 100 ВР (Выборнов, 2008, С. 241, 247) имеют близкие временные рамки с марийскими – Дубовского III поселения – 6892 ± 40 ВР, 7000 ± 150 ВР (Васильева, Выборнов, 2015. С. 70).

Комплексы стоянок Самарского Поволжья с посудой луговского типа (Лебяжинка IV, Ильинка, Большая Раковка II) были обработаны нами непосредственно, материалы Ульяновского Поволжья (Луговое III, Елшанка XI) анализировались по специальным публикациям (Буров, 1980; Вискалин, 2004). Посуда луговского типа орнаментирована одним или несколькими рядами жемчужин или сквозных отверстий под срезом венчика. Фрагменты относительно тонкостенны, имеют лощение на внутренней и внешней поверхности. Шейка венчика прямая, срез преимущественно округлый или приостренный. Форма сосудов баночная, с плоским или плосковогнутым дном. Исходным пластичным сырьем при изготовлении данной посуды являлись преимущественно илестые глины (Васильева, 2011. С. 78).

Сравнительный анализ показывает, что посуда луговского типа и раннеолитическая керамика Марийского Поволжья имеет значительную близость как на уровне морфологии сосудов, так и на уровне их декорирования, а именно крайне бедной орнаментации сосудов. Черты сходства позволяют допустить активную роль лесостепного населения в неолитизации лесного Среднего Поволжья. Это предположение представляется более вероятным, если учитывать единую волжскую гидросистему, по которой южные неолитические коллективы могли переместиться в лесное Поволжье (Васильев, Выборнов, 1988. С. 33), но в то же время оно нуждается в дальнейшем фактическом подтверждении.

Буров Г.М., 1980. Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск: Приволжское кн. изд-во. 120 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ. 112 с.

Васильева И.Н., 2011. Раннеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (46). Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 70–81.

Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2015. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 68–98.

Вискалин А.В., 2004. Елшанка XI – новая стоянка средневолжской неолитической культуры на Верхней Свияге // Исторические исследования. Вып. 5. Самара: Изд-во СГПУ. С. 144–154.

Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во СГПУ. 490 с.

Никитин В.В., 2011. Ранний неолит Марийского Поволжья // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 470 с.

Халиков А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М: Наука. 396 с.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА РЕАЛЬ-АЛЬТО (РЕСПУБЛИКА ЭКВАДОР)

Памятник Реаль-Альто (Real Alto) был открыт Х.Г. Маркосом в 1971 г. Он расположен на серии пологих холмов, между населенными пунктами Эль Реаль, Печиче и Манантиаль, в бассейне р. Верде (Lathrap, Marcos, Zeidler, 1977). В 2014–2015 гг. на памятнике работала российско-эквадорская экспедиция (рук. А.Н. Попов и А.В. Табарев) (Памятник Реаль-Альто..., 2015).

Реаль-Альто – опорный памятник раннеформативной (Табарев, 2016) культуры вальдивия, на котором представлены все 8 фаз ее развития в диапазоне 6400–3450 л.н. (кал.). Присутствие более поздних культур (мачалилья, гуангала) минимально (не более 0,1% от общего числа находок). Цель проводимых исследований — комплексное изучение наиболее ранних этапов культуры вальдивия в контексте начала процесса неолитизации на тихоокеанском побережье Эквадора.

Раскоп 2014–2015 гг. (60 кв. м) был заложен в северо-восточной части памятника, где представлены только ранние фазы культуры вальдивия. В стратиграфической колонке раскопа выделены 4 культуросодержащих слоя. Первый представлен смешанным контекстом, 2-й и 3-й иллюстрируют I и II фазы культуры вальдивия, а 4-й – бескерамический комплекс, который по времени предшествует ранней вальдивии.

Керамический материал, обнаруженный в раскопе, представляет две культуры формативного периода – вальдивию и мачалилья. Основная часть керамики относится к культуре вальдивия. Всего определено 15 типов посуды, из них чаще всего встречаются 4 типа, датируемые ранними 1-й и 2-й фазами культуры. Отдельного внимания заслуживают фрагменты керамики, найденные на контакте 3-го и 4-го слоев. Ранее единичные фрагменты подобной керамики встречались как на Реаль-Альто, так и на памятнике Вальдивия в довальдивийских слоях. Для керамики такого типа было предложено название «Сан-Педро», и по сравнению с вальдивийской технологически, морфологически и в декоре она выглядит более архаичной.

Общее количество артефактов из камня составляет 2464 экз., из них 1395 приходится на слои 1–3 и 1069 – на бескерамический 4-й слой. Ведущими категориями изделий в обоих комплексах являются обломки терочников, колотые кварцитовые гальки, галечные отщепы, а также отщепы из халцедона, кремнистого сланца, яшмоидов. Вместе с тем в бескерамическом комплексе выше процент нуклеусов, меньшее количество дебритажа, большее сырьевое разнообразие.

Остатки беспозвоночных относятся не менее чем к 20 видам двустворчатых и 22 видам брюхоногих моллюсков, из них более 80% приходится на долю основных объектов добычи – *Anadara* и *Cerithidea valida*. Из найденных 1248 костей млекопитающих определено 16,5%, из них: 25% – парнокопытные (кабан, косуля и олень), 0,1% – собака, 1% – морские млекопитающие.

Кроме того, найдены два погребения. Это первые погребения, относящиеся к ранним фазам культуры вальдивия. Выполнены они по правилам двух разных обрядов: первичного, с анатомически полным костяком, и вторичного, когда в могилу укладывалась лишь часть костей, предварительно очищенных от плоти.

В результате георадарных работ на памятнике выделены границы распространения раковинных куч, контуры жилищ, расположенных на разной глубине, а также следы искусственных земляных насыпей (платформ), на которых вальдивийцы сооружали жилищные, хозяйственные и ритуальные конструкции.

Три радиоуглеродных датировки, полученные по углю и нагару на керамике из нижней части слоя 2 и из слоя 3 (IAAA-141115 – 4450±30, IAAA-141116 – 4490±30, IAAA-141114 – 4620±30, некал.) (Tabarev et al, 2015), по существующей хронологии культуры вальдивия располагаются между фазой I (Ib) и II (IIa).

Результаты проведенных исследований показывают, что ранним фазам культуры вальдивия предшествует керамика сан-педро, более примитивная технологически, морфологически и в орнаменте. Однако возникает вопрос, относится ли керамика сан-педро к начальным этапам производства керамики в культуре вальдивия, или это иная, еще более ранняя формативная культура, предшествующая вальдивии. Ответить на этот вопрос позволят будущие исследования.

- Памятник Реаль-Альто и особенности раннего формативного периода на побережье Эквадора: работы первой комплексной российско-эквадорской археологической экспедиции в 2014–2015 гг., 2015 / ДВФУ, ESPOL; отв. ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: ДВФУ. 71 с. (Сер. «Тихоокеанская археология». Вып. 34.)
- Табарев А.В., 2016. Формативный период в археологии Эквадора: анатомия термина и вопросы практического применения // Теория и практика археологических исследований. № 1 (13). С. 110–125.
- Lathrap D.W., Marcos J.G., Zeidler J.A., 1977. Real Alto, an Ancient Ceremonial Center // *Archaeology*. Vol. 30 (1). P. 2–13.
- Tabarev A.V., Kanomata Y., Marcos J.G., Popov A.N., Lazin B.V., 2015. Insights into the Earliest Formative Period of Coastal Ecuador: New Evidence and Radiocarbon Dates from the Real Alto Site // *Radiocarbon*. № 58 (2). P. 323–330.

С.П. Медведев

*НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва
stas-roi@mail.ru*

ВЕРХНИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II – ОПЫТ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ

Стоянка эпохи позднего палеолита Каменная Балка II располагается на первом приустьевом мысу правого берега р. Каменная балка, на восточной окраине хутора Недвиговка (Мясниковский район, Ростовская область РФ). Верхний культурный слой залегает в нижней половине буровато-палевого лессовидного суглинка, датированного по естественнонаучным данным около 13,5–12 тыс. л.н., что соотносится с интерстадиалом бёллинг (Леонова и др., 2006. С. 122–123).

Коллекция каменных артефактов верхнего культурного слоя насчитывает 7760 предметов из кремня, 11 – из сланца (в том числе 2 ретушера), 7 – из известняка (в том числе 3 крупных плитки), 6 – из кварцита и 1 – из песчаника. На стоянке представлен полный цикл обработки кремня от оформления нуклеуса до изготовления орудий, присутствуют следы их утилизации и подправки (по предварительным данным функционального анализа). Нуклеусов мало – 58 шт. (менее 1% от общего количества находок), орудий – 902 (11,6%). Среди них преобладают резцы и скребки.

Для проведения пространственного анализа была создана электронная база данных, характеризующая качественно и количественно каменный инвентарь каждого квадрата. Для визуализации этих данных был использован метод, разработанный И.С. Тороповым, заключающийся в построении схемы плотности распределения находок (Торопов, 2001). В качестве критерия для выделения на территории скоплений была взята величина среднеквадратического отклонения, равная в данном случае 13,6.

Для того чтобы проследить структуру и попытаться определить хозяйственную специализацию отдельных участков стоянки, ее территория была поделена на зоны. Некоторые из этих зон (СЗЗ, СЗ, С и СВ) четко отделяются от соседних «стерильным» пространством без находок. Другие же границы носят условный характер.

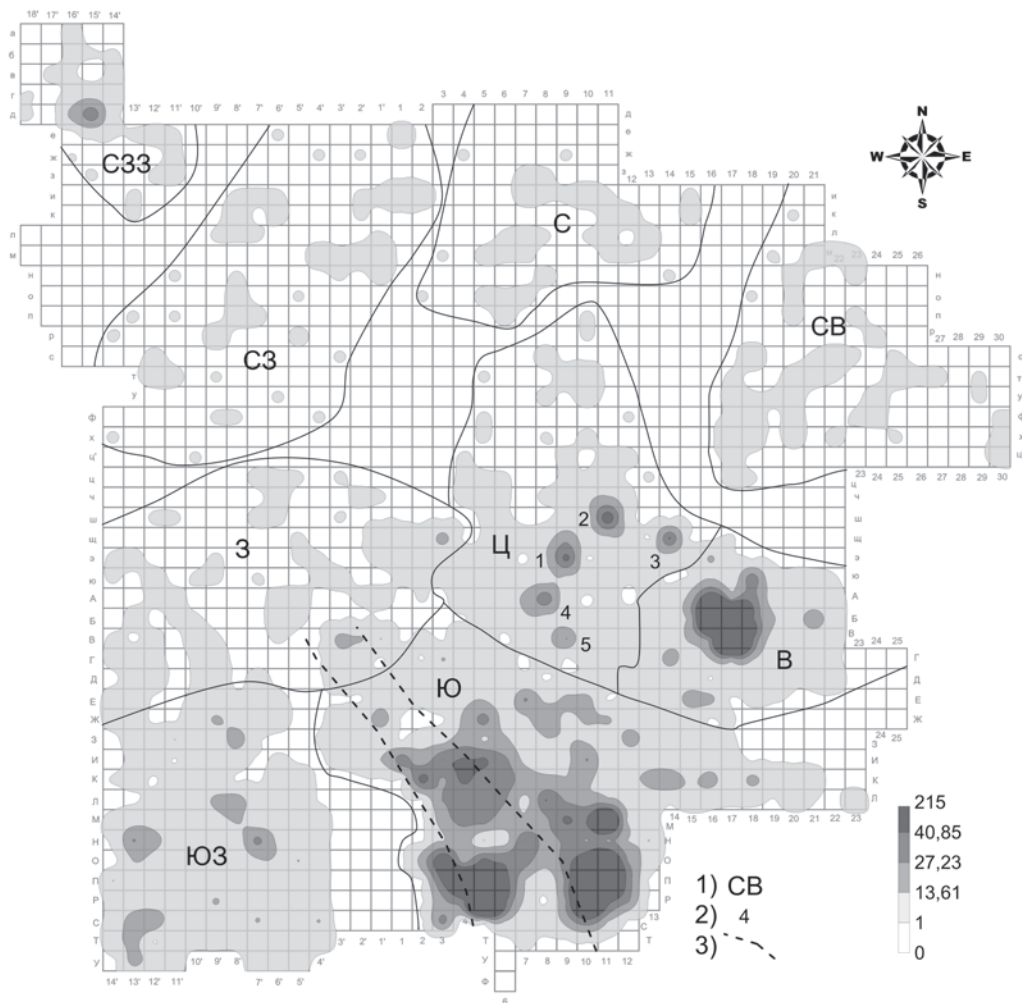

Рис. 1. Каменная Балка II (верхний слой). Схема плотности распределения кремневых артефактов.

1 – зона стоянки; 2 – скопление центральной зоны; 3 – граница русла погребенной ложбины.

Зоны СЗ, С, СВ и З во многом схожи: на них нет скоплений кремневых артефактов; низкое, по сравнению с другими зонами, содержание находок; повышенное содержание орудий; почти полное отсутствие мелкого дебитаж. Исходя из этого, можно трактовать эти участки как периферийные.

Зона ЮЗ характеризуется повышенным содержанием предметов, связанных с циклом первичного расщепления, и низким содержанием орудий и микродебитаж. На ее территории расположены 12 мелких и маловыразительных скоплений, которые, скорее всего, можно связать с производственной деятельностью, направленной на работу по оформлению нуклеуса и снятия заготовок.

Зона Ю содержит примерно половину от общего количества находок в коллекции. Тут расположено самое крупное скопление, в рамках которого можно выделить 3 отдельных участка сгущения находок. В их составе преобладает крупный и мелкий дебитаж. На территории этой зоны прослежено русло древней ложбины, прорезавшей культурный слой. Вероятно, накопление здесь такого большого массива находок можно объяснить смывом их с более высоких по склону участков стоянки.

Зона Ц стоянки характеризуется наибольшим процентным содержанием орудий (21,88%). В ее пределах было выделено 5 скоплений. Скопления 1 и 2 очень похожи по своему составу: почти нет следов работы с нуклеусом, напротив, много мелкого дебитаж (26–38%), много пластинчатых сколов, повышенное содержание орудий (16–17%). Кроме этого, в окраинной части скопления 1 был обнаружен сланцевый ретушер

с интенсивными следами, говорящими об изготовлении или подправке орудий. Скопление 4 отличается от других комплексов верхнего слоя тем, что в его составе преобладают пластинчатые сколы (36%) и орудия (30%). При этом абсолютно нет мелкого дебитажа. Такая совокупность позволяет предварительно трактовать это скопление как участок специализированной работы орудиями. Для Ц зоны стоянки характерно рассеянное распространение орудий вне скоплений, большей частью представленных скребками.

Скопление 1 в зоне В памятника демонстрирует наибольшую концентрацию находок, в его рамках представлены все стадии технологической цепочки по обработке кремневого сырья при преобладании крупного и мелкого дебитажа. Учитывая, что в стратиграфическом плане скопление имеет достаточно однородную структуру, можно характеризовать этот комплекс как жилую площадку.

В результате проведенного пространственного анализа удалось выделить на территории стоянки участки, связанные с первичным расщеплением кремня (зона ЮЗ), изготовлением и утилизацией орудий (зона Ц), а также комплекс, который можно предварительно трактовать как жилую структуру (зона В). Задачей дальнейшего исследования является установление единовременности бытования этих объектов и их взаимной связи.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А., 2006. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье) / Отв. ред. О.А. Воейкова. М.: Научный мир. 324 с.

Торопов И.С., 2001. Выделение жилых комплексов на стоянке Каменная Балка I с использованием компьютерной базы данных. Дипломная работа кафедры археологии исторического факультета МГУ.

Е.Н. Митрошин

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
mitroshindjon@yandex.ru*

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ПОСЕЛЕНИЯ ОГУРДИНО (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2002 Г.)

Огурдинское поселение расположено на правом берегу р. Кама между п. Огурдино и п. Орел Усольского района Пермского края. Оно занимает край высокой надпойменной террасы, возвышаясь над уровнем реки на 10–11 м, и простирается вдоль берега на 2–2,5 км.

Памятник был открыт в 1949 г. В.П. Денисовым и В.А. Обориным и сразу же привлек внимание О.Н. Бадера своим кремневым микролитическим инвентарем. Данное поселение является самым большим мезолитическим памятником на территории Среднего и Верхнего Прикамья. Материалы памятника были использованы О.Н. Бадером при характеристике развитого этапа камской мезолитической культуры (Мельничук, Чурилов, 2003. С. 20–21).

Последние по времени исследования были проведены в 2002 г. под руководством Н.Б. Крыласовой и Е.Л. Лычагиной. Площадь раскопа 2002 г. – 96 кв. м. К мезолитическому комплексу было отнесено 374 изделия из камня (Лычагина, 2014. С. 182–187).

Перед тем как перейти к результатам трасологического анализа, необходимо коротко остановиться на типологической характеристике комплекса.

Основным сырьем для изготовления орудий служил кремень разных цветов (в основном, серый, коричневый, черный) галечникового происхождения – 87%. Остальные 13% изготовлены из других пород – кварцито-песчаника разного цвета, сланца, халцедона и окремненного известняка (Митрошин, 2016. С. 83–86).

К отходам производства было отнесено 218 экз. (58% от всего мезолитического комплекса). Пластин без ретуши – 56 экз. Различные части пластин представлены в равных

Табл. 1. Соотношение данных типологии и трасологии

Категории орудий	Данные типологии		Данные трасологии	
	экз.	%	экз.	%
Скребки	16	25	26	24
Скобели	7	11	9	8
Резчики-скобели	-	-	2	2
Ножи	-	-	38	35
Сверла	1	1,5	7	6
Проколки	2	3	5	4
Комбинированные орудия	4	6	-	-
Строгальные ножи	-	-	7	6
Резчики	1	1,5	8	7
Резцы	2	3	-	-
Ретушеры	-	-	8	7
Пилка	-	-	1	1
Обломки орудий	4	6	-	-
Пластины с ретушью	25	38,5	-	-
Отщепы с ретушью	3	4,5	-	-
Итого	65	100	111	100

пропорциях. Большинство пластин – 39 экз. (70%) – относится к мелким, их ширина колеблется в пределах 0,6–1 см. Ширины 1–1,5 см имеют всего 8 пластин (14%). В коллекции имеются и 9 микропластин (16%). Если объединить микро- и мелкие пластины, то получится, что ширины до 1 см имеют 86% пластин.

К орудиям было отнесено 65 экз. На пластинах изготовлено 35 экз., а на отщепах – 15 экз. Остальные орудия были изготовлены либо на нуклеусах и сколах с них, либо представлены неопределимыми обломками (15 экз.). Соотношение орудий на пластинах и отщепах – 70:30. Наличие значительной группы орудий на отщепах и других формах нехарактерно для данного памятника. Возможно, оно связано со спецификой раскопанной части поселения.

Трасологический анализ проводился с помощью стереоскопического микроскопа Микромед МС-2-ZOOM и металлографического микроскопа Микромед-ПОЛАР-2 на базе ЛАЭИ ПГГПУ и экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН совместно с Г.Н. Поплевко.

В результате анализа всей коллекции каменных изделий следы работы были зафиксированы на 84 предметах, а количество рабочих поверхностей увеличилось до 111 (за счет наличия нескольких лезвий у части орудий).

Соотношение данных типологического и трасологического анализов показывает, что трасологическое исследование всех изделий коллекции позволило выявить в два раза больше орудий, чем типологическое. В частности, стало возможным выделить такие категории орудий, как строгальные ножи, проколки, сверла, ретушеры (табл. 1).

Распределение трасологически выделенных орудий по технологическим заготовкам показало преобладание в качестве заготовок пластин (79 экз. – 77%) над отщепами (23 экз. – 23%) и другими категориями продуктов расщепления (9 экз.), что не сильно отличается от соотношения, полученного на основе типологического выделения (табл. 2).

Отщепы чаще всего использовались для изготовления скребков, сверл, ретушеров, а пластины – для изготовления ножей для мяса/рыбы, строгальных ножей, скобелей, скребков и резчиков. В качестве основных заготовок для них выступали мелкие отщепы (до 3 см) и мелкие пластины (шириной 0,6–1 см) (табл. 2).

Ведущую роль играли орудия, связанные с обработкой продуктов охоты и рыболовства (43%). Значительную группу составили орудия, относящиеся к обработке дерева (25%). Орудия, применявшиеся для обработки кости/рога заняли третью по численности

Табл. 2. Распределение трасологически выделенных орудий по технологическим заготовкам

Трасологически выделенные орудия	Скребки	Скобели	Ретушеры	Ножи для мяса, рыбы, шкуры	Сверла	Проколки	Строгальные ножи	Резчики	Резчики-скобели	Пилка	Всего
Продукты расщепления											
Отщепы	12	-	4	-	3	1	-	-	-	-	20
мелкие	12	-	4	-	3	1	-	-	-	-	20
Пластинчатые отщепы	2	-	-	-	-	1	-	-	-	-	3
мелкие	2	-	-	-	-	1	-	-	-	-	3
Пластины	7	9		38	4	3	7	8	2	1	79
крупные (15–20 мм)	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	2
средние (10–15 мм)	1	4	-	2	2	2	2	1	1	-	15
мелкие (6–10 мм)	4	4	-	30	1	1	4	4	1	1	50
микро-пластинки	2	1	-	6	-	-	1	2	-	-	12
Нуклеидные осколки	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Обломки	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Гальки и их фрагменты	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	4
Сколы	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	3
Всего	23	9	8	38	7	5	7	8	2	1	111

Табл. 3. Распределение трасологически выделенных орудий по хозяйственным комплексам

Обработка кости/ рога		Обработка продуктов охоты, р/л: мяса, шкур		Обработка дерева		Обработка камня	
Сверло	1	Проколки	5	Свёрла	5	Сверло	1
Строгальные ножи	3	Ножи для мяса/ рыбы	38	Строгальные ножи	4	Ретушеры	8
Резчик	1			Резчики	6	Резчик	1
Скребки	10	Скребки	5	Скребки	6	Скребки	5
Скобели	2			Скобели	7		
Резчик-скобель	2						
Пилка	1						
Итого	20		48		28		15
100%	18		43		25		14

группу (18%). Самым малочисленным являлся комплекс орудий для обработки камня (14%) (табл. 3).

В результате проведенного анализа выявлены следующие характерные черты: преобладание трасологически выделенных орудий на пластинах над орудиями на отщепах; небольшие размеры заготовок орудий, использование пластин для разных типов орудий; наличие разнообразных форм орудий при ведущей роли ножей.

Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., 2003. О.Н. Бадер и изучение камского мезолита // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь: Пермский педагогический ин-т. С. 20–21.

Лычагина Е.Л., 2014. Каменный инвентарь поселения Огурдино (по материалам раскопок 2002 г.) // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. С. 182–187.

Митрошин Е.Н., 2016. Поселение Огурдино как источник для изучения мезолита Прикамья // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных. Тез. Междунар. науч. конф. молодых ученых. СПб.: ИИМК РАН. С. 83–86.

А.С. Попов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Asya.samara@gmail.com*

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ПРИКАСПИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Более 40 лет назад А.Н. Мелентьев проводил изыскания в Северном Прикаспии, результаты которых позволили ему выделить прикаспийскую культуру. А.Н. Мелентьев относил ее к позднему неолиту, однако его утверждение подверглось сомнению; существует мнение, что эта культура энеолитическая (Юдин, 2012). Данное мнение основывается на анализе керамики, который выявил примесь толченой раковины в тесте, орнамент в виде отпечатков гребенчатого штампа и воротничок на внешней стороне венчика. Еще одним признаком культуры стало доминирование кварцитового сырья в каменном инвентаре (Мелентьев, 1976). Однако памятники данного типа малочисленны и содержат инокультурную примесь в слое, что не позволяло достоверно выделить особенности индустрии.

В 1980-е годы была исследована стоянка Курпеже–Молла, содержащая материалы прикаспийской культуры (Барынкин, Васильев, 1985. С. 58). Коллекция каменного инвентаря насчитывает 1820 экз.: 1091 – из кварцита, 729 – из кремня. Из кварцитового сырья изготавливались орудия на крупных пластинах и массивных отщепах. Можно выделить несколько категорий: концевые скребки, симметричные острия, крупные ретушированные пластины, двусторонне обработанные наконечники стрел в форме «рыбки», характерных для прикаспийской культуры. Также присутствуют и небольшие пластины с характерной обработкой: по их продольным краям нанесена ретушь – «вкладыши». Но анализ коллекции показал, что имеется и группа изделий, например двусторонне обработанные наконечники стрел треугольной формы, типичные для хвалынской культуры. Несмотря на то, что исследователи предполагают сочетание макро- и микротехники (Юдин, 2012), отнести данную технологию к прикаспийской культуре не представляется возможным из-за наличия в комплексе хвалынских материалов, для которых данное сочетание доказано (Попов, 2015. С. 65). Присутствие хвалынских древностей на поселении подтверждается и наличием керамики данного типа (Дога, 2016. С. 40).

Подобная картина прослеживается и на стоянке Озинки II в Саратовском Заволжье (Лопатин, 1989. С. 135). Автор раскопок отмечает как изделия из кварцита, так и изделия из кремня белого цвета. Здесь также есть основания предполагать присутствие хвалынских артефактов.

Ситуация изменилась с открытием памятника Орошаемое I в Саратовской области, где предположительно обнаружен «чистый» прикаспийский слой (Выборнов и др., 2016. С. 140). Именно его исследование позволило вернуться к выводам, сделанным на основе материалов стоянок, раскопанных 40 лет назад. Памятник изучался в 2014–2016 гг. В результате раскопок 2016 г. обнаружено 80 изделий из камня, среди которых 47 кварцитовых, 32 изделия представляют собой отходы первичного расщепления. Пластины и их сечения – 27 экз. Особый интерес представляет комплекс кварцитовых орудий. Он состоит из двух крупных скребков, один скребок изготовлен на поперечном сколе с нуклеуса. Присутствует одно крупное лезвие ножа и три небольшие ретушированные пластины, а также два обломка орудия. Доля кварцитовых изделий за три года раскопок составляет 72%. Таким образом, становится возможным подтвердить первый тезис о доминировании кварцитового сырья на материалах «чистого» памятника. В результате раскопок 2015 г. наряду с крупными кварцитовыми орудиями (концевые скребки, пластины) был обнаружен и «вкладыш», что подтверждает второй тезис о сосуществовании микро- и макротехники у прикаспийского населения.

- Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Из-во ВГПИ. С. 58–73.
- Выборнов А.А., Юдин А.И., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Попов А.С., 2016. Исследование поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 18. № 3. С. 140–146.
- Дога Н.С., 2016. Новые подходы и интерпретации в изучении стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных. Тез. междунар. науч. конф. молодых ученых / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН. С. 40–42.
- Лопатин В.А., 1989. Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 135–148.
- Мелентьев А.Н., 1976. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 22–25.
- Попов А.С., 2015. К историографии хвалынской культуры // Новые материалы и методы археологического исследования. Матер. III Междунар. конф. молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 65–67.
- Юдин А.И., 2012. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга. 213 с.

М.В. Селецкий

Новосибирский государственный университет

Archmax95@gmail.com

НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ НАВЕСА БАДЫНОКО (ВОСТОЧНОЕ ПРИЭЛЬБРУСЬЕ)

Финальноплейстоценовые–раннеголоценовые комплексы кавказского региона являются одними из ключевых для понимания развития древнейших культур. Основные предложенные схемы их культурно-хронологического членения основаны на типологическом подходе. На настоящий момент с привлечением новых методов атрибуция многих индустрий пересматривается (Бадер, Церетели, Мелентьев, 1989. С. 93–94; Голованова, Дороничев, 2012. С. 59; Леонова, 2015. С. 77).

Данная работа посвящена подробному технико-типологическому анализу материалов стратифицированного памятника Бадыноко. Стоянка расположена в 50–60 км на запад-юго-запад от г. Нальчик на левом берегу р. Баксан, открыта в 2004 г. отрядом под руководством В.Н. Зенина (Деревянко и др., 2004. С. 70). Исследователем было выделено на памятнике 8 литологических слоев, из которых не потревожены только слои 7 и 8, отнесенные исследователями к эпохе мезолита (Зенин, Орлова, 2006. С. 54–57).

Слой 7 представляет собой темно-серые, супесчаные, пылеватые с золисто-угольными прослоями отложения, в которых в большом количестве встречаются уголь, раковины *Neih*. Мощность слоя составляет 1,1 м (Деревянко и др., 2004. С. 73–74). Слой 8 представляет собой желтовато-серые суглинки с включениями дресвы, щебня и крупных глыб. Мощность слоя составляет 1,3 м (Деревянко и др., 2004. С. 74).

Технико-типологический анализ в рамках атрибутивного подхода позволил дать детальную характеристику мезолитических комплексов навеса Бадыноко. Также было установлено, что по сырьевым стратегиям, технологии первичного расщепления, составу орудийного набора и характеру использовавшейся вторичной обработки материалы навеса Бадыноко можно подразделить на три комплекса – нижний, средний и верхний.

Нижний комплекс (слои 8 и 7.5) характеризуется использованием преимущественно обсидианового сырья, в первичном расщеплении доминирует объемный принцип, направленный на получение пластинок. В орудийном наборе представлены скребки, выемчатые и долотовидное орудия.

Сырьевая база среднего комплекса (слоя 7.4 и 7.3) характеризуется использованием кремня и обсидиана в равной степени. В первичном расщеплении доминирует объемный принцип, направленный на получение пластинок и микропластин. В орудийном наборе широко представлены геометрические микролиты и усеченные пластинки и микропластины.

Для верхнего комплекса (слои 7.2 и 7.1) характерно преимущественное использование в первичном расщеплении кремня и получение с объемных нуклеусов заготовок в виде пластинок и микропластин. Орудийный набор характеризуется малой долей геометрических микролитов и усеченных пластинок, здесь преобладают микроскребки и выемчатые орудия.

Таким образом, проведенный анализ позволил уточнить технико-типологическую характеристику мезолитических индустрий навеса Бадыноко. Ранее материалы данного памятника рассматривались в совокупности, в результате новых исследований удалось проследить различия между культурными горизонтами и выделить три комплекса. Проведение в дальнейшем подробного анализа синхронных каменных индустрий восточного Приэльбрусья позволит уточнить их культурно-хронологическую позицию.

Бадер Н.О., Церетели Л.Д., Мелентьев А.Н., 1989. Мезолит Кавказа // Археология СССР. Мезолит СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука. С. 93-105.

Голованова Л.В., Дороничев В.К., 2012. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина / Сост. Г.В. Синицина, И.В. Федюнина. М.: ИА РАН. С. 59–102.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П., Керемов Б.М., Виндугов Х.Х., 2004. Бадыноко – новое многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2004 г. Т. X. Ч. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 70–76.

Зенин В.Н., Орлова Л.А., 2006. Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тез. конф. / Отв. ред. И.М. Чеченов. Нальчик: Институт археологии Кавказа. С. 54–57.

Леонова Е.В., 2015. К проблеме хронологии и культурной варибельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишков. Москва: Отд. ист.-филологич. наук. С. 77–85.

ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ УКРАШЕНИЙ ИЗ БИВНЯ МАМОНТА СО СТОЯНКИ СУНГИРЬ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Украшения из коллекций верхнепалеолитических стоянок являются неотъемлемой частью материальной культуры древнего человека и наряду с кремневым и костяным инвентарем имеют большое значение для характеристики и выявления культурных сходств и различий памятников.

Глобальной целью исследования является изучение становления традиции изготовления украшений в рамках формирования верхнепалеолитической культуры. Основная задача работы состоит в технико-типологическом анализе бивневых украшений со стоянки Сунгирь.

В захоронениях, зафиксированных на памятнике, было обнаружено огромное количество бус из бивня: по данным автора раскопок О.Н. Бадера, в погребении мужчины – около 3500 экз., в погребении мальчика – 2728 экз., в погребении девочки – 3504 экз., всего около 9732 бус (Бадер, 1998). Кроме того, найдены бивневые браслеты: О.Н. Бадер определяет их число в 47 экз. (около 20 экз. в могиле мужчины и 27 экз. в детской могиле) (Бадер, 1998). Однако на настоящий момент данная категория украшений представлена большим количеством мелких фрагментов и обломков, что существенно затрудняет подсчет их точного количества (Браслеты..., 2011). Помимо находок в захоронениях, известны бивневые бусы и браслеты, а также их заготовки на разных стадиях оформления, происходящие непосредственно из культурного слоя Сунгиря. Таким образом, материал исследования крайне обширен.

Стоянка Сунгирь является уникальной по объему коллекции в ряду памятников ранней поры верхнего палеолита. Несмотря на огромный научный потенциал описанных материалов публикации, посвященные представленной теме, единичны. О.Н. Бадер провел первичный анализ бус из бивня, разделив их на три типа (Бадер и др., 1966; Бадер, 1998). Изучением данной категории украшений отчасти занимался также Р. Вайт (White, 1993; 1999). Однако полноценного изучения всего массива бус из коллекции стоянки Сунгирь до сих пор проведено не было; возможно, первичная классификация О.Н. Бадера будет пересмотрена при тщательном анализе материалов.

А.Н. Муравьева и А.Н. Денисова (Пальцева) рассматривали проблему исследования сунгирских бивневых браслетов в немногочисленных публикациях (Муравьева, 2001; Браслеты..., 2011). Данная классификация построена на формальной основе и требует пересмотра с учетом технологических особенностей изготовления с опорой на результаты технико-типологического исследования орудийного комплекса, которые уже доказали состоятельность и пригодность для сравнительного анализа с материалами других памятников (Солдатова, 2015).

Кроме того, необходимость анализа украшений из бивня со стоянки Сунгирь обусловлена неясным положением памятника среди культур верхнего палеолита Европы. Часть исследователей относят стоянку к костенковско-стрелецкой культуре, другие отмечают в ее материальной культуре как ориньякоидные, так и селетоидные черты (Бадер, 1978; Гаврилов, 2004; Grigoriev, 1990; White, 1993). Исследования автора работы, посвященные костяной индустрии стоянки, позволили провести параллели между Сунгирем и памятниками культуры ориньяк I по характеру использования бивня (Солдатова, 2013). Возможно, детальное изучение украшений из данного вида сырья поможет подтвердить или скорректировать данные выводы, а также найти аналогии среди европейских памятников ранней поры верхнего палеолита.

Проведение технико-типологического анализа украшений из бивня со стоянки Сунгирь позволит расширить и дополнить существующие представления об использова-

нии данного вида твердого органического сырья на памятнике, особенностях технологии изготовления рассматриваемых изделий, а также их типологическом разнообразии. Полученные результаты в дальнейшем могут быть использованы при комплексном изучении украшений из коллекций ранней поры верхнего палеолита Европы.

- Бадер О.Н., Громов В.И., Сукачев В.Н., 1966. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. (Труды ГИН АН СССР. Т. 162.) М.: Наука. 140 с.
- Бадер О.Н., 1978. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука. 271 с.
- Бадер О.Н., 1998. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда) / Ред. Н.О. Бадер, Ю.А. Лаврушин. М.: Научный мир. С. 5–158.
- Браслеты из мужского и детского погребений со стоянки Сунгирь, 2011 / Сост. А.Н. Пальцева. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. 84 с.
- Гаврилов К.Н., 2004. Типология и пространственное распределение каменных орудий сунгирского верхнепалеолитического поселения // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Путеводитель и тезисы докладов. Воронеж. С. 97–98.
- Муравьева А.Н., 2001. Браслеты из погребения мужчины со стоянки Сунгирь // Материалы исследований Владимиро-суздальского музея-заповедника. Вып. 7. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 86–92.
- Солдатова Т.Е., 2013. Изделия из органического сырья стоянки Сунгирь в контексте костяных индустрий памятников ранней поры верхнего палеолита Европы // КСИА. Вып. 230. С. 267–275.
- Солдатова Т.Е., 2015. Костяные индустрии ранней поры верхнего палеолита Европы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Grigoriev G.P., 1990. Sungir // ERAUL. № 42. P. 137–139.
- White R., 1993. Technological and social dimensions of “Aurignacian Age” body ornaments across Europe / Eds. H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White, Before Lascaux. Boca Raton, FL: CRC Press. P. 277–299.
- White R., 1999. Intégrer la complexité sociale et opérationnelle: la construction matérielle de l’identité sociale à Sungir // Préhistoire d’os. Recueil d’études sur l’industrie osseuse préhistorique offert à Henriette Camps-Faber. Publications de l’Université de Provence, Aix-en-Provence. P. 319–331.

А.В. Сомов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
somov.anatoly@gmail.com*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ РАЗВИТОГО И ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНОВ РЕК САМАРА И СОК В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ

В Среднем Поволжье известно более 30 неолитических памятников, которые составляют представительную источниковую базу. Изучение неолита региона было начато в 70-е годы XX в. и осуществляется по настоящее время. Посуда, орнаментированная наколами и оттисками гребенчатого штампа, была объединена в средневожскую культуру (Васильев, Выборнов, 1988). Данная работа посвящена сравнительному анализу керамики развитого и позднего неолита памятников бассейнов р. Самара и Сок ввиду определенных локальных различий комплексов данных микрорегионов.

Источниковой базой исследования послужили материалы неолитических стоянок и результаты изысканий ведущих специалистов (табл. 1). Данные о технологии изготовления посуды конкретных стоянок взяты из цикла специальных публикаций И.Н. Васильевой (Васильева, 2007; 2015а; 2015б). В работе представлены результаты анализа морфологии керамики (целых форм и фрагментов венчиков) и ее декорирования на уровнях элемента, мотива и композиции.

Накольчатая группа. Сравнительный анализ накольчатой керамики стоянок микрорегионов позволяет сделать ряд важных наблюдений. Форма венчиков в основном

Табл. 1. Источниковая база исследования

Название памятника	Количество сосудов с накольчатой орнаментацией	Количество сосудов с гребенчатым и зубчатым штампом
бассейн реки Сок		
Большая Раковка II	12	10
Ильинка	28	30
Чекалино IV	4	22
Калмыковка I	23	25
Лебяжинка IV (Выборнов и др., 2007. С. 112–114)	176	40
Итого:	243	127
бассейн реки Самара		
Старая Елшанка II	13	15
Виловатое	67	59
Ивановская стоянка (Выборнов, 2008. С. 65)	150	100
Итого:	230	174

прямая. В то же время на стоянках бассейна р. Самара представлены слабопрофилированные сосуды, которые на р. Сок единичны. Срезы венчиков преимущественно плоские. Наколы на посуде стоянок бассейна р. Самара в основном округлые и треугольные, а в материалах Сокского бассейна представлены вдавления различных форм. Материалам бассейна р. Сок присущ в основном простой линейный мотив. А для посуды стоянок бассейна р. Самара наряду с простыми мотивами характерны сложные узоры (треугольники, горизонтальные или вертикальные зигзаги, косая решетка). С точки зрения технологии изготовления керамика обоих микрорегионов примерно в равной пропорции изготовлена из илов и илистых глин. Однако около 60% керамики бассейна р. Самара изготовлено с добавлением раковины в керамическое тесто, которая в сокских материалах единична (Васильева, 2007).

Накольчатая группа керамики бассейна р. Самара своими корнями восходит к степным нижневолжским культурам, что доказывается фиксацией на посуде целого комплекса «южных» признаков (Андреев, 2016), в то время как обитатели Сокского бассейна испытали опосредованное влияние степного населения и сохранили многие черты елшанского гончарства (использование илистых глин в качестве исходного сырья без добавления раковины, «простые» линейные мотивы орнамента и др.). По всей видимости, данное обстоятельство привело к определенным локальным различиям накольчатой посуды бассейнов р. Самара и Сок.

Гребенчатый комплекс. К данному комплексу отнесена посуда, орнаментированная коротким и средним слабоизогнутым зубчатым штампом, длинным прямым гребенчатым штампом и шагающей гребенкой. В материалах Сокского бассейна значительную часть составляет прямостенная посуда средней толщины (0,7–0,9 см) с плоским дном. Керамика украшена слабоизогнутым зубчатым штампом, образующим простые мотивы (горизонтальные ряды наклонных или вертикальных оттисков). В то же время в материалах бассейна р. Самара преобладает закрытая форма сосудов, толстостенность (0,8–1,1 см) и округлодонность. Орнамент выполнен длинным гребенчатым штампом, образующим более сложные мотивы (горизонтальные и вертикальные параллельные ряды, ряды наклонных отрезков, елочка, заштрихованные треугольники, сетка и т.д.). В то же время отдельные типы сосудов и мотивы орнамента, представленные на стоянках р. Самара, единично фиксируются в материалах Сокского бассейна. Технично-тех-

нологический анализ гребенчатой посуды показал, что процент сосудов с добавлением раковины в керамическое тесто меньше по сравнению с накольчатой группой.

Керамика с зубчатым штампом, скорее всего, своим происхождением связана с западными областями, также в ее генезисе, вероятно, приняло участие позднеелшанское население. Посуда, украшенная прямым длинным гребенчатым штампом, по морфологическим признакам близка к керамике камской неолитической культуры, в то же время она имеет ряд определенных отличий в технологии изготовления (Васильева, Выборнов, 2012).

Таким образом, в группе стоянок с накольчатой керамикой бассейна р. Самара мы фиксируем проникновение южного населения в лесостепь, в то время как обитатели Сокского бассейна сохранили в технологии изготовления посуды многие черты елшанского гончарства. Гребенчатый комплекс демонстрирует не только проникновение инкультурных групп на рассматриваемую территорию, но и формирование определенного набора местных признаков. По всей видимости, именно данное обстоятельство привело к определенным локальным различиям посуды бассейнов р. Самара и Сок.

- Андреев К.М., 2016. Некоторые дискуссионные вопросы изучения контактов населения степного и лесостепного Поволжья в неолите // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Элиста: Изд-во Калм. ун-та. С. 6–9.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением лесного Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск. С. 78–91.
- Васильева И.Н., 2007. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ. С. 23–38.
- Васильева И.Н., 2015а. Гончарная технология неолитического населения стоянки Лебяжинка I // Самарский научный вестник. № 4 (13). Самара: ПГСГА. С. 10–23.
- Васильева И.Н., 2015б. О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалов в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М: ИА РАН. С. 16–23.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2012. Новые подходы к изучению неолитизации в Среднем Поволжье // Самарский край в истории России. Вып. 4. Самара: Самарский областной краеведческий музей. С. 61–68.
- Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ. 490 с.
- Выборнов А.А., Мамонов А.Е., Королев А.И., Овчинникова Н.В., 2007. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // Вестник Самарского государственного педагогического университета. Исторический факультет. Самара. С. 112–114.

И.Г. Толпыгина

*Самарский государственный социально-педагогический университет
irina.tolpigena@yandex.ru*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ ЛЬЯЛОВСКОЙ СТОЯНКИ

В 1926 г. Б.С. Жуков выделил льяловскую культуру с ямочно-гребенчатой керамикой (далее ЯГК) (Жуков, 1927. С. 58). В дальнейшем ее исследованием занимались А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс, В.М. Раушенбах, В.П. Третьяков, В.В. Сидоров, А.В. Энговатова, Ю.Б. Цетлин и многие другие. В результате оформились две точки зрения. Сторонники первой считают, что наиболее ранняя керамика целиком покрыта ямочными вдавлениями с постепенным увеличением доли гребенчатых оттисков. На позднем же этапе формируется так называемая редкоямочная керамика, когда ямочный орнамент уже не имеет сплошных зон на ее поверхности, а образует геометрические композиции, перемежающиеся с неорнаментированными участками. Согласно второй точке зрения, ранний этап ЯГК характеризуется широким использованием не ямочного, а гребенча-

Табл. 1. Рецепты формовочных масс керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией

Памятник	ФОРМОВОЧНАЯ МАССА			
	ИГ+Р+ОР+П	ИГ+Д+ОР+П	ИГ+Д+П	ИГ+Д+ОР
Льяловская стоянка				
ИТОГО:	6 (15,4%)	6 (15,4%)	3 (7,6%)	24 (61,5%)

того орнамента, с тенденцией к постепенному преобладанию первого. Поздний этап, согласно сторонникам второй, так же, как и первой, точки зрения, представлен керамикой с редкоямочной орнаментацией.

В обоих случаях исследователи отводили льяловской культуре весомую роль в распространении ЯГК на значительной территории.

В настоящее время очевидно, что для решения этих вопросов необходима дополнительная информация. Она может быть получена с помощью новых подходов, к которым относится технико-технологический анализ керамики по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978), использованный в нашем исследовании для рассмотрения ЯГК Льяловской стоянки.

В целом керамика данного памятника представлена сосудами, орнаментированными белемнитными ямками в несколько рядов, полулунными вдавлениями, поясками, гребенчатым штампом. Оттиски гребенчатого штампа нанесены наклонно, иногда в виде вертикального зигзага. Порой они образуют косую решетку. Присутствуют фрагменты, орнаментированные сережкой ольхи. Керамику Льяловской стоянки можно соотнести с керамикой раннего и среднего этапов, выделенных на поселении Воймежное I А.В. Энговатовой (Энговатова, 1997).

Микроскопическому изучению были подвергнуты 39 образцов. Основное внимание уделено двум элементам гончарной технологии: представлениям об исходном пластичном сырье (ИПС) и традициям составления формовочных масс (ФМ).

Исходное пластичное сырье. По изученным материалам Льяловской стоянки выделен один вид ИПС: илестые глины.

Подготовка формовочных масс. Культурные традиции на этой ступени могут быть охарактеризованы сведениями о рецептах, включающих ИПС и искусственные добавки. В качестве таковых были выявлены следующие: 1) органические растворы (ОР); 2) дресва (Д) – гранитогнейсовая; 3) песок (П) – не окатанный кварцевый; 4) растительность (Р) – 0,5–2 мм, увлажненная.

Изучение навыков составления ФМ ЯГК Льяловской стоянки дало возможность проследить особенности этих традиций. В отличие от памятников сопредельных территорий, на данной стоянке выявлена высокая концентрация дресвы (1:3, 1:4) различных пород: гранитогнейсовая, кварцитовая. Зафиксировано четыре традиции изготовления ФМ, которая сильно запесочена песком и песочной пылью: ИГ+Р+ОР+П (15,4%), ИГ+Д+ОР+П (15,4%), ИГ+Д+П (7,6%), ИГ+Д+ОР (61,5%) (табл. 1; единица измерения – изученный образец керамики (отдельный сосуд)). В льяловской керамике выявлен органический раствор, различный по цвету: желтый и коричневый.

Отсутствие шамота в ФМ ямочно-гребенчатой керамики Льяловской стоянки говорит об отсутствии влияния на данную территорию камского населения, что прослеживается на сопредельных территориях. Об этом свидетельствует примесь шамота в ФМ керамики более поздних поселений. В Марийском Поволжье зафиксировано одновременное существование смешанных волго-камско-балахнинских, накольчато-балахнинских и волго-камско-балахнинско-накольчатых комплексов, что подтверждают данные технико-технологического анализа: ИГ+ОР+Ш (62,5%), ИГ+ОР+Д (14,5%), ИГ+ОР+Д+Ш (11%), ИГ+ОР+Д (14,5%) (Галанкина Гора II, Дубовское III, Дубовское VIII, Дубовское IX, Дубовское XII, Дубовское XIV, Русско-Луговская I) (Толпыгина, 2016). Эта же традиция прослеживается и на Черненьком озере.

- Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Жуков Б.С., 1927. К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ с. Льялово Московского уезда // Русский антропологический журнал. Т. XVI. Вып. 1–2. С. 58–75.
- Третьяков В.П., 1972. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л.: Наука. С. 71–74.
- Толпыгина И.Г., 2016. Техничко-технологический анализ ямочно-гребенчатой керамики Марийского Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Известия СНИЦ РАН.
- Энговатова А.В., 1997. Древние охотники и рыболовы Подмоскovie. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное 1. М.: ИА РАН. 283 с.

А.А. Уланов*, А.В. Тетенькин**

**Иркутский государственный университет
komrad.ulan-97@yandex.ru*

***Иркутский национальный исследовательский
технический университет
altet@list.ru*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ 2Б КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА СТОЯНКИ КОВРИЖКА IV

Памятник расположен в Бодайбинском районе Иркутской области, в центральной части Байкало-Патомского нагорья, в 17 км от г. Бодайбо, на правом берегу р. Витим. В 2016 г. раскопки проводились витимским отрядом ИРНТУ с участием трасолога Д. Жакье, университет Ренн, Франция.

Культурный горизонт 2Б залегает на глубине 0,65 м в подошве прослойки аллювиального темно-серого тонкозернистого песка мощностью 2–3 см. Он представляет собой очажный комплекс с прилегающими культурными остатками. Кострище не имеет прокала, 6 плит и валунов выложены поверх углей. Среди фаунистических остатков определены челюсти двух снежных баранов и зуб лося. По зубам снежного барана А.М. Клементьевым определен зимний сезон. Обитаемая поверхность интенсивно прокрашена охрой и фрагментами гематита (Тетенькин и др., 2016). Остатки охры в подошве орудий и очажных камней позволяют утверждать, что засыпка поверхности красящим веществом производилась перед самым началом обитания. Аналогов такого интенсивного использования охры в регионе не встречено.

Комплекс культурных остатков составляет пятно размерами 3 × 4 м. Каменная индустрия насчитывает 5562 ед. Сколы, отщепы и чешуйки составляют 5351 ед., однако только 545 (10,18%) находок представляют собой крупный дебитаж: сколы и отщепы, из которых 17 – технические сколы, 15 отщепов – первичные. Фрагментированные и целые пластины представлены в количестве 211 ед. Доля фрагментированных и целых микро-

Табл. 1. Изделия стоянки Коврижка IV

Наименование	Кол-во
Клиновидные нуклеусы	10
Отщеповый нуклеус	1
<i>Piecesquillee</i>	5
Отщепы с краевой ретушью	5
Отщепы со следами амортизации	3
Бифасы	3
Фрагменты бифаса	2
Тесловидное изделие	1

пластин в дебитаже без учета чешуек составляет 28%, отщепы и сколы составляют 72%, из них 3% – технические сколы.

Было определено 30 изделий, 11 из которых нуклеусы: 10 клиновидных и 1 отщеповый, плоскофронтальный, веерный, галечный. Преформой клиновидных нуклеусов в равных долях являются бифасы и отщепы-унифасы. Остаточные нуклеусы и апплицированные к ним технические сколы говорят о вертикальной ориентации преформы, подготовке и подживлении ударной площадки сколами с латерали. Заглаженность латералей нуклеусов, возможно, говорит о том, что преформы были принесены на стоянку уже в готовом виде. Трасологический осмотр не выявил использования преформ микронуклеусов в качестве орудий.

Среди изделий найдены также 5 долотовидных изделий типа *pièce esquillee*, 5 отщепов с краевой ретушью, 3 отщепа со следами амортизации, 3 бифаса и 2 фрагмента бифаса, 1 тесловидное изделие (табл. 1). Коллекция орудий была осмотрена трасологом Д. Жакье. Определенный интерес представляют два пластинчатых отщепа без вторичной обработки, определенных как ножи, один из которых несет следы работы по минеральному материалу, а другой определен как нож по мясу. На некоторых изделиях видны следы работы по твердому материалу.

При 10 найденных микронуклеусах доля микропластин на 9% ниже, чем в 6 культурном горизонте Коврижки IV, в котором нуклеусов было значительно меньше. Преобладающим типом орудий являются *pièce esquillee*. Отсутствие скребков и скребел по шкурам может быть связано с зимним сезоном и отсутствием жилища на данной стоянке, поскольку выделка шкур производится при температуре выше 0°C (Петрова, 2007).

Исходя из вышеизложенного, стоянку можно охарактеризовать как зимний кратковременный охотничий лагерь. О кратковременном характере стоянки говорят отсутствие прокала очага, а также сравнительно низкое количество каменного дебитажа и фаунистических остатков. О зимнем сезоне помимо анализа зубной эмали снежного барана может свидетельствовать отсутствие скребков и скребел по шкурам. Большое количество микронуклеусов говорит о микропластинчатом расщеплении как об одной из доминирующих задач. Другой такой задачей являлась обработка твердых материалов, о чем свидетельствует доля долотовидных орудий и отщепов с краевой ретушью. Интенсивный прокрас дневной поверхности охрой непосредственно перед заселением остается особой чертой, возможно, ритуального характера.

Петрова С.И., 2007. Традиционное якутское шитье и вышивка (организация, технология, семантика): учебно-методическое пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та. 61 с.

Тетенькин А.В., Анри О., Жакье Дж., Клементьев А.В., Уланов А.А., 2016. Исследования нового палеолитического комплекса культурного горизонта 2Б стоянки Коврижка IV на Витиме в 2015-2016 гг. (предварительное сообщение) // Известия лаборатории древних технологий. № 4 (21). Иркутск: Изд-во ИРНИТУ. С. 9-18.

А.Ю. Федорченко, М.Б. Козликин, Н.Е. Белоусова
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
winteralex2008@gmail.com

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА УКРАШЕНИЙ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЗАЛА ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2016 ГОДА)

В полевом сезоне 2016 г. были возобновлены археологические исследования плейстоценовых отложений в центральном зале Денисовой пещеры (Горный Алтай). В процессе изучения слоя 11 получена многочисленная коллекция каменных артефактов (603 экз.), дополняемая серией украшений из бивня мамонта (9 экз.), зубов животных (5 экз.),

мягкого камня (4 экз.), кости (3 экз.), скорлупы (1 экз.) и раковин моллюсков (1 экз.). Согласно данным литологии, стратиграфии, биостратиграфии, результатам абсолютного датирования, археологические материалы из слоя 11 относятся к началу верхнего палеолита. Целью исследования стала реконструкция технологии производства персональных украшений (на основе технологического и экспериментально-трасологического методов).

Набор украшений из бивня мамонта включает подвеску вытянутой шестиугольной формы ($32 \times 24,5 \times 4$ мм) (рис. 1: 15), округлую бусину ($5,9 \times 5,8 \times 0,6$ мм) (рис. 1: 3), две плоские бляшки с двумя отверстиями на противоположных краях ($15,9 \times 8 \times 1,6$ и $12 \times 6,7 \times 1,8$ мм) (рис. 1: 1, 2) и две пластины ($61,4 \times 8,5 \times 1,6$ мм) (рис. 1: 3). Одна пластина из бивня – орнаментированная, имеет прямоугольную форму, уплощенное сечение и прямой профиль (рис. 1: 5). Заготовкой изделия служил удлиненный скол, снятый с бивня в продольном направлении. На начальном этапе производства осуществлялась обработка строганием, далее – абразивная подготовка. На обеих лицевых сторонах пластины нанесен орнамент в виде линий из треугольных углублений со сторонами 0,4–0,6 мм. Фрагмент второй пластины из бивня ($13,5 \times 8,5 \times 2$ мм) не имеет орнамента. Изучаемые изделия предварительно могут интерпретироваться как фрагменты диадем или нашивных нагрудных пластин.

Наиболее распространенным типом украшений являются подвески из зубов млекопитающих (5 экз.) – *Bison priscus*, *Martes*, *Crocuta spelaea* или *Ursus* sp. Длина подвесок: 20,5–42,1 мм; ширина: 4,8–16,8 мм; толщина: 3,5–11,4 мм. Три изделия (рис. 1: 6–8) имеют биконическое отверстие в корневой или медиальной части ($d=4,2/3,6/3,8$ мм).

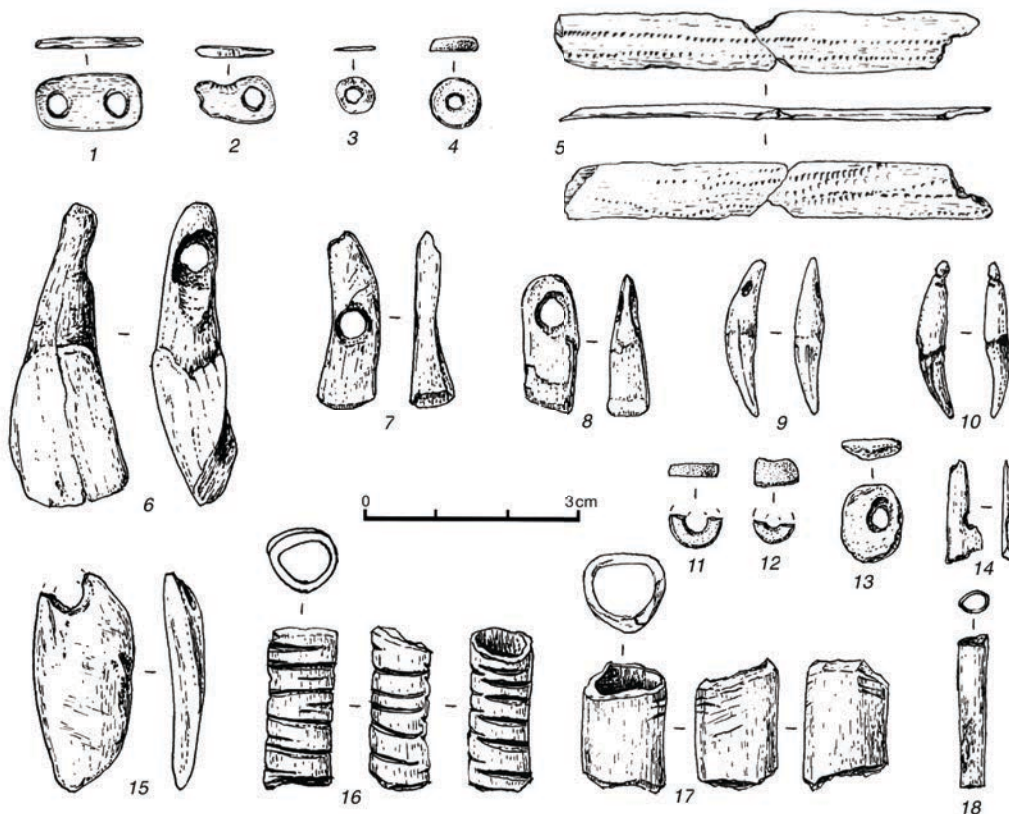

Рис. 1. Украшения из слоя 11 в центральном зале Денисовой пещеры.

Украшения из бивня (1–3, 5, 15); камня (11–14); скорлупы яйца птицы (4); зубов животных (6–10); трубчатой кости (16–18); 5 – фрагмент диадемы; 3, 4, 11–13 – бусины; 6–10, 14, 15 – подвески; 16–18 – пронизки.

Одна подвеска располагает сквозным отверстием ($d=1,7-2,4$ мм) от двустороннего продавливания (рис. 1: 9). Процессу перфорирования изделий предшествовали утончение и уплощение места сверления посредством скобления или строганием. Еще одна подвеска имеет следы крепления в виде серии коротких кольцевых нарезок в проксимальной части (рис. 1: 10).

Тремя экземплярами представлены пронизки (рис. 1: 16–18) из трубчатых костей птиц – *Turdus sp.* и *Lyrurus tetricus*. Длина изделий: 18,3–22,6 мм; ширина: 4,3–12 мм; толщина: 3,6–11,8 мм. Производство пронизок включало освобождение эпифизов путем глубокого кругового разрезания кости под углом $70-90^\circ$ с последующим сломом. Одна из пронизок имеет следы орнамента в виде коротких незамкнутых линий, прорезанных во встречном направлении инструментом с V-образным лезвием. Ширина линий: 0,8–1,4 мм, глубина: 0,6–0,7 мм, расстояние между каналами: 1–3,1 мм.

Устойчивую серию образуют каменные украшения: три округлые бусины из талька и пиррофиллита (рис. 1: 11–13). Диаметр этих изделий: 7,3–11 мм; толщина: 1,8–3 мм. Одна подвеска подпрямоугольной формы ($15 \times 4,8 \times 1,3$ мм) с мелким отверстием изготовлена из антигорита (рис. 1: 11). Другая округлая бусина ($7,1 \times 7 \times 2$ мм) с биконическим отверстием в центре ($d=2,5$ мм) произведена из скорлупы яйца крупной птицы (рис. 1: 4). В коллекции украшений имеется заготовка подвески ($10,8 \times 14,6 \times 4,1$ мм) из раковины пресноводного моллюска *Corbicula tibetensis*.

Производство персональных украшений у верхнепалеолитических обитателей Денисовой пещеры опиралось на исключительно богатую сырьевую базу, в составе которой – разновидности мягкого камня, трубчатая кость животных и птиц, зубы травоядных и хищных млекопитающих, бивень мамонта, раковины моллюсков, скорлупа яиц крупных птиц. Технология изготовления украшений включала нескольких этапов: подбор сырья, получение заготовки, обработка преформы строганием и скоблением, далее – шлифовка, сверление и полировка. Для изготовления предметов из кости, бивня и мягкого камня применялись единые способы обработки, которые являются технологическими инновациями начала верхнего палеолита региона: шлифовка, сверление, полировка. Поверхность большинства изученных изделий имеет следы утилизационного износа, связанного, скорее всего, с их длительным использованием. Морфологическая и функциональная вариабельность украшений слоя 11 Денисовой пещеры отражают разнообразие способов персональной орнаментации, указывают на существование предпочтений и традиций в использовании этих предметов.

Т.А. Хорошун

*Институт языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН, Петрозаводск
tatty@list.ru*

ОБ ИЗУЧЕНИИ РОМБО-ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ (IV – НАЧАЛО III ТЫС. ДО Н.Э.)

Керамика, в орнаменте которой используются ромбические ямки, встречается на обширной территории, включающей районы Среднерусской и Валдайской возвышенностей, бассейн р. Десны, берега озер Чудское, Ильмень, Белое, вплоть до верховьев Дона; на территории Карелии известна почти на 300 памятниках (Витенкова, 2016. С. 10). Помимо публикаций некоторых коллекций (Панкрушев, Журавлев, 1966; Савватеев, 1966; 1972; Журавлев, 1982; 1991; Косменко, 1992; Витенкова, 1988 и др.) в научный оборот введены материалы памятников западного побережья Онежского озера (Хорошун, 2013) и комплексы памятников с ромбо-ямочной керамикой на территории Карелии (Витенкова, 2016).

Относительно происхождения ромбо-ямочной керамики существуют разные точки зрения: по одной, она принесена на территорию Карелии с юга, с территории Подесе-

нья (Брюсов, 1947. С. 18), по другой – возникла на местной основе и является последовательным этапом развития неолитической ямочно-гребенчатой керамики (Панкрушев, 1978. С. 47–49; Журавлев, 1991. С. 122). На данном этапе эти полярные положения продолжают развиваться (Витенкова, 2016; Хорошун, 2015а). Наиболее спорный вопрос связан с определением характера взаимодействия носителей гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики в позднем неолите – раннем энеолите на территории Карелии.

Керамика и ее орнаментация остаются наиболее показательными маркерами при определении культурной принадлежности памятников. На территории Карелии известно более 600 памятников с комплексами эпохи неолита, поздненеолитическая керамика выявлена примерно на 300 объектах. Относительно широкими площадями (от 40 до 2740 кв. м) исследован 71 памятник. «Чистые» комплексы гребенчато-ямочной керамики выявлены на 9 памятниках, ромбо-ямочной керамики – на 40, в совместном залегании – на 22. На основе систематизации материала по морфо-типологическим, орнаментальным и технологическим признакам намечены критерии, позволяющие относить керамику с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной орнаментацией к единой культурной общности (Хорошун, 2014; Хорошун, Кулькова, 2014). В настоящее время исследования в этом направлении продолжают и на сопредельной территории (Хорошун, 2015б; Хорошун, Кулькова, Смольянинов, 2016). Так, в Вологодской области ромбо-ямочная керамика тождественна карельским материалам как типологически, так и технологически. Иная ситуация выявлена на поселениях Верхнего Подонья: по составам формовочных масс и типологически изучаемая керамика связывается с местной неолитической традицией, с северной керамикой ее сближает лишь элемент орнамента в виде ромбической ямки.

Проведение подобных исследований позволяет получить дополнительную информацию по керамическим материалам и существенно расширить источниковую базу. Центральное место в изучении керамики занимает методика ее исследования. Привлечение естественнонаучных методов, апробация этих подходов на материалах поселений с разных территорий подводит к созданию отработанной системы. Развитие данной системы в дальнейшем позволит проводить не только статистическую обработку материала согласно различным критериям по морфологии, типологии, технологии, орнаментации керамики, но и определять их сходство и различие на разных поселениях, выделять локальные варианты, определять относительную датировку, что является важным шагом в решении вопросов происхождения и развития древних культур.

- Брюсов А.Я., 1947. Археологические памятники III–I тыс. до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск. С. 8–34.
- Витенкова И.Ф., 1988. Поселения с развитой ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой // Поселения древней Карелии. Петрозаводск. С. 67–78.
- Витенкова И.Ф., 2016. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН. 208 с.
- Журавлев А.П., 1982. Илекса I // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск. С. 108–118.
- Журавлев А.П., 1991. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН. 205 с.
- Косменко М.Г., 1992. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН. 222 с.
- Панкрушев Г.А., Журавлев А.П., 1996. Стоянка Вигайнаволок I // Новые памятники истории древней Карелии. М.–Л. С. 152–172.
- Панкрушев Г.А., 1978. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2: Неолит. Л.: Наука. 163 с.
- Савватеев Ю.А., 1966. Древние поселения в верховьях реки Суны // Новые памятники истории древней Карелии. М.–Л. С. 119–121.
- Савватеев Ю.А., 1972. Неолитические поселения в низовье р. Выг // Археологические исследования в Карелии. Л. С. 52–90.
- Хорошун Т.А., 2013. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н.э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 18 с.

- Хорошун Т.А., 2014. К вопросу о культурно-хронологической атрибуции керамических комплексов на памятниках позднего неолита – раннего энеолита Южной Карелии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество. Т. I. С. 362–367.
- Хорошун Т.А., 2015а. Эпоха позднего неолита – раннего энеолита на территории Карелии: материалы и исследования // IV Северный археологический конгресс: материалы. 19–23 октября 2015 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск. С. 101–104.
- Хорошун Т.А., 2015б. Результаты петрографического исследования ромбо-ямочной керамики на территории Карелии и Вологодского края // Археология Севера: материалы VI археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. Вып. 6. Череповец. С. 39–45.
- Хорошун Т.А., Кулькова М.А., 2014. Технология изготовления и состав глиняной посуды неолита Карелии // Геология, геоэкология, эволюционная география: Коллективная монография. Том XII / Ред. Е.М. Нестеров, В.А. Снытко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. С. 252–259.
- Хорошун Т.А., Кулькова М.А., Смольянинов Р.В., 2016. Технология изготовления ромбо-ямочной керамики (по материалам эталонных памятников эпохи неолита Южной Карелии и Верхнего Дона) // Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II Международной научной конференции. Воронеж: ВГПУ. С. 88–96.

А.Н. Чеха

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
cheha.anna@yandex.ru*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СЛОЯ 3 СТОЯНКИ УСТЬЕ РЕКИ КУТАРЕЙ

В ходе широкомасштабных археологических работ на территории Северного Приангарья в 2010–2011 гг. проведены исследования на памятниках в устье р. Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей), в результате которых были выявлены наиболее перспективные участки с четкой стратиграфией, получена представительная коллекция артефактов (Богучанская археологическая экспедиция, 2015). Цель настоящей работы – с помощью технико-типологического анализа выявить особенности каменных индустрий слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей в контексте новых данных по археологии региона.

Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от с. Кежда, на правом берегу в устье р. Кутарей.

К основным проблемам изучения региона относят преимущественно стояночный характер памятников с отсутствием закрытых комплексов, слабую стратифицированность отложений на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений, компрессионный характер отложений, высокую степень естественных и техногенных нарушений на этих участках. Наиболее насыщенным артефактами и перспективным для изучения в контексте представленной проблематики является слой 3 (выявлены обширные участки без техногенных повреждений), содержащий изделия из камня и фрагменты керамики, всего около 20 тыс. артефактов. Каменная индустрия слоя насчитывает 19 406 артефактов. По характеру залегания находок в данном слое условно выделены два горизонта. Еще на этапе раскопок были отмечены участки концентрации неолитической керамики, что позже подтвердилось планиграфическим анализом и анализом фактического материала.

В ситуации, когда отложения имеют компрессионный характер, относительным культурным и хронологическим маркером может служить керамический материал.

В коллекции комплекса 1 (является смешанным; 1090 фрагментов керамики, 53 фрагмента венчиков) керамика усть-бельского типа составляет 23%, посольского типа – 1%, текстильная с выраженным орнаментом – 18%, текстильная с более крупными, заглаженными отпечатками – 6%, текстильная с большой примесью песка – 1%, тонковаликовая керамика – 7%, смешанная группа – 3%, керамика цэпаньской культуры – 1%, 50% составляют мелкие и неорнаментированные фрагменты.

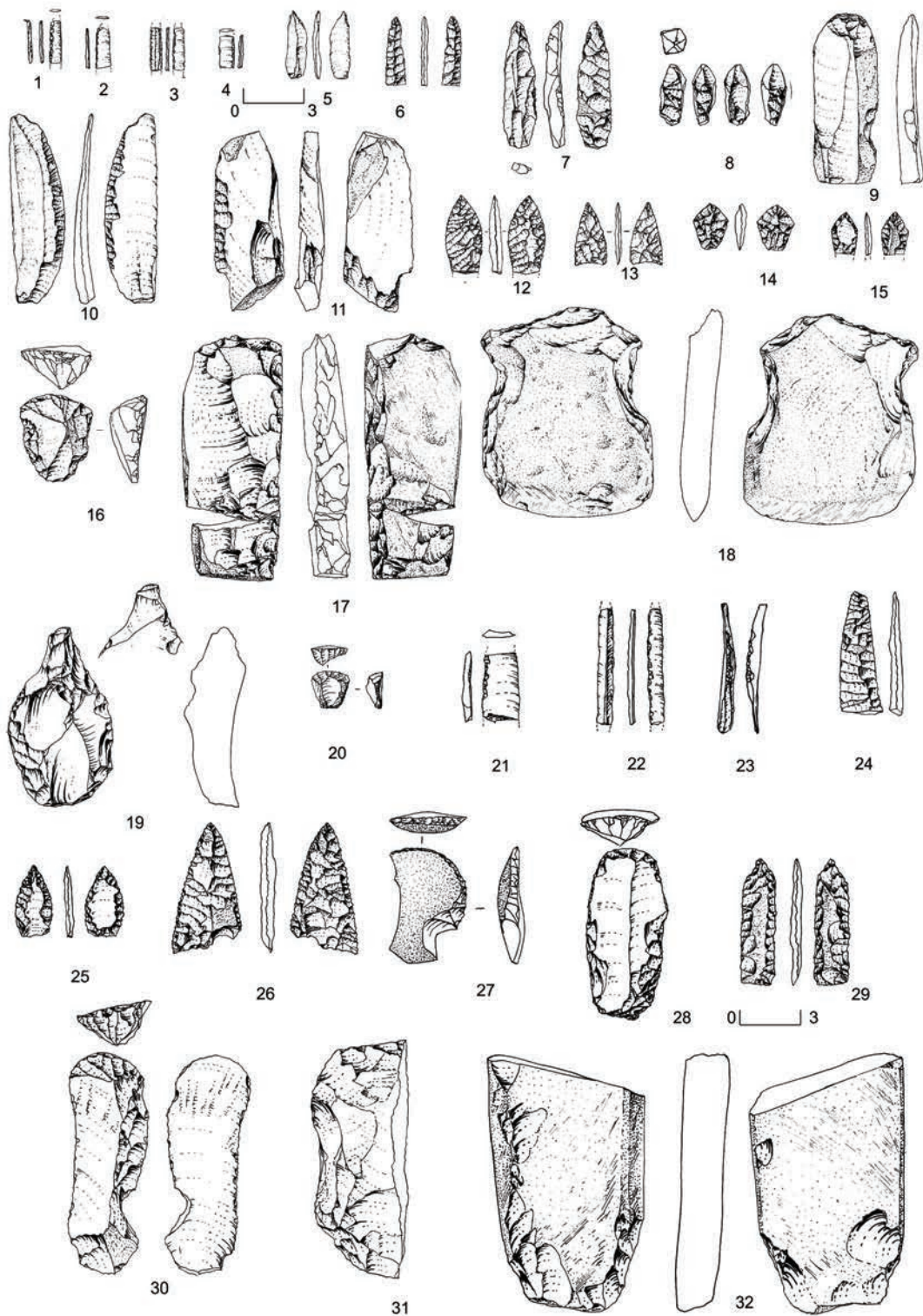

Рис. 1. Каменный инвентарь. Устье Реки Кутарей. Слой 3.

Комплекс 1: 1–4 – ретушированные микропластины; 5, 6 – проколки; 7 – остроконечник; 8 – объемный многофасеточный резец-дрель; 9, 16, 19 – скребки; 10, 11 – ножи; 12–15 – наконечники стрел; 17 – тесло; 18 – цапфенный топор; 20 – микроскребок.

Комплекс 2: 21, 24 – ретушированные пластинки; 22, 23 – ретушированные микропластины; 25, 26 – наконечники стрел; 27, 28, 30 – скребки; 29 – проколка; 31 – фрагмент бифасиального орудия; 32 – тесло.

Комплекс 2 (всего 179 фрагментов, 4 фрагмента венчиков) содержал керамику, относящуюся к эпохе неолита (убк – 9%, посольская – 9%, текстильная с выраженными отпечатками – 48%, неорнаментированные и мелкие фрагменты – 32%).

Таким образом, на уровне обоих горизонтов преобладает керамика, относящаяся к эпохе неолита. Следует отметить, что в комплексе слоя 3 отсутствуют тонкостенные сосуды с характерным «жемчужным» орнаментом в верхней части венчика, широко распространенные на стоянках Северного Приангарья и относящиеся к эпохе бронзы.

В современном представлении хронометрия и хронология керамических комплексов региона выглядит следующим образом: керамика с оттисками плетеной сетки и хайтинского типа – 6900–4100 л.н.; керамика усть-бельского типа – 6600–4100 л.н.; керамика исаковского типа – 5200–4500 л.н.; серовская и позднесеровская керамика – 5200–4300 л.н.; ангарский вариант пунктирно-гребенчатой керамики – 5300–4500 л.н. (Бердников, 2013. С. 221).

Комплексы с керамикой посольского типа по последним данным ряд авторов относит к среднему неолиту и датирует 5,5–5 тыс. л.н. (Долганов и др., 2013).

Два условных горизонта слоя 3 существенно отличаются друг от друга по составу орудийного набора (рис. 1). Комплекс 1 более насыщен орудийными формами (290 экз.), в нем больший удельный вес имеют ретушированные пластинки, наконечники стрел, листовидные и овальные бифасы (наконечники копий или дротиков), а также массивные формы и шлифованные (рубящие орудия, тесла, цапфенные топоры), в то время как в индустрии комплекса 2 последние практически отсутствуют. В обоих горизонтах представлены микропластины, пластинки с ретушью, скребки, абразивные плитки. В индустрии комплекса 1 стоит отметить объемный многофасеточный резец-дрель. В сочетании с развитой микропластинчатой технологией орудия такого типа ряд авторов относит к мезолитической традиции (Томилова и др., 2014. С. 82).

Наиболее близкие аналогии обнаруживаются с материалами стоянки Усть-Кова-1 (культурный горизонт 1А, 2).

Перспективным представляется дальнейшее сравнение материалов слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей с материалами Кутарейского участка (Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей) для более детального установления культурных и хронологических связей.

Бердников И.М., 2013. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология, этнология, антропология. № 1 (2). С. 203–229.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы), 2015. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 564 с. (Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 1.)

Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В., 2013. Комплексы с керамикой посольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя геоархеологического объекта Саган-Заба II // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 12. Вып. 7. С. 125–132.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А., 2014. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология, этнология, антропология. Т. 8. С. 82–99.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА НА ОСНОВЕ ПРИРОДНЫХ ФОРМ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

Начиная с эпохи палеолита первобытное население Урала в культовых практиках использует природные формы. Таковыми являются гальки, кристаллы, кости, рога и зубы животных, окаменелости, раковины и кораллы. Наиболее частыми находками являются гальки, своими очертаниями напоминающие фигуры или головы животных.

Данная работа опирается на предложенные А.Д. Столяром критерии установления связи фигурного камня (или кости) с предполагаемой деятельностью первобытного человека: а) наличие следов преднамеренной обработки; б) наличие признаков, свидетельствующих о преднамеренном подборе; в) нахождение в культурном слое. По мнению А.Д. Столяра, если фигурный камень отвечает хотя бы одному из вышеприведенных условий, его можно связывать с целенаправленной деятельностью первобытного человека (Столяр, 1985. С. 76).

Факты использования природных форм в виде предметов художественной и обрядовой практики в археологии достаточно широко известны (Калинина, 1998. С. 11–12). Сложности в выделении естественной галечной скульптуры во многом объясняются стереотипным подходом к галькам как древним артефактам.

Почти все находки, описанные в данной работе, залегали в культурном слое святилищ. Культовый характер Каповой и Кумышанской пещер не вызывает сомнения. И, наконец, некоторые из предметов несут на себе неоспоримые следы обработки их древним человеком, причем чаще всего обработка эта подчеркивает характерные черты определенных животных. Все это позволяет считать зооморфные гальки не только артефактами, но и специфическими произведениями искусства, специально подобранными или подготовленными для совершения определенных культовых действий. Их вполне можно рассматривать в качестве произведений, в которых художественные усилия человека сплелись с работой природы и одухотворили ее (Столяр, 1985. С. 79).

Зооморфные гальки встречены на трех палеолитических памятниках: в Кумышанской пещере (р. Чусовая), на стоянке Сергиевка I (Башкортостан) и в Каповой пещере (Башкортостан).

В палеолитическом слое Кумышанской пещеры обнаружена галька длиной 5,5 и шириной 2,2 см. Два скола выделяют очертания крупной головы и ног и делают гальку похожей на фигуру мамонта. Важно подчеркнуть, что галька обнаружена в культовом комплексе (Серикив, 2014. С. 44).

На стоянке Сергиевка I зафиксирована галька размерами 6 × 5,5 × 2 см в слое, датированном 18 тыс. лет до н.э. С одной стороны галька имеет плоскую поверхность, с другой – естественную выпуклость, которая создает очертания головы животного. На находке отмечены остатки красно-бордовой охры, что дополнительно может свидетельствовать о сакральном назначении предмета (Котов, 2012. С. 181).

В пещере Шульган-Таш была сделана интересная находка полиэйконической скульптуры. В зависимости от того, как перевернуть гальку, можно увидеть либо очертания человека, либо мамонта. Там же найдены подвески из просверленных галек (Котов, 2012. С. 182. Рис. 1: 6).

Встречаются культовые предметы из природных форм благородных минералов. На памятнике верхнего палеолита (30 тыс. лет до н.э.) пещера Смеловская II (Южный Урал) отмечена 31 подвеска из пластинок талька серого, желтого и коричневого оттенков. Следы обработки, за исключением просверленных в центре пластинок отверстий, отсутствуют (Бадер, 1971. С. 206–207).

На памятниках палеолитической эпохи также встречаются произведения искусства из естественных форм кости и рога. Так, на стоянке Лабазы I (Оренбургская обл.) представлена антропоморфная скульптура, исходной формой для которой послужила «катушка» эпифиза плечевой кости благородного оленя размерами $6,4 \times 5 \times 5$ см. Отсечением некоторых частей кости «скульптор» обозначил голову, руки и женскую грудь, а гравировкой конкретизировал ноги (Котов, 2012. С. 179. Рис. 1: 5).

На Гаринской палеолитической стоянке (Свердловская обл.) найдено изображение личины медведя, которое выполнено на межпозвоночном диске мамонта. Глаза животного обозначили, пробив с обратной стороны диска 2 симметрично расположенных сквозных отверстия. Размеры изделия $9,8 \times 8,6$ см. Датируется находка 15–16 тыс. лет до н.э. (Сериков, 2002. С. 127).

Необычной природной формой является так называемый курий бог (камень с естественным отверстием). Использовалась данная природная форма в качестве подвески. Такая подвеска зафиксирована в палеолитическом слое пещеры Байсланташ на р. Белой в республике Башкортостан (Котов, 2004. С. 51).

Таким образом, еще на раннем этапе первобытной истории человек использовал природные формы как для изготовления предметов неутилитарного характера, так и для создания произведений искусства.

Бадер О.Н., 1971. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // МИА. № 173. М. С. 200–208.

Калинина И.В. 1998. Оппозиция культурное/природное в археологии и культурологии (Функции предметов естественного происхождения в археологической культуре. Вопросы методологии и теории первобытной культуры) // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской гос. объединенный музей. С. 11–20.

Котов В.Г., 2004. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская). Предварительные итоги // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 36–55.

Котов В.Г., 2012. Скульптуры на основе естественных форм в палеолите Урала // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с другими цивилизациями: Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, Периферия. С. 179–184.

Сериков Ю.Б., 2002. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. С. 127–150.

Сериков Ю.Б., 2014. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА. 268 с.

Столяр А.Д., 1985. Происхождение изобразительного искусства. М.: «Искусство». 298 с.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

А.П. Григорьев

*Самарский государственный социально-педагогический университет
grap9@bk.ru*

ДВОЙНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕГО – НАЧАЛА СРЕДНЕГО ЭТАПОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Проблема двойных погребений ямно-полтавкинского времени продолжает интересовать исследователей бронзового века Поволжья и Приуралья. Парные и коллективные погребения ямной культуры Оренбургского Приуралья были подробно проанализированы в работе Н.Л. Моргуновой (Моргунова, 2006. С. 113–132). Д.В. Кормилицын обращался к вопросу о тафокомплексах ямной и полтавкинской культур Волго-Уралья с двумя костяками (Кормилицын, 1999. С. 14–19). Однако такие погребения с территории Самарского Поволжья, по нашему мнению, должны быть рассмотрены более тщательно, чему и посвящена данная работа. Из 102 проанализированных погребений ямно-полтавкинского времени Самарского Поволжья выявлено 9 двойных. Их характеристика представлена в таблице 1.

Погребения с двумя костяками можно разделить на две группы. Первая включает погребения, где субъекты уложены в могилу в равном положении друг к другу, – шесть погребений. В одном погребении находилась женщина с младенцем, в двух – взрослые мужчины с детьми. В одном погребении были уложены два подростка примерно одного возраста. О половозрастных характеристиках субъектов погребения курганного могильника Красносамарское III 1/1 информацию получить не удалось. В могильнике Кашпир III 3/1 не удалось установить пол погребенных. Ко второй группе следует отнести два погребения, в которых костяк 2 находился в подчиненном положении по отношению к костяку 1. В обоих комплексах в таком положении находился ребенок, а основные же костяки принадлежали взрослым субъектам.

Параллельное расположение в погребении детей и взрослых, вероятно, может говорить об их единовременной смерти и впоследствии совместном погребении как ближайших родственников. Отсутствие отдельной погребальной камеры для детского захоронения может быть обусловлено как отсутствием у ребенка определенного социального статуса для совершения отдельного погребения, так и рациональностью устроителей погребальной церемонии. Но известны и одиночные детские погребения, совершенные по всем канонам погребального обряда ямной культуры. Вероятно, дети в бронзовом веке могли наследовать социальный статус своих родителей (Файзуллин, 2014. С. 517).

Подчиненное положение детских костяков в ногах у взрослого субъекта может говорить о принесении их в жертву. В Оренбургском Приуралье были обнаружены погребения, совершенные по похожему обряду. Н.Л. Моргунова указывает на присутствие в этих комплексах черт обряда человеческого жертвоприношения, а именно: расчленения и следов воздействия огня на кости сопутствующего субъекта (Моргунова, 2006. С. 113–121).

Наличие жертвы в погребении может указывать на особый социальный статус основного погребенного. Говорить об исключительном социальном характере погребений с «равноправным» расположением обоих костяков затруднительно. Как правило, погребения представителей элит ямного общества маркируются престижным погребальным инвентарем, размерами трудовых затрат на возведение курганной насыпи (Файзуллин, 2015. С. 75–76). К числу таких маркеров, вероятно, целесообразно отнести человеческие жертвоприношения.

Табл. 1. Характеристики двойных погребений раннего – начала среднего этапа бронзового века Самарского Поволжья

Комплекс (источник)	Половозрастные характеристики		Инвентарь
	костяк 1	костяк 2	
КМ Красносамарское III 1/1 (Васильев, Кузнецов, 1988)	Скорчено на спине	Скорчено на правом боку, параллельно	-
КМ Лещевский 1/1 (Кузнецов, Мочалов, 2014)	Женщина, скорчено на спине	Младенец, вытянуто на спине, параллельно	Кремневый нож, цилиндр из песчаника
КМ Полудни II 2/7 (Мышкин, Турецкий, Хохлов, 2010)	Мужчина 50-55 лет, вытянуто на спине	Ребенок, на спине, со слабо согнутыми ногами, параллельно	-
КМ Кашпир III 3/1 (Иванов, 1976)	Взрослый, скорчено на спине	Ребенок, у головы	Сосуд
Николаевка III 2/1 (Скарбовенко, 1999)	Мужчина 45 лет, скорчено на спине	Подросток 12 лет, скорчено на спине, параллельно	Кости МРС
КМ Абашево II 2/3 (Васильев, Кузнецов, 1979)	Подросток, скорчено на правом боку	Подросток, скорчено на правом боку, параллельно	Сосуд, кости животных
КМ Преполовенка I 2/1 (Багаутдинов, Пярых, 1987)	Взрослый, на спине	Младенец, в ногах	Сосуд
КМ Утёвка I 2 /1 (Васильев, 2015)	Взрослый, скорчено на правом боку	Ребенок 2-2,5 года, скорчено в ногах	Спираль из серебряной проволоки, медные бусы, серебряные, костяные и сердоликовые бусы, медные шило, нож, штыковидное орудие, костяные изделия, сосуд, каменный пест.

Багаутдинов Р.С., Пярых Г.Г., 1987. I курганный комплекс у с. Преполовенка // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та. С. 55–66.

Васильев И.Б., 2015. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН. С. 4–46.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1979. Исследование курганов на реке Чагре в Заволжье // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 69–86.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1988. Полтавкинские могильники у с. Красносамарское в лесостепном Заволжье // Исследование памятников археологии Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 39–59.

Иванов В.А., 1976. Новый памятник ямной культуры в Куйбышевском Заволжье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. пед. ин-та. С. 31–33.

Кормилицын Д.В., 1999. Парные погребения ямной и полтавкинской культур Волго-Уральского региона // Историко-археологические изыскания. Сб. тр. молодых ученых. Вып. 3. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 14–18.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 2014. Особый тип металлических изделий ямной культуры (По результатам работы в Самарской долине) // Известия Самарского научного центра РАН. Т 16. № 3. С. 291–297.

Моргунова Н.Л., 2006. К вопросу о парных и коллективных погребениях ямной культуры Приуралья // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века: сб. статей, посвященных 60-летию В.С. Горбунова. Уфа: Изд-во Башкирского ГПУ. С. 113–132.

Мышкин В.Н., Турецкий М.А., Хохлов А.А., 2010. Курганный могильник Полудни II // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Самара: «Офорт». С. 194–217.

Скарбовенко В.А., 1999. Николаевка III – могильник эпохи средней бронзы в долине р. Самары // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во СамГУ. С. 143–159.

Файзуллин А.А., 2014. К вопросу о мире детства в обществе ямной культуры Волго-Уралья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество. С. 516–519.

Файзуллин А.А., 2015. Выделение элит в обществе ямной культуры Волго-Уралья // Новые материалы и методы археологического исследования: Матер. III Междунар. науч. конф. молодых ученых / Отв. ред. и сост. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН.С. 75–76.

К.С. Душанова*, Е.В. Чернышева**

**Пуцинский государственный естественно-научный институт
kamilla.dushchanova@gmail.com*

***Институт физико-химических и биологических
проблем почвоведения РАН, Пуцино
chernysheva1988@gmail.com*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСХОДНОГО СОДЕРЖИМОГО ГОРШКОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДОВ ПОЧВЕННОЙ ЭНЗИМОЛОГИИ¹

Вопросы питания древнего человека всегда привлекали внимание исследователей, и к настоящему времени в их решении используется целый спектр методов и подходов. Особый интерес вызывает ритуальная пища в горшках из подкурганых погребений. Этнографические сведения позволяют предполагать, что в этих сосудах находилась пища, предназначенная погребенному «в дорогу» либо в качестве дара богам.

Реконструировать исходное содержимое ритуальных сосудов позволяют методы почвенной микробиологии и энзимологии. Известно, что любой органический субстрат, попадая в почву, вызывает резкое увеличение численности микроорганизмов, которые участвуют в его разложении и выделяют специфические ферменты. При этом и микроорганизмы, и ферменты способны сохраняться в почве неопределенно долгое время. Изучению состояния микробных сообществ и ферментативной активности почвенно-грунтового материала, отобранного из сосудов погребений под курганами эпохи бронзы, посвящена данная работа.

Объектом исследования был почвенно-грунтовой материал в сосудах из подкурганых погребений эпохи поздней бронзы могильника «Неткачево-1» в Котовском районе Волгоградской области. Охранные раскопки памятников проводились под руководством А.Н. Дьяченко. Анализ антропологического материала выполнен к.и.н. М.А. Балабановой и Е.В. Перервой. Исследуемый могильник представлен серией курганов, создание которых происходило в относительно узкий промежуток времени на ограниченной территории в определенном порядке – «цепочкой». Было проанализировано 25 горшков из кургана 3 (погребения 1, 3), кургана 4 (погребение 2), кургана 5 (погребение 2), кургана 13 (погребение 2), кургана 14 (погребения 2, 4, 5, 6, 7), кургана 15 (погребение 2), кургана 16 (погребения 3, 4, 5, 8, 7, 10, 13, 19, 20).

Образцы грунта отбирались из придонного слоя заполнения горшков (нижние 1–2 см, собственно образец) и из верхней части заполнения на уровне венчика (фон). Проведены исследования содержания макро- и микроэлементов, валовой серы, валового и подвижного фосфора, содержания микробной биомассы, а также активности ферментов фосфатного, углеродного, серного и азотного цикла (арилсульфатазы, α - и β -глюкозидазы, целлюлазы, ксилозидазы, хитиназы, лейцин-аминопептидазы, кислой, щелочной, пирро- и бис-фосфатазы).

Показано, что в грунте ритуальных сосудов сохраняется живая микробная биомасса и активность ферментов, причем наиболее показательными являются ферменты фосфатного и серного циклов. Так, по активности арилсульфатазы в грунте из ритуальных сосудов все исследованные образцы грунта разделяются на три группы: с высокой активностью, с низкой активностью и без выраженной активности фермента. Статисти-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16-36-00381.

ческий анализ полученных данных позволил сгруппировать археологический материал и выдвинуть гипотезу об исходном содержимом сосудов. Предположительно, в сосудах первой группы находился продукт с высоким содержанием белка (мясо); вторую группу составляли молочные продукты; горшки третьей группы были пустые либо в них находилась вода.

Р.В. Жуков

*Самарский государственный социально-педагогический университет
romaguk1992@gmail.com*

КОЛЕСНИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПОТАПОВСКОЙ И ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУР НАЧАЛА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Погребальный обряд начала позднего бронзового века кардинально отличается от погребальных практик предшествующих эпох. На севере степной зоны Волго-Уральского междуречья начало поздней бронзы знаменует появление потаповской культуры, а западнее и юго-западнее – покровской.

В настоящей работе представлены результаты сравнительно-статистического анализа размерных параметров погребений потаповской и покровской культур с целью выявления в них возможных следов колесничной традиции, а также обсуждение вероятных мировоззренческих мотивов для утверждения этой традиции.

Центральные погребения Потаповского могильника выделяются большими размерами (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994):

курган	погребение	длина, м	ширина, м
1	4	3	2.75
2	2	2.22	1.9
3	4	3,6	2,75
5	8	3.47	2.37

Наличие деталей конской упряжи, большая длина и ширина могильной ямы и костяки лошадей в рассмотренных погребениях позволяют предполагать, что в центральных погребениях потаповской культуры помещались колесницы, как и в погребениях синташтинской культуры. Габариты колесницы без учета средств передачи тягового усилия составляют 110–200 см (ширина) × 80–100 см (длина) (Чечушков, 2011. С. 61).

О.С. Пастуховой была установлена корреляция размера могильной ямы и возраста погребенного для комплексов срубной культуры (Пастухова, 2013. С. 200–204). В свою очередь, для покровских и срубных погребений Самарского Поволжья нами были составлены точечные графики соотношения длины и ширины погребальных ям. Визуально фиксируемые скопления точек образуют на графике покровских погребений четыре группы (рис. 1). В группу IV (размеры ям – от 2,45 × 2,2 м до 4 × 2,95 м) вошли 13 погребений взрослых индивидов. Погребальные ямы этой группы явно не соответствуют размерам костяков, а самые большие из них сопровождаются богатым инвентарем: преобладающий процент бронзовых изделий приходился именно на погребения IV группы. Для этой группы следует отметить и смещение костяков от центра к стенке ямы.

В покровских погребениях также присутствуют детали конской упряжи, костяки лошадей, размеры погребальных ям и положение костяков такие же, как если бы колесницы в них находились (Черленок, 2006. С. 9, 10).

В целом для потаповской, покровской и синташтинской культур колесничная символика – особый атрибут погребального обряда. Это отпечатки колес, детали колесниц, парные жертвенники коней, детали конской узды, помещенные либо в погребении, либо рядом с ним. Инвентарь центральных погребений включает предметы воина-колесничного. Этот особый культ впервые так ярко выражен в обряде культур бронзового века.

Наличие колесницы или места для нее, а также наличие псалиев или останков лошади может говорить о своеобразном погребальном обряде, подобном индоевропейскому

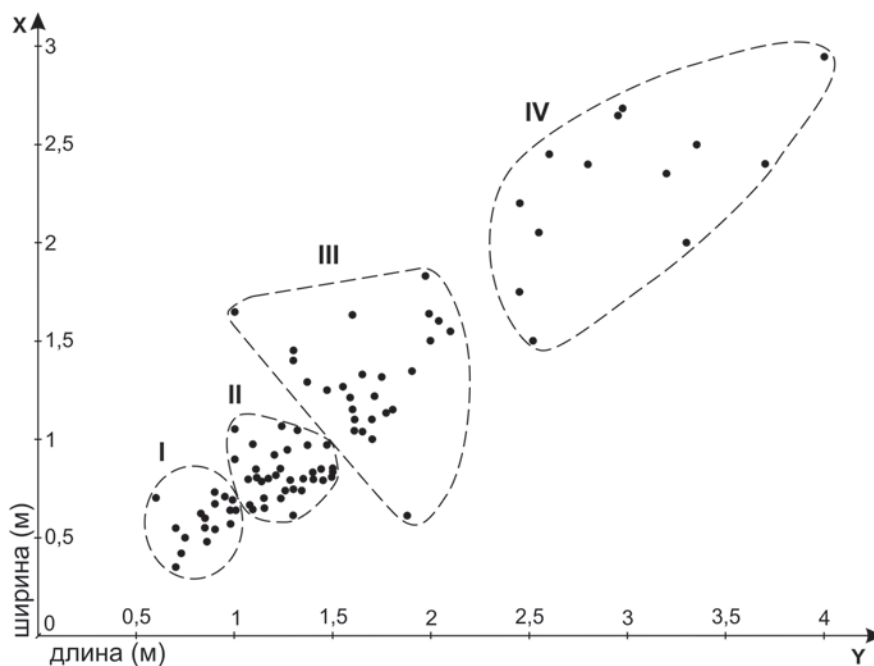

Рис. 1. График соотношения размеров ям погребений покровской культуры.

мифу о путешествии души. Возможно, люди верили в то, что человек попадает в загробный мир на колеснице (Виноградов, 2003. С. 263–266). Существует мнение, что и само положение погребенного слабоскорченно на боку с руками, согнутыми в локтях, символизирует позу колесничего (Черленок, 2006. С. 9, 10). Курган всегда оставался особым ритуальным местом. Его функционирование связано с идеями культа предков, где курган служил форпостом на границе мира живых и мира мертвых (Кузнецов, 2003. С. 43–51).

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во СамГУ. 208 с.

Виноградов Н.Б., 2003. Могильник бронзового века Кривое Озеро в южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство. 362 с.

Кузнецов П.Ф., 2003. Особенности курганных обрядов населения самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара. С. 43–51.

Пастухова О.С., 2013. Градация детских погребений срубной культуры (по материалам курганного могильника Спиридоновка II) // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15. Самара. С. 200–204.

Черленок Е.А., 2006. Погребальный обряд начальной поры эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Чечушков И.В., 2011. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (15). Челябинск. С. 61.

Л.С. Кобелева

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
lilyakobeleva@yandex.ru*

ОПЫТ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ¹

В 2010–2012 гг. в ходе совместных российско-германских исследований были раскопаны три кургана андроновской (федоровской) культуры могильника Погорелка-2, расположенного в Барабинской лесостепи. Исследование включало несколько этапов:

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 14-50-00036.

геофизический мониторинг, ручной разбор надмогильных сооружений с оставлением стратиграфических разрезов и фиксацией материалов, исследование погребальных и ритуальных объектов. К работе также привлекались антрополог, остеолог и специалист по изучению орнитофауны.

До начала работ совместно с сотрудниками Института нефтегазовой геологии и геофизики проводилась высокоточная магнитометрическая съемка (Молодин и др., 2009; Кобелева и др., 2013). Основной ее целью было выявление границ кургана и ровика, возможно, окружающего курган, а также погребальных и ритуальных комплексов.

Как правило, в посвященной описанию погребальных памятников литературе для земляного или каменно-земляного надмогильного сооружения общераспространенным является термин «курганная насыпь». А. Наглер рассматривает курган как сложную конструкцию, частью которой служит построенное над ним сооружение, являющееся памятником своеобразной архитектуры (Наглер, 2013).

В ходе исследования могильника Погорелка-2 получены сведения о сооружении надмогильных конструкций. В частности, выявлены фрагменты овальных строительных блоков, так называемых вальков, и слоев очень плотного грунта, четкое обособление ритуального пространства вокруг центральных погребений четырьмя вытянутыми рвами или ямами, а также следы использования огня (Кобелева и др., 2014. С. 185).

При снятии надмогильных сооружений курганов зафиксированы многочисленные кости орнитофауны. Видовой состав включал представителей семейства утиных (чирок, шилохвость, кряква, серая утка, серый гусь) и отряда куриных (тетерев) (определение выполнено к.б.н. Л.А. Конево). Кроме того, в надмогильных сооружениях обнаружены немногочисленные фрагменты костей лошади, лося, овцы, собаки, лисы.

В итоге были выявлены своеобразные комплексы андроновской (федоровской) культуры, получившие название «курганы с квадратными рвами» (Наглер и др., 2011. С. 212–216; 2012. С. 249–253). Их особенностью является четкое обособление ритуального пространства вокруг центральных погребений. В большинстве случаев это конструкция в виде четырех вытянутых рвов, образующих правильный квадрат, ориентированный углами по сторонам света. На огороженном рвами пространстве располагалось от одной до трех могил. Все погребения раскопанных курганов совершены по обряду кремации.

Ориентируясь на погребальную практику и сопроводительный инвентарь, можно уверенно отнести исследованные объекты к андроновской (федоровской) культуре, памятники которой хорошо известны в Барабинской лесостепи (Молодин, 1985). Наиболее близкими по архитектуре надмогильных сооружений и погребальному обряду являются курганы могильника Старый Тартас-4, находящиеся также в Центральной Барабе (Молодин и др., 2002. С. 53. Рис. 3: 2).

Таким образом, комплексный подход существенно расширяет возможности исследования как в рамках планирования, так и проведения работ. Он позволяет проследить структуру надмогильного сооружения, выявить ряд сложных конструктивных элементов обособления погребального пространства, реконструировать элементы обрядовой деятельности.

Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Демахина М.С., Хансен С., Молодин В.И., 2013. Саргатский могильник Яшкино-1 (продолжение исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 216–220.

Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., 2013. Курган андроновской культуры как архитектурный памятник (по материалам могильника Погорелка-2) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 184–187.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука. 200 с.

Молодин В.И., Наглер А., Соловьев А.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., 2009. Новый этап сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института. Раскопки могильника саргатской культуры Погорелка-2

// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Т. XV. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 343–349.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В., 2002. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (11). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 48–62.

Наглер А., 2013. Погребальные сооружения раннего железного века степей Евразии // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (5). С. 222–232.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С., 2011. Андроновский (федоровский) курган на могильнике Погорелка – 2 в центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. XVII. С. 212–216.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С., 2012. Андроновские (федоровские) курганы могильника Погорелка–2 в центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. XVIII. С. 249–253.

О.С. Пастухова

ООО «Терра», Самара

oli4_pa@mail.ru

КОСТЯНЫЕ ФИГУРКИ ЛОШАДЕЙ РАННЕГО ЭНЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Отличительной особенностью населения степной зоны восточной Европы в эпоху энеолита является зооморфная костяная пластика. На памятниках конца VI–V тыс. до н.э. от Поволжья до Поднепровья найдены костяные фигурки бычков, уток, кабанов. Лишь на компактной территории северной степной зоны Поволжья известны семь костяных фигурок лошадей, обнаруженных в грунтовых могильниках Съезжее (Васильев, Матвеева, 1979. С. 147–166) и Липовый Овраг (Васильев, 1985. С. 3–19), на Варфоломеевской стоянке (Юдин, 1985. С. 97). Могильники относятся к самарской культуре раннего энеолита, стоянка – к синхронной прикаспийской культуре.

Все фигурки лошадей выполнены в одной манере: вислобрюхое туловище, крупная голова и толстая шея, сравнительно короткая и стоячая грива, короткие массивные ноги, хвосты не сохранились. Лишь одна лошадь со Съезженского могильника, при общем типологическом сходстве, выполнена в двухголовом стиле. По морфологическим признакам, вероятно, это фигурки диких лошадей – тарпанов, в ареале которых расположены памятники (Косинцев, 2010. С. 28, 29; Кузнецов, 2016. С. 37; Kosintsev, Kuznetsov, 2013. Р. 408). Возможно, такая манера исполнения фигурок соответствует образу идеального промыслового животного (массивного и тихоходного).

Фигурки имеют одно центральное отверстие на холке, предназначенное для подвешивания в качестве кулона на шею человека. Такое расположение прослеживается у костяной уточки из погребения б могильника Съезжее (Васильев, 1985. С. 88).

Ввиду того, что фигурки выполнены из фрагментов тонкой трубчатой кости, имеющей вес всего несколько грамм, стояла задача снизить их раскачивание и придать равновесие. На сохранившейся передней ноге крупной фигурки из могильника Съезжее имеются насечки, вероятнее всего, для крепления нитей с утяжелителями, в качестве которых могли выступать костяные трубочки, раковины, бусины, кремневые пластины (рис. 1: 1). Такая интерпретация насечек представляется вполне объективной, так как сверление отверстий на концах ног фигурок приведет к их разрушению.

В последующем костяные фигурки лошадей и других животных исчезают из погребального инвентаря. В хвалынской культуре Волго-Уралья место костяных фигурок замещают каменные и роговые скипетры, по своей форме похожие на уточек (рис. 1:

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-11-63008.

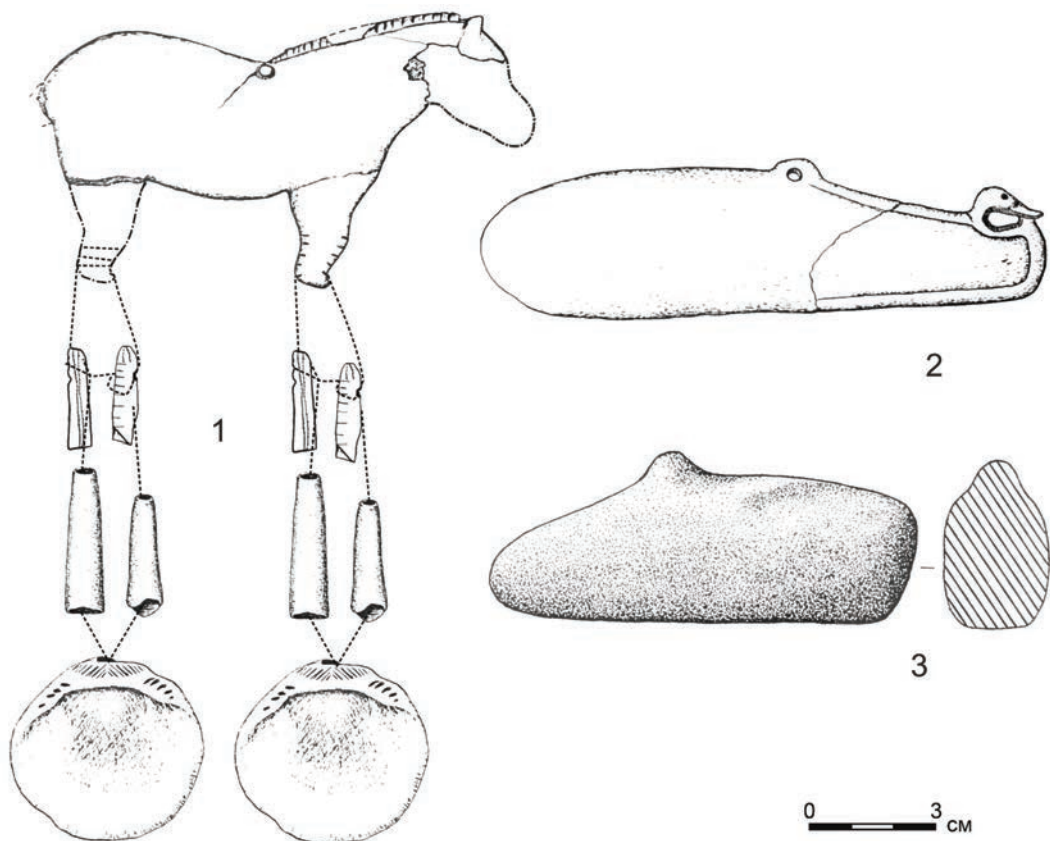

Рис. 1. Зооморфная пластика.

1 – костяная фигурка лошади с реконструированными подвесками-утяжелителями из могильника Съезжее (Васильев, Матвеева, 1979. С. 153. Рис. 3 позиция на рис.3: 3); 2 – костяная фигурка утки из могильника Съезжее (Васильев, Матвеева, 1979. С. 153. Рис. 3: 13); 3 – каменный скипетр из могильника Хвалынск II (Хвалынские энеолитические могильники, 2013. С. 354. Рис. 32: 1).

2, 3). Вместе с тем они достаточно убедительно интерпретируются как «конеголовые» навершия скипетров (Дергачев, 2007. С. 116–118). Вероятно, смена символов отражает изменения и в ритуальных практиках.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. № 4. С. 147–166.

Васильев И.Б., 1985. Могильник мариупольского времени в Липовом Овраге на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С. 3–19.

Дергачев В.А., 2007. О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной гипотезы М. Гимбутас. СПб.: Нестор-История. 488 с.

Косинцев П.А., 2010. «Колесничные» лошади // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Отв. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург; Самара; Донецк: ЦИКР «Рифей». С. 21–79.

Кузнецов П.Ф., 2016. Древнейшие колесницы погребальных комплексов Евразии // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.) / Отв. ред. В.А. Алёшкин. СПб.: ИИМК РАН. С. 36–39.

Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура, 2010 / Отв. ред. С.А. Агапов. Самара: Изд-во СРОО ИЭКА «Поволжье». 584 с.

Юдин А.И., 2002. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 201 с.

Kosintsev P., Kuznetsov P., 2013. Comment on «The Earliest Horse Harnessing and Milking» by Alan K. Outram et al. (Science 323, 6 March, 1332-1335, 2009) // Tyragetia s.n. Vol. VII [XXII]. Nr. 1. P. 405–408.

РАННЕСУЗГУНСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОТАЕЖНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Сложение и развитие андронидных культур в целом понимается как результат андроновского влияния на культуры местного населения. Однако при всем сходстве главного механизма сложения и определенной близости андронидные культуры в рамках единого массива обладали ярко выраженным своеобразием.

Традиционно генезис сузгунской культуры связывается с андроновскими миграциями (Мошинская, 1957. С. 134; Бобров, 2003. С. 14–15). Однако, судя по археологическим данным, массового или сколько-нибудь значительного проникновения андроновских групп вглубь таежной зоны не происходило. Группы мигрирующего андроновского населения доходят до границы южнотаежной зоны Нижнего Притоболья (Дуванское XVII) и здесь, вероятно, начинают активно взаимодействовать с вытесненными ранее в южную тайгу племенами ташковского облика на позднем этапе их существования (Иска III, Ипкуль I, Байрык-Иска I, Святой Бор IV, Средний Баклан V).

На данной территории изучены поселения раннего этапа сузгунской культуры Святой Бор IV, Чеганово I, Новый Тап I, Заводоуковское II, содержащие керамику, которую можно соотнести с предшествующими культурными традициями.

Керамика раннего святоборского этапа разнообразна и эклектична, в орнаментике присутствует значительное количество техник выполнения узора, в том числе и архаичные (отступающе-накольчатая, накольчатая). Значительное количество элементов – единичны, что, скорее всего, свидетельствует о начальной стадии формирования сузгунской традиции при взаимодействии нескольких орнаментально-культурных традиций: ташковской (отступающе-накольчатая техника, волнообразные композиции, змейки, разграничение орнаментальных зон рядами ямок, присутствие узора на днищах), коптяковской (использование гребенчатого штампа в сочетании с ямками, значительным количеством зигзагов, треугольников, ромбов, «уточек» в орнаменте и присутствием специфического узора – разделенного зигзага-«галочки»), андроновской (плавная профилировка сосудов, наличие валиков, горизонтальной и вертикальной «елочки», геометрических сложно-составных композиций, сочетающихся с «косыми» треугольниками) (рис. 1). Особый колорит святоборской посуде придают разнообразные, еще не унифицированные «дугообразные» элементы, являющиеся ярким характеризующим признаком сузгунской культуры. О связях с формирующимся в лесостепной зоне новошадринским комплексом пахомовской культуры свидетельствует появление сосудов кувшинообразной формы, орнаментированных преимущественно в верхней части керамической емкости (рис. 1: 7).

Классический для сузгунской культуры канон с делением поверхности сосуда на четыре орнаментальные зоны еще не сформировался. Эклектичность посуды проявляется как в существовании емкостей разнообразных форм и пропорций, так и в разнообразии узоров и техник их нанесения. Среди элементов выделяются косые треугольники по венчику и классические андроновские меандровидные фигуры по тулову, встречаются треугольники с фестонами, почти исчезает орнаментация придонной части и дна. Появляются ямочные вдавления и специфичный сузгунский дугообразный узор. Прослеживаются и орнаментальные мотивы, выполненные в отступающе-накольчатой технике, характерные для комплексов ташковского облика (Святой Бор IV, Чеганово I, Новый Тап I). Кроме того, на поселениях Новый Тап I и Долгушино I встречены керамические желобчатые грузила, орнаментированные в отступающе-накольчатой технике. На жертвенном месте Сузгун II отмечены ромбы и уточки, близкие коптяковским орнаментальным канонам (рис. 1: 16–17). Гребенчатый орнамент одного из сосудов (рис. 1: 1) находит близкие аналогии в позднечеркаскульских материалах (Обыденнов, Шорин, 2005. Рис. 11: 2).

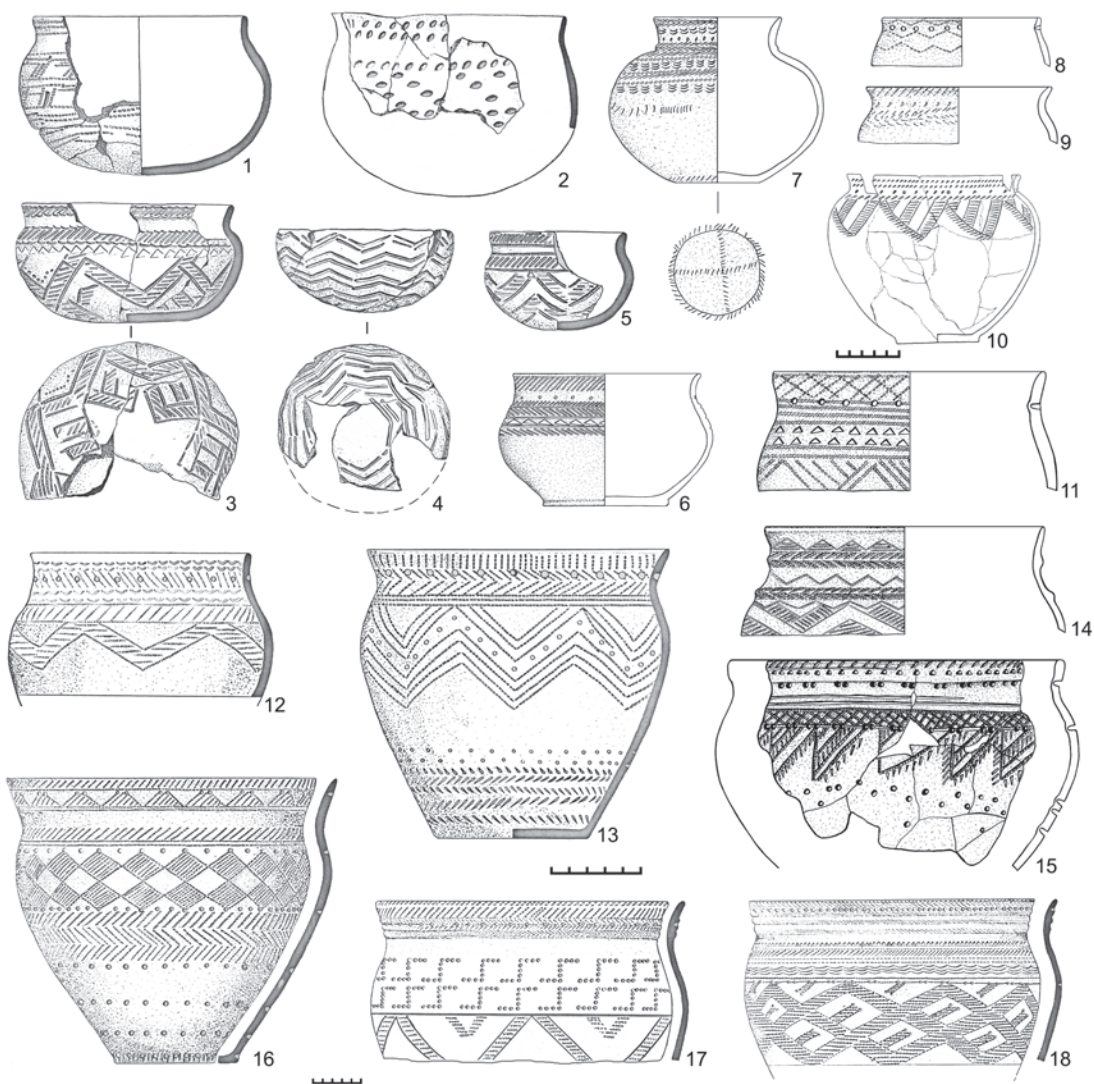

Рис. 1. Керамика святоборского этапа сузгунской культуры.

1–5 – поселение Чеганово I; 6–9, 11, 14, 15 – поселение Святой Бор IV; 10 – поселение Заводоуковское 11; 12–13, 16–18 – святилище Сузгун II.

Из изделий найдены глиняные льячки, модели хлебных булок, желобчатые грузила и фишки, выточенные из стенок сосудов. Последние представляют собой округлые, овальные, изредка подквадратные точеные изделия, которые можно интерпретировать как игральные фишки, вероятно, продолжающие андроновские традиции.

В целом данный период отражает время сложения сузгунской андроновидной культуры, а его ранняя хронологическая позиция подтверждается радиоуглеродным датированием поселения Святой Бор IV (рубеж XVI/XV – XIV в. до н.э.).

Бобров В.В., 2003. Два древних историко-культурных мира Западной Сибири: проблема взаимодействия // Археология Южной Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 11–17.

Мошинская В.И., 1957. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 58. С. 114–135.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., 2005. Черкаскульская культура. Уфа: Юридический колледж. 139 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

А.Н. Берлизов

*Кубанский государственный университет, Краснодар
berlizov-aleksandr@mail.ru*

О НЕКОТОРЫХ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ЧЕРТАХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПАМЯТНИКОВ РЕГИОНА АНАПЫ – НОВОРОССИЙСКА

В современном антиковедении большой интерес вызывает проблема культурной идентификации памятников эпохи железа района Анапы – Новороссийска. Некоторые исследователи предлагают связывать эти археологические памятники с архаической Синдикой, другие относят их к меотской культуре. Одним из путей решения данной проблемы является исследование погребального обряда, поскольку именно в нем наиболее ярко проявляется этническая самоидентификация общества.

Нами предпринята попытка определения черт обрядности могильников района Анапы – Новороссийска, позволяющих выделить их из общей массы археологических памятников, которые относятся к меотской и греческой культурам. Безусловно, результаты проведенного анализа носят предварительный характер. Хронологические рамки работы ограничиваются VI–IV вв. до н.э. Нижняя хронологическая граница обусловлена началом греческой колонизации района Анапы – Новороссийска, верхняя – его вхождением в состав Боспорского царства и распространением там греческой обрядности.

Было проанализировано 147 комплексов VI–IV вв. до н.э. из некрополей Горгиппии, ОПХ Анапа, Красного кургана, Лобановой щели, хут. Рассвет и Воскресенский. В качестве сравнительного материала были использованы синхронные материалы некрополей Азиатского Боспора (Фанагории, Гермонассы, Тузлы, Панагии, «Тирамбы») и меотских могильников (хут. Ленина, Усть-Лабинский № 2 и ст. Старокорсунской).

Визуальный анализ материала был верифицирован методами фактор- и кластер-анализа.

В результате удалось подтвердить ряд признаков, отмеченных А.В. Ивановым в качестве культуродифференцирующих для некрополей района Анапы – Новороссийска, а также уточнить и дополнить данные им определения.

При сравнении могильников Анапы–Новороссийска и греческих некрополей было установлено, что особыми отличительными чертами для первых являются: погребальные конструкции (70% погребений совершены в каменных ящиках, до 30% окружены кромлехами); большое количество парных (44 могилы) и коллективных (6 могил) погребений; поза погребенных (с вытянутым на спине положением сочетается скорченное и вытянутое на боку); широкое распространение северо-восточной ориентировки (36%); малочисленность керамических наборов (обычно 1–2 сосуда) и почти полное отсутствие в них кубков или кружек (менее 5%). Для греческих некрополей каменные погребальные конструкции не характерны: в них преобладают одиночные погребения с вытянутыми на спине костяками, ориентированные в основном на восток, до 50% погребений содержат три и более сосудов, до 40% – сосуды для питья.

Сопоставление Анапско-Новороссийской группы с меотскими могильниками выявляет различия в конструкции погребальных сооружений, ориентировке, наборе керамики, украшений и атрибутов культа. Для района Анапы – Новороссийска характерны погребения в каменных ящиках, ориентировка в восточном секторе, наличие одного–двух сосудов в большинстве захоронений, пряжек из драгоценных металлов и амулетов.

Меотские погребения совершались в грунтовых ямах, их ориентировка неустойчива, в большинстве погребений представлено 3 или более сосудов, украшения из драгоценных металлов отсутствуют, зато представлены алтари и курильницы.

Все это позволяет дополнить список характерных черт, отличающих погребальную обрядность культуры исследуемого региона, выделенных А.М. Новичихиным (Новичихин, 2006; 2009; 2010) и А.В. Ивановым (Иванов, 2016. С. 265–268).

Важным представляется определение локальных особенностей некрополей района Анапы – Новороссийска. Установлено, что они отличаются по наличию/отсутствию каменных ящиков, кромлехов, количеству погребенных в могиле. В могильниках района Анапы преобладают одиночные захоронения и восточная ориентировка умерших, встречается положение покойного, сильно скорченное на спине. В районе Новороссийска до 50% захоронений являются парными и коллективными, популярна северо-восточная ориентировка, эксклюзивом является положение костяка, вытянутое на левом боку. Украшения в анапских погребениях представлены, в основном, серьгами и перстнями; в новороссийских они сочетаются с ручными браслетами и подвесками.

Эти признаки четко отличают памятники района Анапы (вероятно, синдов) от памятников окрестностей Новороссийска (возможно, керкетов).

Таким образом, исследование погребального обряда памятников района Анапы – Новороссийска подтверждает позицию А.В. Иванова, относящего их к отдельной археологической культуре (Иванов, 2016. С. 260–268), и позволяет расширить его аргументацию. Это представляется важным, поскольку на рассматриваемой территории, судя по письменным источникам, локализуются разные варварские племена: синды, тореты, керкеты и иксибаты, а также античная Синдская Гавань.

Иванов А.В., 2016. Племена региона Анапы–Новороссийска и меоты. Сопоставление // Древности Боспора. Т. 20. М. С. 260–268.

Новичихин А.М., 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТ и КД. 220 с.

Новичихин А.М., 2009. Могильник у хутора Рассвет: вопросы культурной принадлежности и этнической атрибуции // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. С. 288–291.

Новичихин А.М., 2010. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет / Ред. А.А. Малышев. М.: Гриф и К. (Некрополи Черноморья. III.) С. 191–197.

Н.А. Биркина

*Государственный исторический музей, Москва
dulebova_natalya@mail.ru*

НЕОБЫЧНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ЗЕРКАЛ В ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В КРЫМУ: ВАРИАНТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Сарматские зеркала получили широкое распространение в Крыму в римское время. Так, на могильнике Нейзац они обнаружены практически в каждом четвертом погребении (Стоянова, 2011. С. 126). В древности зеркала имели не только утилитарное значение, но и сакральное, о чем можно судить по их особой роли в погребальном обряде. В частности, известно, что до помещения в погребение их могли преднамеренно повреждать (Вагнер, 2012. С. 173) или класть в могилу только части зеркала. На некрополе Усть-Альма в могиле 846 фрагменты зеркала были помещены в подбойную камеру и кладку сырцовых кирпичей, которая отделяла могилу от входной ямы. Там же зафиксировано использование ручек зеркал в качестве привесок в составе ожерелья (могила 895) (Труфанов, 2007. С. 179–180).

Помимо особого места зеркал-подвесок с боковой петлей в погребальном обряде обращает на себя внимание и специфика их расположения в составе погребального инвентаря. Они обычно фиксируются либо в районе тазовых костей, либо на груди или

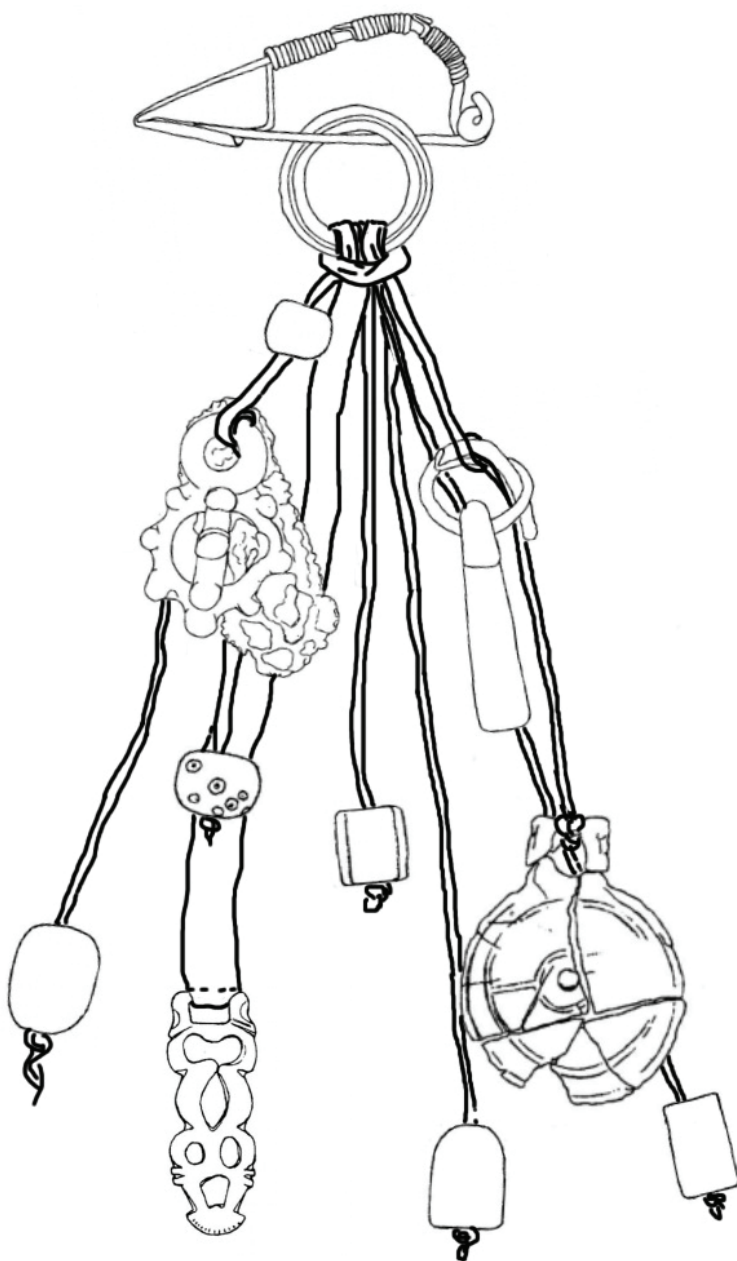

Рис. 1. Пример реконструкции «кисти» с зеркалом по материалам погребения 311 могильника Усть-Альма. Рисунки вещей: Труфанов, 2007.

встречаются в крымских женских погребениях нечасто (порядка двух – трех захоронений на памятнике), но известны на всей территории полуострова. Комплекты из зеркала и фибулы с одним или двумя кольцами найдены на могильниках Совхоз 10, Нейзац, Дружное, Усть-Альминский, Скалистое III, Танковое и др. Анализ материалов названных могильников позволяет предположить следующую реконструкцию украшения из зеркала и фибулы с кольцом: на кольце могли быть зафиксированы ремешки, жгуты или веревочки, на которые, в свою очередь, нанизывались бусины, привески, амулеты и другие предметы, в том числе зеркала (рис. 1).

Такие «кисти» с амулетами и предметами обихода встречаются в женском костюме различных культур в разные периоды времени. А.К. Амброз отмечал, что даки и иллирийцы делали на фибулах специальные кольца для прикрепления плетеных цепей (Амброз, 1966. С. 28). Аналогичные комплексы украшений, в которых фибула с кольцом имела описанное функциональное значение, зафиксированы на некрополях Централь-

рядом с одним из локтевых суставов. Первый вариант, вероятно, можно объяснить тем, что их привешивали на пояс или носили в поясной сумке-кошеле (Усть-Альминский могильник, погребение 702 (Труфанов, 2010. С. 154)). Второй вариант связывают с погребальным обрядом, но такое положение может быть обусловлено и особенностями костюма.

В погребениях с зеркалами в районе груди также обычно находят фибулы, расположенные на той же стороне, что и зеркало. На многих фибулах зафиксировано одно или несколько колец, функциональное назначение которых не вполне понятно. В той же части погребения встречаются обычно бусы, привески, амулеты, игольники и т.д. При этом бусы и привески, образующие скопление, не имеют какой-либо закономерности в расположении, которая позволила бы связывать их с шейными украшениями или декором одежды.

Комплексы вещей, сочетающие в себе зеркала и фибулы с надетым на них кольцом, дополненные бусинами и привесками,

ного и Западного Предкавказья эпохи Великого переселения народов (Мастыкова, 2009. С. 149, 319–320. Рис. 119; 120). В большинстве случаев подвешивание вещей к фибуле является одной из вероятных реконструкций. В погребении 300 могильника Дюрсо, однако, зеркало было прикреплено к фибуле цепочкой. Наконец, немаловажно, что все комплексы, в которых найдены зеркала в сочетании с фибулами с кольцами, могут быть названы статусными. В их состав входили вещи из драгоценных металлов, шкатулки, монеты и т.д.

Представленная реконструкция дает возможность предполагать, что расположение зеркал с боковой петлей в районе груди связано не только с погребальным обрядом, но и с особенностями женского костюма. Возможно, подобные «кисти» носили только знатные или имевшие особый общественный статус женщины. На это указывает незначительное количество погребений с таким вещевым комплексом на конкретных могильниках и их широкое распространение по всей территории полуострова, а также характер сопутствующего инвентаря.

- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // САИ. Д1-30. М.: Наука. 169 с.
- Вагнер Е.В., 2012. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. № 1 (21). Волгоград: Изд-во ВГУ. С. 168–176.
- Мастыкова А.В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН. 502 с.
- Стоянова А.А., 2011. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н.э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: «ДОЛЯ». С. 115–152.
- Труфанов А.А., 2007. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 173–186.
- Труфанов А.А., 2010. Погребения III в. н.э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя // Stratum plus. № 4 / Ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 145–195.

Н.Н. Голда
НП «Южархеология», Ростов-на-Дону
golda.nadezh@yandex.ru

АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА IV В. ДО Н.Э. ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ И ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА МАРЬЯНСКОЕ-I

Памятник археологии поселение и грунтовый могильник Марьянское-I выявлен и визуально обследован в мае 2012 г. Расположен он в Красноармейском районе Краснодарского края, станице Марьянская, на правом берегу р. Кубань. Материалы памятника датируются следующими периодами: финал бронзового века (начало I тыс. до н.э.), VI в., IV в. до н.э., VIII–IX вв. (эпоха Хазарского каганата), XIII–XIV вв. (эпоха Золотой Орды).

В данной заметке будет рассмотрена тарная керамика IV в. до н.э., представленная фрагментами амфор, в общей массе которых можно выделить следующие производственные центры: Клазомены, Самос, Милет, Синопа, Фасос, Лесбос, Гераклея, Менда, Херсонес (для поселения); Гераклея, Икос, Клазомены, Книд, Менда, Синопа, Фасос (для могильника).

По раскопкам В.Ю. Кононова (2013 г.) мы имеем следующую статистику: Фасос – 35%, Менда – 23%, Гераклея – 12%, Икос – 12%, Клазомены – 3%, Книд – 6%, Синопа – 6%, неопределенный центр производства (НЦП) – 3% (по могильнику); Клазомен – 37%, Самос/Милет – 13%, Лесбос – 9%, Фасос – 7%, амфоры Причерноморского типа – 7%, Гераклея – 4%, Менда – 4%, Синопа – 4%, Милет – 4%, Самос – 4%, НЦП – 7% (по поселению). По итогам раскопок 2015 г., проведенных НП «Южархеология» под руко-

водством П.А. Ларенка, по предварительным данным, мы получили следующую статистику: найдено 239 фрагментов амфор, из них 49% относятся к Гераклею, 2% – к Синопе, 5% – Менде, 6% – Фасосу, 1% – типу «Солоха», 1% – Херсонесу и 27% – НЦП.

Среди находок имеются фрагменты с клеймами, которые мы рассмотрим по центрам производства.

Клейма на гераклеийских амфорах представлены следующими типами:

1) Двустрочное клеймо на горле амфоры:

....ΚΑΛΛ.....

ΔΙΟΝΥΣ

И.Б. Брашинский отнес подобные клейма к третьей поздней группе, которая датируется концом IV – первой четвертью III в. до н.э. (Брашинский, 1980. С. 85).

2) Двустрочное клеймо содержит имя фабриканта Гераклида и магистрата Ликона:

ΗΡΑΚΛΕΙΔ[Α]

ΕΠΙΛΥΚΩ[Ν].

3) Круглое ретроградное клеймо ΠΑΥΣΩΝ ΕΠΙ ΔΙΟΝΥ на горле амфоры, найденной в погребении. Клеймо принадлежало магистрату Дионисию II, работавшему в самом конце 60-х – начале 50-х годов IV в. до н.э. (Монахов, 1999. С. 329).

Фасосские клейма.

1) Клеймо на ручке фасосской амфоры с изображением пальметты.

2) Кроме этого была найдена ручка фасосской амфоры с клеймом с надписью вдоль двух длинных сторон: ΘΑΣΙΩΝ | ΚΑΛΛΙ, с двумя эмблемами – «палица» и «звезда».

Клейма на амфорах Менды представлены следующими типами:

1) Клеймо на ручке мендейской амфоры в виде буквы «Ф» в ромбовидной рамке.

2) Метка в виде колечка на ручке амфоры. Конечно, эти метки могут быть названы клеймами лишь условно; датируются данные оттиски, предположительно, 70–60-ми годами IV в. до н.э. (Гаврилов, Махнева, 2010. С. 108).

На территории памятника Марьянское-I найден фрагмент горла амфоры с синопским клеймом. Оно двустрочное в прямоугольной рамке, содержит имя керамевса Посейдона и эмблему в виде орла, клюющего дельфина. Подобное клеймо найдено в Херсонесе на усадьбе клера № 3 и относится к 60-м годам IV в. до н.э. (Кац, 1972. С. 31). На том же раскопе найден еще один фрагмент горла амфоры с сильно фрагментированным клеймом, которое, по нашему мнению, также можно отнести к группе клейм с изображением эмблемы «орел клюет дельфина». Кроме описанных найдено небольшое количество сильно фрагментированных клейм, восстановление которых вызывают затруднение.

Таким образом, находки клейм на территории поселения и грунтового могильника Марьянское-I подтверждают наличие слоя IV в. до н.э.

Брашинский И.Б., 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние. 270 с.

Гаврилов А.В., Махнева О.А., 2010. Амфорные клейма из округа античной Феодосии (сборы Е.М. Кальского 1974–1985 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. № 22. Донецк: Донбасс. С. 107–167.

Кац В.И., 1972. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклеийском полуострове // Античный мир и археология. Вып. 1. С. 28–37.

Кац В.И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). (Боспорские исследования. Вып. XVIII.) Симферополь; Керчь. 480 с.

Монахов С.Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 679 с.

ОПЫТ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КОСТЮМА БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Реконструкция костюмных комплексов археологических культур Сибири и Центральной Азии представляет собой одну из наиболее интересных и насущных задач современной археологии. В распоряжении исследователей скопилась значительная источниковая база, сформировались основные методы и подходы реконструкции. Между тем фрагментарность источников по отдельным культурам и множество методов воссоздания внешнего облика древних народов существенно увеличивают качественное и видовое разнообразие реконструкций.

Традиционно реконструкции классифицируются по способу изготовления на графические и модельные; по источниковой базе на полные (репродукции), частичные, обзорные. З.В. Доде выделяет три возможных типа реконструкции костюма: аутентичная, соответствующая подлиннику, полностью основанная на артефактах; аподектичная (обобщающая), основанная на совокупном комплексе источников при отсутствии артефактов; гипотетическая (недостовверная), базирующаяся на обоснованных материалах предположениях (Доде, 2005).

В предлагаемой работе на обсуждение выносятся опыт создания гипотетической (графической, художественной) реконструкции внешнего облика населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, основанной на материалах раскопок памятников Быстровка-1 (Верхнее Приобье).

Очевидно, что значительным минусом метода графической реконструкции является известная живописность (художественность) создаваемых образов, отвлекающая внимание от археологического контекста работы. Особо абстрагирующими чертами художественных образов нам представляются увлечения авторов рисунками пейзажей и лиц. Непреодолимым недостатком реконструкций является фрагментарная источниковая база, лежащая в их основе. Из-за разграбления погребений, плохой сохранности органики, ситуативности оформления одежды, а также отсутствия предметного комплекса¹ воссоздать цельный образ костюма подчас становится весьма проблематично даже при наличии ряда весомых аналогий. В качестве примера вариативности декора одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа можно вспомнить о знаменитом двадцать втором погребении могильника Ближние Елбаны VII, в котором среди бусин и пронизок оплечья женской наплечной одежды был обнаружен обломанный наконечник стрелы (Грязнов, 1956. С. 59). Еще одной проблемной точкой гипотетических графических реконструкций представляется и неотъемлемая субъективность метода (Бородовский, 1995).

Рис. 1. Реконструкция женского костюма по материалам кургана 4 могилы 1 некрополя Быстровка-1.

¹ Под «предметным комплексом одежды» нами понимается совокупность артефактов, нашиваемых на одежду и входящих в ансамбль костюма.

Для того чтобы понизить «градус живописности» создаваемых графических реконструкций, представляется необходимым включить процесс их создания в рамки определенной общей системы или схемы. В основу такой схемы, возможно, следует положить некоторую константу, каковой, к примеру, является контур тела человека, разделенный на условные зоны, с наложением на него предметного комплекса одежды. Подобный подход обуславливается и способом описания результатов раскопок большинства большереческих погребений, например, некрополя Быстровка-1, кургана 4, могилы 1 женщины 25–30 лет. В изголовье погребенной были выявлены две бронзовые подвески и стеклянный позолоченный бисер. В области груди по одной линии лежали пастовые округлые бусины и длинные пронизи плохой сохранности, отдельные бусины найдены у ног и таза (Троицкая, Бородовский, 1994. С. 123). Ребра грудной клетки скелета плотно сжаты, что, возможно, говорит о плотности прилегания наплечной одежды к телу (Зайцева, Ражев, 2007). Свободное положение костей ног, вероятно, свидетельствует о том, что поясная одежда была широкая (шаровары или юбка). Исходя из планиграфии находок погребения, круга привлеченных аналогий и антропологической характеристики костей скелета, может быть создана графическая реконструкция облачения погребенной (рис. 1) (Головченко, 2015).

Специфика полученных результатов заключается в том, что целью, отличающей художественную реконструкцию от остальных ее видов, является создание образа костюма, а не его характеристика путем анализа предметного комплекса. Поэтому созданная в ходе исследования реконструкция должна рассматриваться как один из возможных вариантов представления изученных материалов.

Бородовский А.П., 1995. Студент-художник в археологической экспедиции (возможности и варианты сотрудничества) // Археология в вузе и школе: Тез. докл. региональной конф. Новосибирск. С. 3–4.

Головченко Н.Н., 2015. Результаты предварительного технико-технологического анализа образцов ткани из некрополя Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск. Т. 14. № 7. С. 30–38.

Грязнов М.П., 1956. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // МИА. № 48. М.–Л. 163 с.

Доде З.В., 2005. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: к вопросу о методике исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. Донецк. С. 37–40.

Зайцева О.В., Ражев Д.И., 2007. Возможности реконструкции особенностей первоначального размещения тела в погребениях по обряду ингумации // Вестник Томского университета. № 302. С. 84–89.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 184 с.

В.В. Дорошко

*ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь
valentindor@mail.ru*

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ¹

Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове известна в науке начиная с основания Севастополя. Однако археологическое изучение ее началось только в конце XIX в. В основном исследовался северо-западный район Гераклейского полуострова, и как результат долгое время не выявленными оставались усадьбы в централь-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-31-01082a2 «Херсонесское пограничье в Юго-Западной Таврике античного времени».

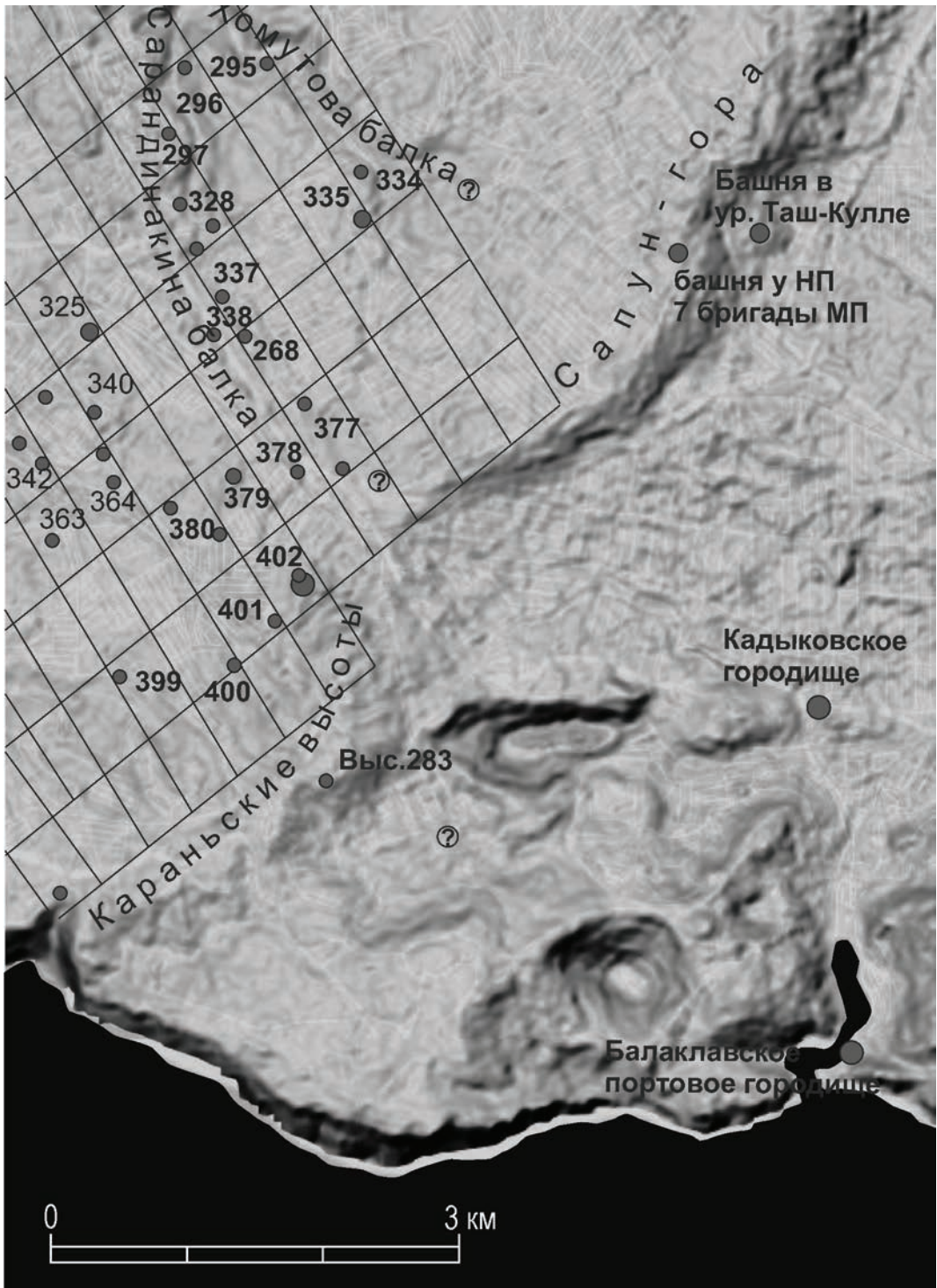

Рис. 1. Юго-восточная окраина хоры Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове в конце IV – II в. до н.э.

ной и восточной частях. Особый интерес представляют окраинные усадьбы, которые маркируют пределы так называемой ближней хоры, тем более что видимая размежевка в этих районах, за редким исключением, не фиксируется, и на сегодняшний день остается открытым вопрос о пределах освоенной земледельческой округи.

Первые раскопки в районе Караньских высот, Сарандинакиной и Хомутовой балок были проведены только в 80–90-х годах XX в. и позволили судить об освоении херсонесе-

ситами этих территорий с конца IV в. до н.э. (Николаенко, 2001. С. 124–126). Это одни из наиболее пригодных на ГераклеЙском полуострове районов для проживания и ведения сельского хозяйства.

В верховьях Сарандинакиной и Хомутовой балок и сейчас дают воду не менее семи источников, питающих непересыхающие ручьи в низинах балок. Разведки ГераклеЙской экспедиции в 1980–1990-х годах открыли в обеих балках наличие системы гончарных водопроводов, питавших Херсонес в римское время (Зубарь, 2009. С. 298; Николаенко, 2001. С. 113, 125). Склоны балок имеют следы древней террасировки, хорошо подходящей для культивирования винограда. Это подтверждается обнаруженным винодельческим комплексом на единственной раскопанной в верховье Сарандинакиной балки усадьбе 338 и находкой переносной винодавильни на усадьбе 328 Южная. О заселенности изучаемой местности свидетельствует ряд выявленных херсонесских усадеб (усадьбы 296, 297, 328 Восточная, Северная и Южная, 337, 338, 368, 377, 378 в Сарандинакиной балке и 295, 334 и 335 в Хомутовой). Большинство из них существуют в римское время, а некоторые остаются обжитыми и в средневековую эпоху.

Далее на юг от верховья Сарандинакиной балки в сторону Караньского плато на высоте Безымянная расположен большой укрепленный комплекс участка 402. Проведенные здесь исследования позволили выявить разновременные напластования начиная с конца IV в. до н.э. и до раннего средневековья (Николаенко, 2001. С. 145–146). На западном склоне этой высоты расположена усадьба участка 401. Строительные остатки заплыли землей, на поверхности присутствует керамический материал эллинистического времени. Далее на юго-запад – усадьбы участков 400 и 399 в верховье балки Бермана. К северу от слияния Сарандинакиной и Хомутовой балок граница аграрной территории определяется четче, она проходит по Сарандинакиной балке, не пересекая ее на восток.

Отметим, что перечисленные усадьбы, будучи расположены на окраине так называемой ближней хоры ГераклеЙского полуострова, не отличаются от остальных ни площадью, ни планировкой, за исключением комплекса на Безымянной высоте, что указывает на существование иного типа херсонесских приграничных укреплений. И действительно, в последние десятилетия эта система укреплений стала проявляться в таких памятниках, как башня с поселением в урочище Таш-Кулле, раскопанная экспедицией Херсонесского музея под руководством О.Я. Савели в 1987–1988 гг. (Зубарь, 2009. С. 321, 322), и похожий на нее объект на высоте 283 Караньских высот, открытый в 1903 г. Д.О. Шпаком и вновь локализованный автором настоящей статьи (Дорошко В.В., Дорошко О.П., 2016. С. 147–150) (рис. 1). Еще один объект при участии автора был открыт на вершине Сапун-горы у памятника НП 7-й бригады морской пехоты (Филиппенко, Дорошко, Тюрин, 2015. С. 348–351). Изучение этих объектов еще предстоит осуществить.

Дорошко В.В., Дорошко О.П., 2016. Исследования на высоте 283 Караньских высот к северо-западу от с. Флотское г. Севастополя в 2014–2015 гг. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь: ООО «Соло-Рич». С. 147–152.

Зубарь В.М., 2009. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005 гг.). Т. I–II // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 6. 496 с.

Николаенко Г.М., 2001. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. 2. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический». 164 с.

Филиппенко А.А., Дорошко В.В., Тюрин М.И., 2015. Исследования укрепленного комплекса античного времени на вершине Сапун-горы в 2014 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь: ООО «Соло-Рич». С. 348–351.

НОВЫЙ ИЗВЕСТНЯКОВЫЙ РЕЛЬЕФ С ХОРЫ ХЕРСОНЕСА

В 2015 г. экспедицией музея-заповедника «Херсонес Таврический» под руководством В.В. Дорошко¹ в связи с начавшимися строительными работами в верховье Сарандинакиной балки проводились разведочные работы. Их целью было доказать существование памятника археологии – усадьбы древнего земельного участка 328 Южная (Дорошко, 2016).

Через культурные напластования и архитектурные остатки усадьбы строители прорыли траншею, по обеим сторонам которой выбросили грунт, содержащий керамику и камень из разрушенных кладок.

В отвале грунта и был найден рельеф, выполненный из известняка (коллекция № 3/37670) (рис. 1). Размеры сохранившейся части – 17,9 × 12,8 см. По всей поверхности виднеются старые и новые сколы. На лицевой стороне в рамке сохранилось рельефное изображение стоящей мужской фигуры. Трактовка туловища схематична: на непропорциональной голове глаза и рот показаны вдавлениями, шея отсутствует, одна рука толще другой, пальцы рук не проработаны. Вся фигура будто наклонена в сторону. В углублениях сохранились следы от инструмента резчика. На оборотной стороне в верхней части также оказалось изображение – прочерченный овал лица с намеченными глазами в виде вдавлений.

Несмотря на то, что рельеф выполнен грубо и схематично, можно предположить, что перед нами – изображение стоящего Геракла. В пользу этого говорит наличие большого числа аналогий, происходящих из раскопок Херсонесского городища (Щеглов, 1974) и его хоры – городища Чайки и Панского (Кутайсов, 2004. С. 91).

Точная датировка памятника затруднена обстоятельствами его находки: сопутствующий материал датируется широко: концом IV в. до н.э. – рубежом I–II вв. н.э. По мнению П.Г. Аграфонова, в римское время изображения стоящего Геракла являются самыми многочисленными, но при этом упрощенными и примитивными (Аграфонов, 1999. С. 20–21). Очевидно, что П.Г. Аграфонов ссылается на статью А.Н. Щеглова о находках стоящего Геракла из раскопок Херсонеса (Щеглов, 1974). Однако из шести рассмотренных А.Н. Щегловым рельефов ни один не имеет точной хронологической привязки, а датировка рельефов I–III вв. основана на стилистических особенностях памятников: неуклюжие пропорции, небрежность обработки и т.д. В то же время рельеф с изображением Геракла с подобной стилистикой из Чайки датируется концом IV – началом III в. до н.э. (Кутайсов, 2004. С. 91–92).

Недалеко от рельефа найден фрагмент известнякового алтарика, на одной стороне которого сохранились следы рельефных горизонтальных полос и фронтона. Алтарик относится к широко распространенному в эллинистическом Херсонесе типу (тип 2 по Ю.А. Бабинову (Бабинов, 1974. С. 21–22)). Нельзя утверждать, что рельеф и алтарик происходят из одного слоя, однако их одновременная находка все же указывает на связь памятников.

Учитывая изложенное, можно предположить, что рельеф из усадьбы 328 Южная относится к концу IV – первой трети III в. до н.э.

Что касается семантики образа Геракла, она широко освещена в литературе (Пятышева, 1948; Сапрыкин, 1978; Щеглов, 1974; Соломоник, 1984; Аграфонов, 1999). Стоит только сказать, что каменные рельефы повторяли сюжет статуи Геракла, выполненной Лисиппом (Щеглов, 1974. С. 45).

¹ Пользуясь случаем, благодарю В.В. Дорошко за возможность опубликовать материал.

Рис. 1. Рельеф с изображением Геракла. Фото К.В. Зыковой.

Известняковые рельефы являлись неперенным атрибутом домашних святилищ (Сапрыкин, 1978. С. 45–52; Крапивина, 2012. С. 190). Мы не можем с уверенностью говорить, было ли на усадьбе 328 Южная подобное святилище, и какова была его структура. Возможно, дальнейшие исследования на памятнике дадут новую информацию по этому вопросу.

- Аграфонов П.Г., 1999. Культ Геракла в Херсонском государстве. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 22 с.
- Бабинов Ю.А., 1974. Эллинистические домашние алтари // Херсонес Таврический. Ремесло и культура / Отв. ред. И.А. Антонова, В.В. Борисова. К.: Наукова думка. С. 19–25.
- Дорошко В.В., 2016. Исследования херсонесской усадьбы 328 Южная в 2015 г. // IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тез. докладов и сообщений / Ред.-сост. Д.А. Моисеев, О.М. Стойкова. Бахчисарай. С. 13–14.
- Крапивина В.В., 2012. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // Боспорские исследования. Вып. XXVI. С. 182–217.
- Кутайсов В.А., 2004. Керкинитиды в античную эпоху. Киев: КОРВИН ПРЕСС. 326 с.
- Пятышева Н.В., 1948. О культе Геракла в Херсонесе // ВДИ. № 2. С. 197–204.
- Сапрыкин С.Ю., 1978. О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. № 1. С. 38–52.
- Соломоник Э.И., 1984. Граффити с хоры Херсонеса. К.: Наукова думка. 144 с.
- Щеглов А.Н., 1974. Геракл отдыхающий // Херсонес Таврический. Ремесло и культура / Отв. ред. И.А. Антонова, В.В. Борисова. К.: Наукова думка. С. 44–55.

Е.Ю. Логинова

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
loginova213@gmail.com*

ОБ УСТРОЙСТВЕ СКИФСКОГО КУРГАНА БАБЫ

Курган Бабы был расположен в с. Михайлово-Апостолово Херсонского уезда (ныне с. Михайлово-Заводское Апостоловского р-на Днепропетровской обл., Украина). Название ему дали местные крестьяне по каменному антропоморфному изваянию, стоявшему некогда на вершине насыпи. Памятник, ограбленный, судя по всему, еще в древности, исследовался Д.И. Эварницким в 1897 г. Долгое время курган Бабы был опорным скиф-

ским комплексом, имеющим достаточно четкую хронологическую и культурно-историческую атрибуцию. По комплексу предметов его можно датировать серединой V в. до н.э. Сопоставление опубликованных (Извлечение, 1900; Эварницкий, 1901) и рукописного (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 221, 1897) отчетов о раскопках показало, в целом, их сходство. Вместе с тем выявлены и некоторые противоречия, уточнение которых позволит определить место кургана Бабы в кругу скифских древностей степного Причерноморья.

Высота кургана достигала около 3,5 м, диаметр – 36,8 м. Насыпь состояла из земли и больших камней. В центре кургана, чуть выше уровня материка, из крупных каменных глыб была сооружена платформа диаметром около 11 м. Под ней на кольцевидном материковом выкиде из могильной ямы зафиксировано безынвентарное погребение, скорченное на левом боку, со скрещенными на груди руками. Следом было открыто пятно могильной ямы в форме правильного полукруга шириной 5,2 м, ориентированное по линии З–В. После выборки заполнения с большим количеством камней, костями человека, животных и некоторыми находками глубина ямы составила 4,9 м. Дно выстилал белесый слой, похожий на древесный тлен. У южной стенки на глубине 2,14 м был зафиксирован выступ размерами 3,2 × 0,5 м. У З и В стен ямы стояли два бревна, каждое толщиной по 17 см, а в СЗ, ЮВ и ЮЗ углах были сделаны три неглубокие ниши, уходящие вниз под наклоном примерно на 1,5 м. В них найдены предметы сопроводительного инвентаря и детали костюма. Из ЮВ ниши начинался грабительский ход длиной 10,7 м и около 1,5 м в высоту. Он шел с Ю на С, постепенно сужаясь, и у входного отверстия, забитого камнями и землей, заканчивался тремя ступеньками. Д.И. Эварницкий не признавал ход грабительским, считая его одним из преднамеренно сделанных элементов подкурганного сооружения.

Таким образом, если верить Д.И. Эварницкому, в кургане Бабы мы имеем дело с ямной конструкцией с тремя нишами на дне, перекрытой сверху каменной платформой. Он датировал памятник скифским временем и в качестве аналогии привел устройство кургана Чертомлык, расположенного в непосредственной близости.

Исследователи, обращавшиеся к кургану Бабы, единодушно заключали, что описанное Д.И. Эварницким устройство с трудом находит аналогии в Северном Причерноморье (Ростовцев, 1925; Яценко, 1959; Ольховский, 1991 и др.). Ссылаясь на опубликованные отчеты, они не замечали, что между этими отчетами существует некоторая разница в описаниях; более того, никто из них не использовал архивные материалы исследования – рукописный отчет и фотографии, сделанные в процессе раскопок (НА ИИМК РАН (ФО). Q 385. 1–13, F 116. 9–11). Между тем привлечение этих новых источников позволяет уточнить устройство кургана Бабы.

Сопроводительное погребение. По описанию Д.И. Эварницкого, скелет был скорчен на левом боку, однако на одной из фотографий, хранящихся в фотоархиве ИИМК РАН (Q 385-5), запечатлен этот скелет, но лежащий вытянуто на спине и со скрещенными на груди руками. Судя по положению на материковом выкиде и под ненарушенной каменной кладкой, данное захоронение хронологически соотносится с основным погребением кургана, хотя автор раскопок датировал его тем временем, когда было воздвигнуто каменное изваяние на вершине насыпи.

Размеры и форма могильной ямы кажутся странными. И.В. Яценко и, вслед за ней, М.И. Артамонов (Яценко, 1959; Артамонов, 1966) предположили, что погребальное сооружение кургана Бабы представляет собой катакомбную конструкцию, где яма может быть входной шахтой со ступенькой-«выступом», а ниши – необвалившимися частями рухнувшей камеры. С одной стороны, действительно, глубина – почти 5 м – несколько великовата для ямной погребальной традиции (Ольховский, 1991. С. 17, 20), с другой – ширина 5,2 м слишком велика для входной шахты катакомбы.

Наличие двух бревен на дне ямы вызывает вопрос, были ли они частью некой опорной конструкции или элементами внешнего деревянного перекрытия, провалившегося под тяжестью камней. Стоит отметить, что использование разного рода деревянных конструкций нехарактерно для катакомбного обряда погребения. Выступ у южной стены

ямы, вероятнее всего, предназначался для удобного спуска и выборки грунта устройствами кургана. Такие конструктивные элементы характерны как для ямного, так и для катакомбного обряда погребения и фиксируются в скифском погребальном обряде степного Причерноморья начиная с VI в. до н.э.

Ниши, расположенные в СЗ, ЮЗ и ЮВ углах ямы, вызывают наибольшее число вопросов при анализе устройства кургана Бабы. Учитывая небрежность Д.И. Эварницкого в описании результатов раскопок, можно, вслед за И.В. Яценко, предположить, что эти ниши были частью камеры катакомбы, однако достаточных оснований для такого заключения у нас все же нет. Трудности в поиске аналогий для подобной конструкции заставляют усомниться в верности слов Д.И. Эварницкого. В.С. Ольховский приводил в пример курган 2 у села Большемихайловка, в могильной яме которого были зафиксированы ниши во всех четырех углах, но при внимательном изучении выяснилось, что они имели глубину всего 0,2–0,25 м (Мухопад, 1984. С. 118), что не идет в сравнение с размерами ниш в кургане Бабы.

Вероятно, именно в ЮВ нише было совершено главное захоронение, поскольку здесь обнаружено большое количество костей человеческого скелета. Кроме того, именно здесь заканчивался грабительский ход, в котором были обнаружены человеческие кости и детали костюма, брошенные грабителями или «потерянные» в результате протаскивания погребенного наверх, значит, между сооружением насыпи и ограблением должно было пройти какое-то время. Внешнее отверстие хода не доходило до основания кургана примерно на 1,5 м, и, вероятно, едва выходило за границы каменной платформы, расположенной выше. Учитывая этот факт, можно предположить, что каменная выкладка была внешним панцирем насыпи, и, соответственно, диаметр первоначального кургана едва превышал 11 м. Возможно, в неисследованных полах кургана есть захоронения более позднего времени, осуществленные вместе с досыпкой (или досыпками) насыпи. В то же время курган мог быть сооружен в два этапа, первый из которых заканчивался созданием каменного панциря, после чего он некоторое время стоял «открытым», и в этот интервал времени было совершено ограбление. Немногие сохранившиеся после ограбления вещи, главным образом греческая художественная бронза и золотые изделия, свидетельствуют о высоком статусе погребенного.

Артамонов М.И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа.

Прага; Л: «Артия», «Советский художник». 120 с.

Извлечение из Отчета Археологической Комиссии за 1897 г., 1900. СПб. С. 133–137.

Мухопад С.Е., 1984. Скифские архаические погребения на р. Волчьей // Проблемы археологии Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та. С. 115–127.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука. 256 с.

Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л. 624 с.

Эварницкий Д.И., 1901. Раскопки курганов в Херсонской губернии Херсонского и Александровского уездов (в имени А.Н. Синельникова Михайлове-Апостолове и хуторе О.В. Волковой Зпроньке) // Труды XI Археологического съезда в Киеве, 1899 г. / Ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. Т. I. М. С. 718–735.

Яценко И.В., 1959. Скифия VII–V вв. до н.э. (Археологические памятники степного Приднепровья и Приазовья VII–V вв. до н.э.). (Труды ГИМ. Вып. 36.) М. 120 с.

К ПРОБЛЕМЕ ТЕРМИНОЛОГИИ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ПЬЯНОБОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются проблемы интерпретации находок клинкового вооружения пьяноборской археологической культуры. На сегодняшний день в научной литературе, посвященной исследованию пьяноборских древностей, существует проблема соотношения конкретных экземпляров холодного оружия с той или иной разновидностью вооружения. Решение этой проблемы позволит прийти к однозначной трактовке находок вооружения пьяноборской культуры.

Поводом для обращения к данной тематике стали работы В.А. Иванова и Б.Б. Агеева, в которых одни и те же предметы вооружения – узкие однолезвийные ножи длиной 25–40 см – имеют разную интерпретацию: кинжал у Б.Б. Агеева и боевой нож у В.А. Иванова.

Нож – стальная или наваренная сталью железная полоса, в черене, в колодке, для резанья. В ноже отличают: плашку или полосу, лист, колодочку, черен (Даль, 1905. С. 1434). Нож по своему практическому применению универсален. Боевой нож играет роль подсобного меча, дополнительного оружия с режуще-колющей функцией, однолезвийного, длиной до 50 см, шириной – 2–3 см (Кирпичников, 1966. С. 71).

Кинжал имеет строгое предназначение – нанесение, прежде всего, колющих ударов в ближнем бою. В бытовом плане использование кинжала нецелесообразно. Кинжал – это короткая шпага, сабля разных видов; кортик, остроконечный обоюдоострый нож, предназначенный для укола (Даль, 1905. С. 270). По А.Н. Кирпичникову, кинжал – элемент вооружения, обоюдоострый, направленный на поражение бронированного противника в ближнем бою. Его длина – до 60 см, ширина – 6–8 см (Кирпичников, 1966. С. 69, 72). По Э. Окшотту, кинжал – элемент вооружения, имеющий вид острого конуса или ножа, всегда обоюдоострый. В более простом понимании это укороченный вариант меча (Окшотт, 2007. С. 99, 110).

Из вышесказанного следует, что кинжал – обоюдоострое, а нож – однолезвийное орудие ближнего боя.

В.А. Ивановым выделены «боевые ножи» пьяноборской культуры по материалам Юлдашевского могильника (рис. 1: 1, 2). Это узкие однолезвийные клинки без навершия и перекрестия с коротким черешком, на который насаживалась деревянная или костяная рукоять. К «пьяноборским» материалам В.А. Иванов отнес и ножи с вогнутым серповидным клинком из Охлебнинского и Шиповского могильников (Иванов, 1984. С. 18). Боевые ножи первого вида имели распространение у южных кочевников. Датируются они позднесарматским временем (Агеев, 1992. С. 47). Ножи второго вида достались в наследство кара-абызскому населению от раннеананьинских племен Волго-Камья (Иванов, 1984. С. 19).

В.А. Иванов упоминает и о существовании у населения пьяноборской культуры однолезвийных кинжалов. Такой вывод он делает на основе находок концевых накладок из погребений Камышлы-Тамакского, Юлдашевского и Охлебнинского могильников (Иванов, 1984. С. 19). «Очень многие однолезвийные кинжалы как у пьяноборцев, так и караабызцев носились в ножнах...» (Иванов, 1984. С. 19).

У Б.Б. Агеева термин «боевой нож» отсутствует. Интересующие нас находки отнесены к категории кинжалов. По форме навершия, перекрестия и клинка выделены 4 типа кинжалов (рис. 1: 5–8), кроме того, описаны 2 типа бытовых ножей, отличных друг от друга только формой спинки (рис. 1: 3, 4) (Агеев, 1992. С. 47, 49).

По классификации Б.Б. Агеева, боевые ножи – это кинжалы 1 типа (Агеев, 1992. С. 47), т.е. «однолезвийные кинжалы без навершия и перекрестия, клинки которых плавно

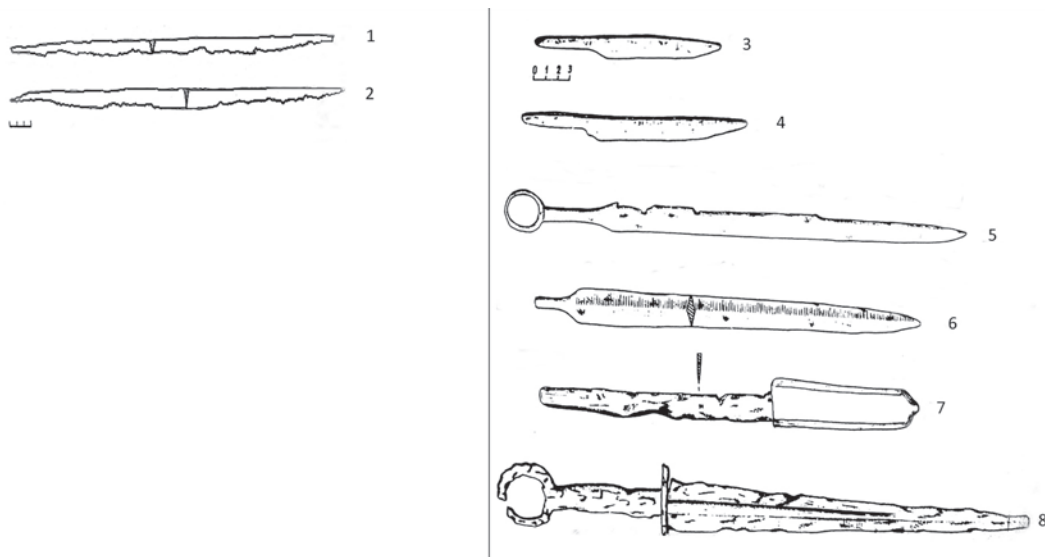

Рис. 1. Боевые ножи пьяноборской археологической культуры.

1, 2 – «Боевые ножи» из Юлдашевского могильника по В.А. Иванову (Иванов, 1984); 3, 4 – «ножи» по Б.Б. Агееву; 5–8 – «кинжалы» по Б.Б. Агееву (Агеев, 1992).

переходят в ручку» (рис. 1: 7). Они встречаются в Афонинском, Камышлы-Тамакском II, Кушулевском III и других могильниках (Агеев, 1992. С. 118). Все остальные типы уже реальных кинжалов – обоюдоострые с разным навершием и перекрестием. Концевые накладки встречаются совместно с боевым ножом (Агеев, 1992. С. 135).

Что касается бытовых ножей, то они широко представлены в материалах могильников. Принимая во внимание их морфологические характеристики, относить их к предметам вооружения не следует.

На сегодняшний день можно говорить о том, что образцы однолезвийного клинкового оружия пьяноборской культуры, которые имеют узкий однолезвийный клинок длиной до 25–30 см, рукоять без навершия и перекрестия с коротким черешком для насаживания костяной или деревянной рукояти, действительно можно интерпретировать как боевые ножи.

Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.: БНЦ Уро РАН. 140 с.

Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука. 87 с.

Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Т. 1. М.: Наука. 144 с.

Даль В.И., 1905. Толковый словарь русского языка. Т. 2. СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольф. 2030 с.

Окшотт Э., 2007 Рыцарь и его доспехи. М.: Центрполиграф. 2007. 116 с.

Л.Х. Мустафаев

НАНА, Национальный музей истории Азербайджана, Баку

Qafqaz8310@rambler.ru

О РАЗВАЛИНАХ ПОСТРОЕК, ОБНАРУЖЕННЫХ В 2014–2015 ГГ. НА ПАМЯТНИКЕ ИЛЬЯСТЕПЕ

С 2006 г. Шамкир–Гараджемирлинская Международная археологическая экспедиция под руководством чл.-корр. НАНА проф. Ильеса Бабаева при участии германских археологов осуществляет раскопки в Шамкирском районе Азербайджана в селе Гараджемирли. В ходе исследований на Идеалтепе, Ризвантепе, Гурбантепе, Ильястепе, Северном комплексе и ряде других памятников наряду со строительными остатками обнаружено значительное количество предметов материальной культуры. Указанные памятники рас-

положены на правом берегу Куры, в нескольких километрах от Йеникентского водохранилища. Найденные предметы материальной культуры, остатки дворца и других строений связаны с самым большим административным центром на Южном Кавказе, созданным Ахеменидской империей (550–330 гг. до н.э.), и относятся к V–IV вв. до н.э. (Бабаев и др., 2012. С. 110–121). Прослежены остатки пропилеи дворца на Идеалтепе (Babayev et al., 2007. S. 10–30), самого дворца на Гурбантепе, остатки хозяйственных построек на Ризвантепе (Babayev, Knauss, 2010. S. 237–266) и свидетельства существования керамического производства на Северном комплексе.

Среди перечисленных памятников, несмотря на небольшие размеры, особо выделяется своей оригинальностью памятник Ильястеpe. Археологические раскопки на нем проводились в 2014–2015 гг. На развалинах сооружений того времени обнаружена идентичная строительная техника. Разница – лишь в размерах построек. Из-за мелкозернистости земли на Ильястеpe при выявлении стен, сложенных из сырого кирпича, происходит стремительный обвал. Как и на других памятниках, здесь были обнаружены строительные остатки, возведенные из кирпича-сырца. Среди необычных находок следует упомянуть остатки круговой постройки диаметром 22 м, расположенной почти в центре холма и сложенной из белых камней, вертикально вкопанных в землю. В Азербайджане это первая подобная находка. Камни, сложенные по кругу, имели толщину 12–13 см, ширину 30–35 см и длину 70–80 см. По мнению И. Бабаева, до сих пор в Азербайджане не было обнаружено ни одного религиозного святилища, связанного с культурой и эпохой Ахеменидов. Это же строение он считает культовым по назначению (Babayev et al., 2015. S. 403–406). Южный Кавказ не менее 200 лет являлся составной частью Ахеменидской империи, и административное управление осуществляло обосновавшееся здесь ираноязычное население (приверженцы зороастризма). Таким образом, вполне возможно обнаружение на этой территории остатков строений, связанных с зороастрийскими погребальными и религиозными обрядами. Также уточним, что памятники изучаемого периода однослойны, следов смешивания культурных напластований и крупных разрушений не наблюдается. Строительные остатки, примыкающие к восточной стороне круга, сложенного из белых камней, а также керамика и другие находки свидетельствуют о постройке памятника в эпоху Ахеменидов (V–IV вв. до н.э.). В ходе раскопок установлено, что центральная часть указанного строения выше его краев. Это хорошо видно в разрезе раскопа. С западной стороны в круг входит полоса из щебня шириной приблизительно 1 м.

Строительные остатки на Ильястеpe могли бы подтвердить факт обнаружения культового сооружения, но вследствие незавершенности раскопок утверждение о связи памятника с зороастризмом дискуссионно. Тем не менее богатство и разнообразие артефактов наводят именно на эту мысль.

Особое внимание привлекают два фрагмента керамики, обнаруженные в ходе исследований. Один из них состоит из основания и части боковой стенки керамического сосуда красного цвета с интересным орнаментом: на месте перехода основания в тулово прочерчены две параллельные линии, последняя из которых завершается изображением солнца в виде радиально исходящих линий из мелких точек. Общеизвестно, что огонь в зороастризме является священным атрибутом, объектом поклонения, поэтому изображение солнца здесь не является случайным. Явление (объект), считавшееся священным, было изображено гончаром на его творении. Второй фрагмент керамического производства представляет собой простую цилиндрическую форму, верхняя и нижняя части которой сломаны, и напоминает ножку керамического сосуда, хотя и несколько великоватого диаметра. Отсутствие верхней части – тулова и нижней – основания не позволяет восстановить форму сосуда, который использовался для переноски огня или для освещения. Об этом можно судить по поверхности сохранившегося фрагмента. От постоянного горения огня внутри сосуда цвет его поверхности изменился, а сам сосуд пришел в полную негодность (Mustafayev, 2015. P. 289–295). Другая интересная находка – кувшинное погребение, расположенное в южной части памятника. Захоронение было

парным. Изучение останков наводит на мысль, что вышеуказанное захоронение связано с зороастризмом, религией огнепоклонников. Такой погребальный обряд часто встречается на территории Ахеменидской империи.

Находки показывают, что несмотря на простоту формы и строения, предполагаемое культовое сооружение использовалось ахеменидскими зороастрийцами как святилище или «дахма», т.е. место для отправления культовых и погребальных ритуалов.

- Бабаев И., Гагошидзе Ю., Кнауус Ф., 2012. Некоторые итоги и перспективы раскопок дворцовых зданий середины I тысячелетия до н.э. в Гараджамирли (Азербайджан) // *Antik və orta əsr Azərbaycan şəhərləri: arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı. Beynəlxalq elmi konfransın materialları*. Bakı. С. 110–121.
- Babayev İ., Knauss F., 2010. Die achaimenidsche Residenz bei Karacamirli. Ausgrabungen auf dem Gurban Tepe und auf dem Rizvan Tepe // *AMIT. Band 42*. Berlin. P. 237–266.
- Babayev İ., Knauss F., Qaqoşidze Y., 2007. Azərbaycan-Almaniya-Gürcüstan Beynəlxalq arxeoloji ekspedisiyasının Şəmkir rayonunun Qaracəmirlı kəndində 2006–2007-ci illərdə apardığı arxeoloji qazıntıların ilkin nəticələri // *Şəmkirin arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı*. Bakı. S. 10–30.
- Babayev İ., Knauss F., Mustafayev L., 2015. Beynəlxalq Şəmkir-Qaracəmirlı arxeoloji ekspedisiyasının çöl-tədqiqat işləri haqqında // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2013–2014*. Bakı. S. 403–406.
- Mustafayev L.X., 2015. Qaracəmirlı-İlyastəpə abidəsində arxeoloji qazıntılar // *Azərbaycanın ilk peşəkar arxeoloq və muzeşünası Davud bəy Şərifovun anadan olmasının 130 illiyinə həsr olunmuş “Azərbaycan tarixinin öyrənilməsində muzeylərin rolu” V Respublika elmi konfransının materialları*. Bakı: “Elm və Təhsil”. S. 289–295.

Е.Ю. Никитин

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
kaot@yandex.ru*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРЕПАХА-7 В ПРИМОРЬЕ В 2015 Г.

В 2015 г., в рамках подготовки к строительным работам объектов игровой зоны «Приморье» в бухте Муравьиная, отрядом ДВФУ под руководством Е.Ю. Никитина проводились спасательные раскопки памятника Черепеха-7. Памятник расположен в Артемовском городском округе Приморского края, в прибрежной зоне бухты Муравьиной, представляющей собой вершину Уссурийского залива. Памятник занимает участок прибрежной террасы высотой 3–4 м в месте сочленения террасы с прибрежной сопкой.

Всего в раскопе, на площади в 1758 кв. м., выявлено 67 отдельных объектов, 18 из них можно идентифицировать как котлованы жилищ, остальные — остатки хозяйственных ям и другие объекты (рис. 1). Основная часть жилищ расположена параллельными рядами, вытянутыми вдоль морского побережья. Кроме того, в середине поселения имеется значительное незанятое пространство, здесь, вероятно, мог располагаться загон для скота, какие-либо легкие сооружения или общинное имущество. Все обнаруженные в раскопе жилища были сооружены на поверхности древнего пляжа, имеют подпрямоугольную форму с котлованом, заглубленным в песок на глубину до 0,4–0,8 м. Во многих жилищах по периметру стенок прослеживаются остатки плетня. Их площадь варьирует от 17–18 до 40–42 кв. м. В 4-х жилищах обнаружены остатки сгоревшей деревянной конструкции кровли, а также остатки глиняного пола, сохранившиеся в результате воздействия высокой температуры (Жил. 19, Жил. 12, частично Жил. 1, Жил. 7). Четыре жилища (Жил. 3, 5, 6, 7) имеют «ступенчатый» котлован: его внешняя часть заглублена на 0,2–0,3 м, в ней зафиксированы остатки столбовых ям, расположенных в 1–2 ряда; внутренняя часть котлована находилась на большей глубине, до 0,5–0,6 м, являясь жилой зоной, отапливаемой очагом. Некоторые жилища (Жил. 1, 2, 7, 16) были заброшены и использовались как выгребные ямы. В них обнаружены небольшие по мощности (до 0,3 м) раковинные кучи, зольники (выбросы золы до 0,4 м) со скоплением костей рыб

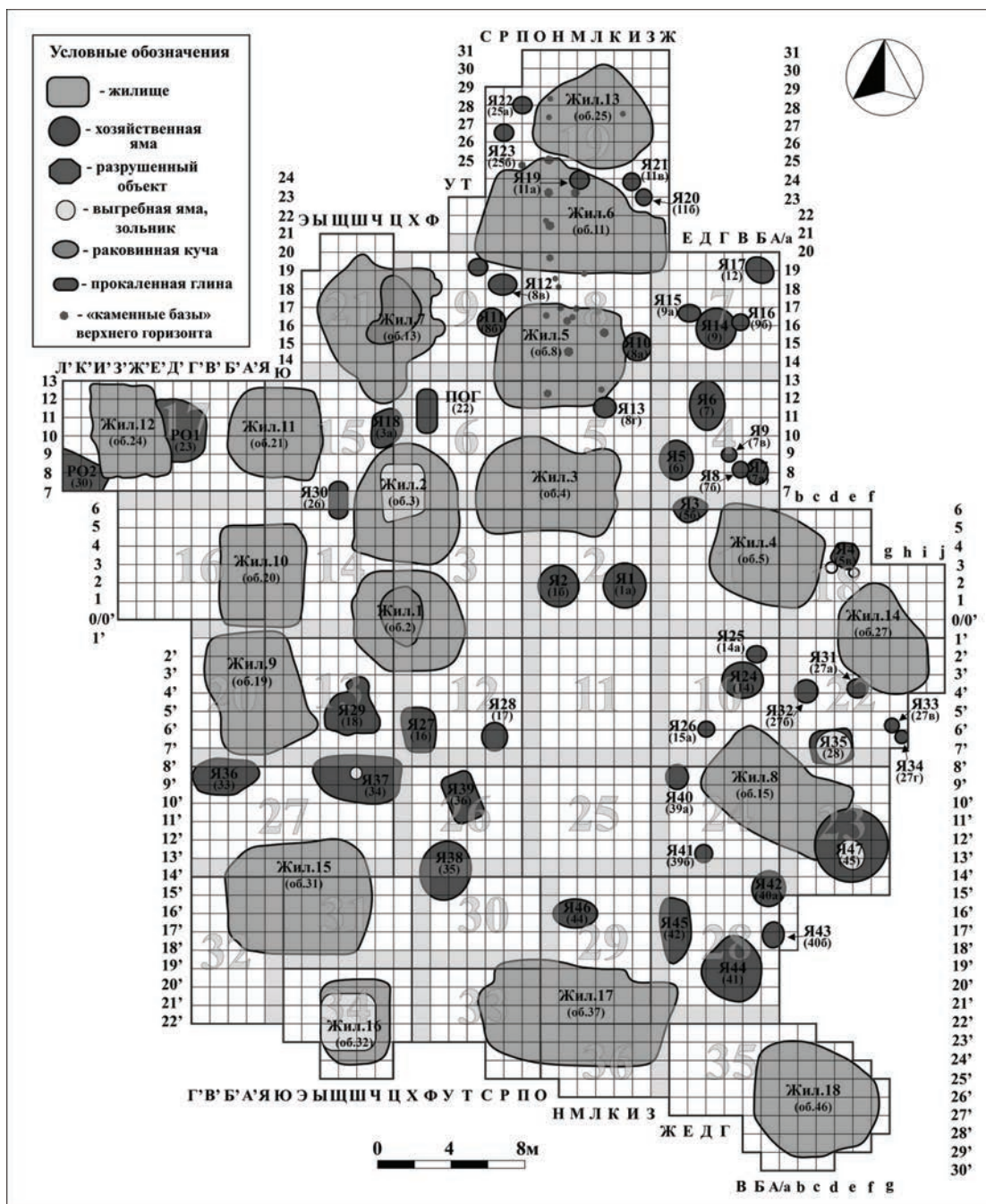

Рис 1. Схема расположения объектов в раскопе 2015 г. на памятнике Черепаха-7.

и животных, остатками битых керамических сосудов, сломанными каменными и костяными изделиями и пр.

Хозяйственные ямы располагались как непосредственно рядом с жилищами, так и отдельно, всего 46 отдельных объектов получили условное наименование ямы (№ 1–46). Они имели различное назначение. Крупные хозяйственные ямы характеризуются типичной конструкцией округлой формы, внешним диаметром от 1 до 2–2,5 м и глубиной до 1 м. Таких ям можно выделить 15. По их периметру прослежены углистые полосы – остатки конструкций из дерева или прутьев для укрепления краев. В заполнении обнаружены развалы керамических сосудов, а также большие камни, возможно, остатки гнета, которым накрывали ямы сверху. Иногда по периметру хозяйственных ям располагались столбовые ямы, свидетельствующие о присутствии конструкций вроде навеса.

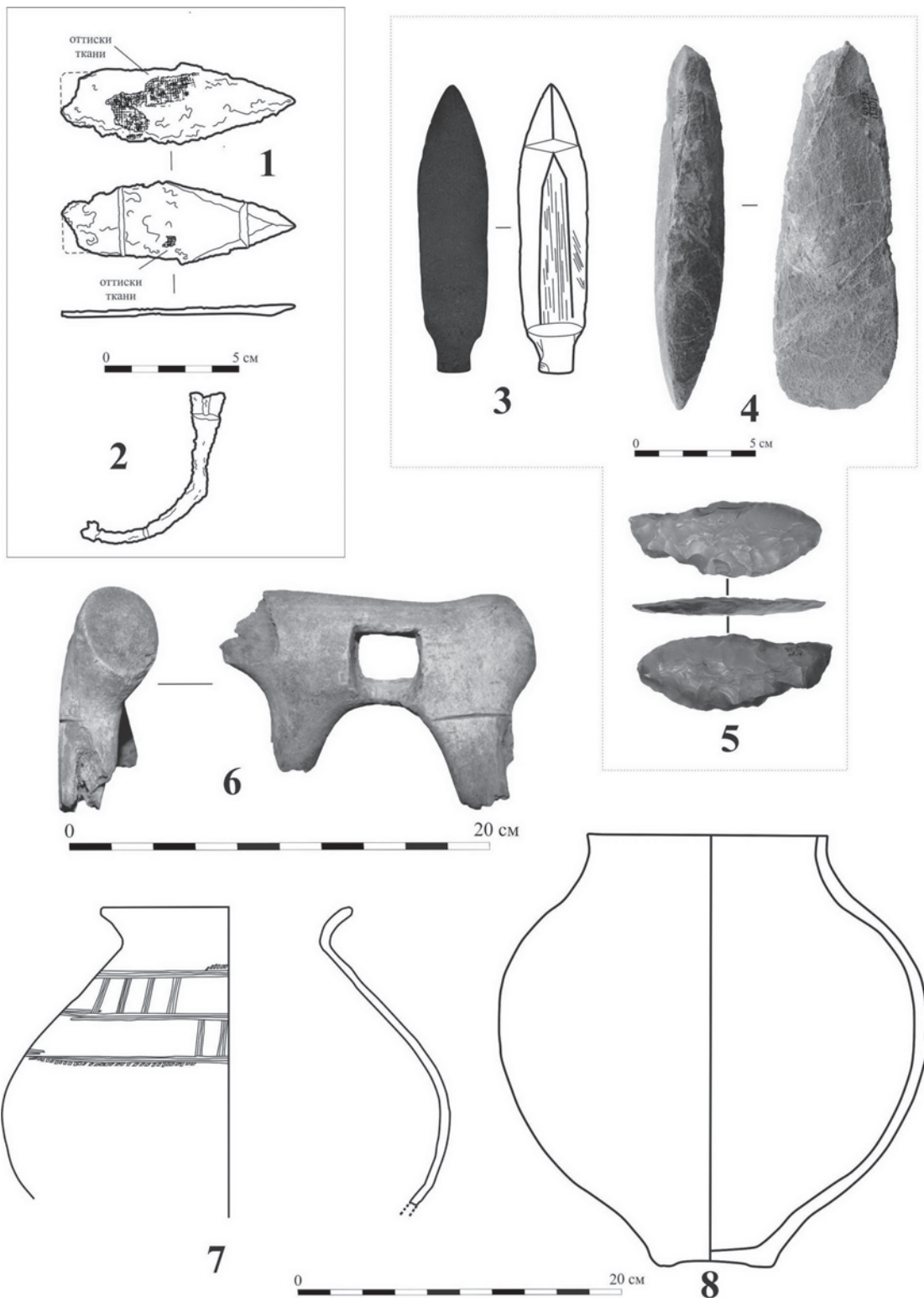

Рис. 2. Некоторые находки памятника Черпаха-7.

1 – железный нож; 2 – железный рыболовный крючок; 3 – каменный наконечник копья; 4 – каменный топор; 5 – кремниевый рыбный нож; 6 – костяной предмет с квадратным отверстием; 7, 8 – керамические сосуды.

В результате проведенных раскопок получена богатая коллекция археологического материала (более 150 тыс. предметов). Примечательными находками на памятнике являются железные изделия (возможно, одни из самых ранних в Приморье). Можно отметить клад железных предметов, обнаруженный под сгоревшей кровлей одного из жилищ (Жил. 9), состоявший из железного ножа (рис. 2: 1), рыболовного крючка (рис. 2: 2) и еще трех вытянутых изделий, которые, судя по следам на поверхности, были завернуты в кусок ткани. Среди каменных изделий можно отметить шлифованные и нешлифованные (рис. 2: 4) топоры, тесла, ножи (рис. 2: 5), наконечники стрел, копий (рис. 2: 3) и их обломки, терочники и шлифовальные камни, а также небольшое количество изделий из обсидиана (ножи, скребки, наконечники стрел). Массовый характер имеют находки каменных грузил для рыболовных сетей, представляющих собой гальки с выбитыми с двух сторон прорезями для привязывания. Костяные изделия памятника также составляют богатую коллекцию, среди них можно отметить проколки, иглы, шпильки для волос, наконечники гарпунов, а также два необычных изделия из рога с квадратным отверстием в середине (рис. 2: 6). Керамический материал, обнаруженный в жилищах, очень разнообразен. Большая часть керамики относится к янковской археологической культуре раннего железного века (рис. 2: 7, 8) и находит множественные аналогии в других памятниках этой культуры. В меньшем количестве обнаружена керамика, относящаяся к другим культурам (в основном эпохи неолита и бронзового века).

Датировка памятника Черепаха-7 чрезвычайно сложна. Полученные радиоуглеродные даты из нескольких жилищ укладываются в промежуток от 2150 до 2820 л.н. Около 90% археологического материала относится к янковской археологической культуре раннего железного века, остальные находки имеют иную культурную принадлежность. Обработка коллекции памятника в настоящий момент продолжается. Предварительный вывод – памятник Черепаха-7 представлял собой остатки хорошо обжитого поселения древних рыболовов и охотников, существовавшего ок. 2,5 тыс. лет назад (Никитин, 2016).

Никитин Е.Ю., 2016. Отчет об охранно-спасательных археологических исследованиях на объекте археологического наследия Черепаха-7, в зоне строительства объекта Приморский Энтертейнмент Резортз Сити игорной зоны «Приморье» в 2015 году (Приморский край, Артемовский ГО). 6 томов // Архив УНМ ДВФУ. № 178.

М.И. Тюрин

*ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес-Таврический», Севастополь
tyurin.m.i@mail.ru*

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НАСЕЛЕНИИ ХЕРСОНЕССКО-ВАРВАРСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА В ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ¹

До недавнего времени варварские памятники III–I вв. до н.э., расположенные в непосредственной близости от Херсонеса, были известны мало. На примыкающей к ближней хоре полиса на Гераклейском полуострове территории после исчезновения кизил-кобинской культуры наблюдался «археологический вакуум»: выявленные объекты, относящиеся к интервалу между 70-ми годами III в. до н.э. и рубежом новой эры, оставались немногочисленными, культурная принадлежность варварского окружения Херсонеса почти не изучалась.

В этой связи представляют интерес результаты новейших полевых работ в нижнем течении р. Бельбек и на территории массива Мекензиевых гор в Нахимовском районе г. Севастополя. В течение последних лет автором совместно с А.А. Филиппенко в этом

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-31-01082а2 «Херсонесское пограничье в Юго-Западной Таврике античного времени».

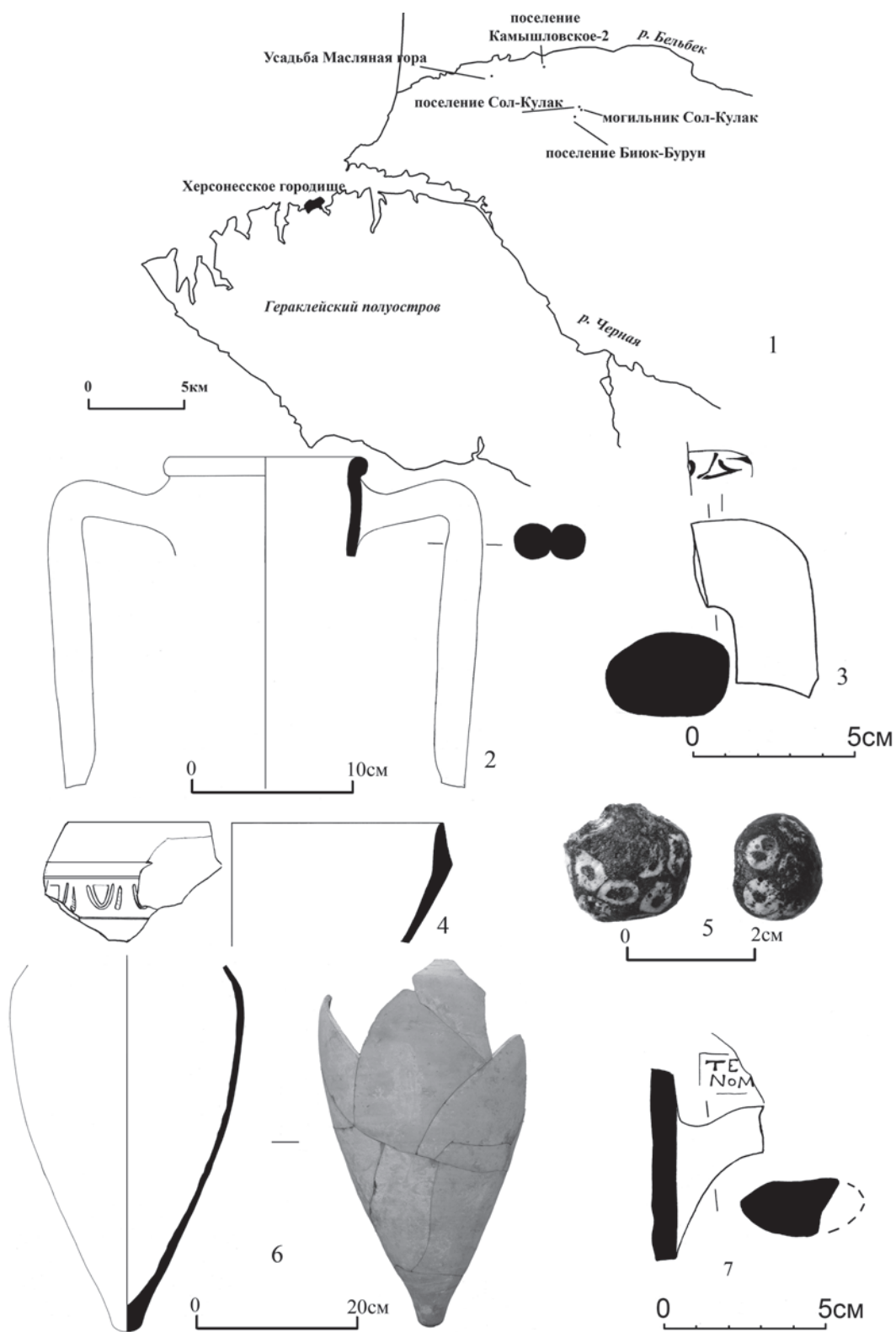

Рис. 1. Новые памятники эллинистического времени в бассейне р. Бельбек.

1 – план расположения объектов; 2–4 – находки из разведок на поселении Бинок-Бурун; 4, 6 – подъемный материал из могильника Сол-Кулак; 7 – херсонесское клеймо с поселения Камышловское-2.

районе ведутся исследования, в ходе которых удалось выявить ряд объектов, относящихся к эллинистическому периоду.

Поселение Биюк-Бурун (рис. 1: 1) выявлено А.А. Филиппенко в ходе разведок 2014 г. Объект расположен к юго-востоку от с. Камышлы, на крутом склоне Темной балки. Примечательно, что шурфовка на плато возвышенности не выявила следов поселенческой структуры. По-видимому, жилая и хозяйственная деятельность была сосредоточена непосредственно на склоне.

Центральная часть объекта уничтожена грабительским раскопом. Культурный слой представлен напластованиями золистого грунта, насыщенного материалом II–I вв. до н.э.: фрагментами синопской черепицы; амфор производства Коса (рис. 1: 2), Синоп, Родоса (рис. 1: 3); краснолаковых сосудов; встречены фрагменты рельефных чаш (рис. 1: 4). Более половины от общего количества находок составляет лепная керамика. Выявленные в разведочных шурфах золистые слои интерпретируются нами как бытовая свалка при поселении позднеэллинистического времени.

Синхронное поселение Сол-Кулак расположено севернее, на склоне соседней балки. Следы объекта обнаружены в ходе работ сезона 2015 г. на естественной террасе г. Кара-Топе. Культурный слой представляет собой золистый грунт. Материалы (фрагменты амфор типа С I, краснолаковая керамика) позволяют предварительно отнести функционирование поселения к I в. до н.э. – началу I в. н.э.

В 150 м восточнее выявлен одноименный могильник, очевидно, связанный с поселением. Некрополь неоднократно подвергался разграблению в Новейшее время. В грабительском отвале обнаружено значительное количество кальцинированных костей, деформированные стеклянные бусины (рис. 1: 5), единичные металлические изделия. Удалось собрать части амфоры производства Синоп и неустановленного центра (рис. 1: 6). В ходе разведок обнаружена одна нетронутая кремация. В качестве погребальной урны использован лепной сосуд.

До недавних открытий обряд кремации не считался характерным для населения Юго-Западного Крыма позднеэллинистического и раннеримского времени. Однако в 2014–2015 гг. О.Я. Савеля, Д.Ю. Савеля (Савеля, Савеля, в печати) и В.А. Нессель (Нессель, в печати) исследовали три могильника в районе с. Гончарное и Передовое в Варнутской и Байдарской долинах. Памятники выделяются погребальным обрядом (кремации в урнах), отличающимся от синхронных позднескифских могильников. Инвентарь датируется в пределах конца II в. до н.э. – начала II в. н.э. Очевидно, могильник Сол-Кулак пополняет вновь открытую группу некрополей погребальных урн.

В устье Камышловского оврага исследовано поселение Камышловское-2. Как и в предыдущих случаях, культурный слой выявляется на крутом склоне оврага, ближе к вершине возвышенности. Среди подъемного материала выделяется ручка херсонесской амфоры с клеймом астинома Сокрита, сына Артемидора 30–20-х годов III в. до н.э. (рис. 1: 7) (Кац, 2007. С. 442).

Материалы на выявленных памятниках района Камышловского оврага и балки Темная фиксируют жизнедеятельность с III в. до н.э. до начала I в. н.э. Причем если в начале III в. до н.э. этот район был приграничным или даже контролировался Херсонесом (раскопками А.А. Филиппенко в 2013–2014 гг. исследована античная усадьба на высоте Масляная (Филиппенко, Тюрин, 2015. С. 352)), то для II–I вв. до н.э. таких данных в нашем распоряжении нет.

Этническая принадлежность обитателей описанных поселений требует дальнейшего изучения. Однако можно предположить, что они, а также связанные с ними некрополи, оставлены общностью, которая в памятниках херсонесской лапидарной эпиграфики митридатовского времени (IOSPE I2 № 352) и письменных источниках (Strabo. VII.4.2) именуется таврами.

Кац В.И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). (Боспорские исследования. Вып. XVIII.) Симферополь; Керчь. 480 с.

- Нессель В.А., в печати. Керамический комплекс могильника у с. Гончарное в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. XIX.
- Савеля О.Я., Савеля Д.Ю., в печати. Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнутской долинах) // Херсонесский сборник. Вып. XIX.
- Филиппенко А.А., Тюрин М.И., 2015. Херсонесская укрепленная усадьба Масляная гора: результаты раскопок 2013–2014 гг. // Боспорские чтения. Вып. XVI. С. 352–359.

А.У. Урбушев

*Горно-Алтайский государственный университет
AidUrbushev@yandex.ru*

ПАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО АЛТАЯ¹

Пазырыкская культура V–III вв. до н.э. – одна из самых изученных археологических культур на территории Алтая. Особое внимание исследователей уделяется погребальной практике, имеющей множество вариаций, вероятно, отражающих те или иные аспекты мировоззрения и жизни носителей этой культуры.

Новые материалы по погребальному обряду пазырыкской культуры были получены в 2016 г. Археологической экспедицией Горно-Алтайского государственного университета в могильнике Талдура-II, находящемся на правом берегу одноименной реки на Южном Алтае, в окрестностях села Бельтир Кош-Агачского района Республики Алтай, был изучен курган, содержащий парное погребение пазырыкской культуры. Изначально памятник включал цепочку из шести курганов, располагавшихся перпендикулярно реке по линии С–Ю (Могильников, Елин, 1983. С. 133). Из-за эрозионных процессов часть террасы разрушилась, и северный курган полностью осыпался в реку. На краю террасы оказался второй с края объект (курган 5), который мог быть размыв в ближайшее время. В связи с этим были проведены его спасательные раскопки.

Курган 5 содержал два погребения – впускное и основное. Первое находилось в верхней части заполнения могильной ямы. Судя по особенностям погребального обряда, оно относится к первой половине I тыс. н.э. На глубине трех метров от древней поверхности вскрыто основное парное погребение в прямоугольном срубе, ориентированное длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВСВ. Сверху располагалось продольное перекрытие из нескольких слоев бревен. Погребение ограблено, в перекрытии прослеживается прожженный грабительский лаз. На деревянном полу сруба находились два костяка, ориентированные верхней частью туловища на запад. Два черепа обнаружены у южной стены ямы, в районе грабительского лаза. Погребальный инвентарь представлен двумя бронзовыми зеркалами, фрагментами фольги, развалом сосуда и другими находками.

В погребальной практике пазырыкцев преобладают одиночные погребения (Степанова, Неверов, 1994. С. 14); лишь небольшая доля приходится на коллективные, среди которых имеются и парные. Среди них преобладают захоронения мужчины и женщины (Кубарев, 1987. С. 26; 1991. С. 37; 1992. С. 25), которые при жизни, по вполне убедительному утверждению В.Д. Кубарева, были супругами (Кубарев, 1991. С. 38; 1992. С. 26). Реже встречаются парные погребения однополых индивидуумов или взрослого с ребенком/подростком (Кубарев, 1987. С. 26; 1991. С. 37; 1992. С. 25; Суразаков, 1989. С. 147. Табл. I; Степанова, Неверов, 1994. С. 13), как, например, в кургане 5 Талдуры-II.

Преобладает ориентировка погребенных пазырыкской культуры в восточном направлении (более 75%) (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 139). В Южном Алтае схожие по ориентировке с курганом 5 Талдуры-II погребения обнаружены на могильниках Малталу-IV (курганы 3 и 7) и Уландрык-I (курган 6) (Кубарев, 1987. С. 159–160; 1992. С. 134, 135).

¹ Работа подготовлена в рамках президентского гранта МК-1837.2017.6 «Изучение археологических комплексов Юго-Восточного Алтая в контексте реконструкции процессов освоения человеком высокогорных ландшафтов в раннем железном веке и Средневековье».

Еще один показательный признак пазырыкской культуры – наличие сопроводительного захоронения лошади. Отсутствие коней в захоронении кургана 5 Талдуры-II может свидетельствовать об особенностях социального статуса умерших (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 150). Положение погребенных на животе, скорее всего, является следствием ограбления могилы, точно установить первоначальное положение тел проблематично.

Таким образом, исследование парных погребений пазырыкской культуры расширяет наши представления о погребальных традициях оставивших ее людей.

Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука. 150 с.

Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука. 190 с.

Кубарев В.Д., 1992. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука. 220 с.

Могильников В.А., Елин В.Н., 1983. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ. С. 127–153.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994. Курганный могильник Верх-Еланда-II // Археология Горного Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГу. С. 11–24.

Суразаков А.С., 1988. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Горно-Алтайск. 214 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: АлтГу. 430 с.

К.С. Ушакова

*ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», Севастополь
ushakova.ks84@gmail.com*

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ХОРЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В 2014–2015 гг. экспедиция музея-заповедника «Херсонес Таврический» проводила исследования на территории блока № 82 земельных наделов хоры Херсонеса Таврического (Демьянчук, 2015; Николаенко, 2001. С. 132–141), в зоне строительства Севастопольского президентского кадетского училища. В ходе работ наряду с остатками построек XIX – начала XX в. был открыт комплекс сооружений эллинистического времени, включавший в себя три конструкции и три ямы, оборудованные в материковой скале, явно производственного характера (рис. 1). Особый интерес представляла конструкция № 2, в нижней части которой были обнаружены два слоя глины: чистой и с примесью отошителей.

Особенности планировки комплекса свидетельствуют о его связи с керамическим производством. Так, «бассейны» для глины, аналогичные конструкции № 2, были открыты при раскопках мастерских в юго-восточном районе Херсонеса (Косцюшко-Валюжинич, 1902. С. 17–26; 1907. С. 159. Табл. V).

Слой из заполнения конструкций и ям и слой, лежавший на материке, были насыщены керамическим материалом. Количественно абсолютно преобладали фрагменты строительной, тарной и столовой керамики IV–III вв. до н.э. херсонесского производства, причем нужно отметить множество фрагментов со следами производственного брака.

Данные керамической эпиграфики¹ позволили сузить датировку комплекса до последнего десятилетия IV – первой трети III в. до н.э. (Кац, 2007. С. 326, 442).

Часть находок непосредственно связана с керамическим производством. Это разнообразные приспособления и инструменты гончара – лоцило (Керамическое производство, 1966. С. 12, 18, 20. Табл. 27: 7–9), штамп с изображением пальметты (опубликован:

¹ Почти все клейма херсонесские. Определение клейм выполнено Е.Я. Туровским и М.И. Тюриным (ГМЗ «Херсонес Таврический»).

Рис. 1. Производственный комплекс. План (М 1: 20).

Ушакова, 2015; ср.: Anderson-Stojanović, 1992. P. 11. Pl. 3: 150; Camp, 2007. P. 642–644. Fig. 18; Davidson, 1952. P. 330–331. Pl. 135: 2851) и подставка под амфору (Керамическое производство, 1966. С. 15–16. Табл. 27: 3, 4); конструктивные детали печи – фрагменты обмазки свода и пода и сырцовых кирпичей, а также сильно фрагментированные керамические трубы (их могли использовать как воздухопроводы и/или ребра свода печи (Billot et al., 2009. P. 110–114. Fig. 4–11; Coja, Dupont, 1979. P. 37–38. Pl. 10, 13)).

Остатки самой обжигательной печи в ходе раскопок не обнаружены. Существует, однако, ряд критериев, позволяющих идентифицировать керамические мастерские на основании косвенных признаков (Hasaki, 2002. P. 259). Найденные архитектурные остатки и сопутствующий археологический материал соответствуют большинству из них; это указывает, что открытый комплекс является фрагментом гончарной мастерской, функционировавшей в конце IV – первой трети III в. до н.э.

Демьянчук С.Г., 2015. Отчет об археологических разведках на территории блока земельных наделов № 82 хоры Херсонеса Таврического на участке строительства Севастопольского президентского кадетского училища в г. Севастополе в 2014 г. // НА ГМЗ ХТ. № 4493.

Кац В.И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). (Боспорские исследования. Вып. XVIII.) Симферополь; Керчь. 480 с.

Керамическое производство и античные керамические строительные материалы, 1966 / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. (САИ. Вып. Г1-20.) М.: Наука. 64 с.

Косцюшко-Валожинич К.К., 1902. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1900 г. // Известия ИАК. Вып. 2. СПб. С. 1–39.

Косцюшко-Валожинич К.К., 1907. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // Известия ИАК. Вып. 25. СПб. С. 67–171.

Николаенко Г.М., 2001. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. II. Севастополь. 164 с.

Ушакова К.С., 2015. Новая находка керамического штампа из раскопок на хоре Херсонеса Таврического // Новые материалы и методы археологического исследования: Матер. III Междунар. науч. конф. молодых ученых / Отв. ред. и сост. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 106–108.

Anderson-Stojanović V.R., 1992. Stobi: Results of the Joint American-Yugoslav Archaeological Investigations, 1970–1981. Princeton. 258 p.

- Billot M.-F., Billot J.-F., Kassab Tezgör D., 2009. Les fours: leur structure et le mode de construction // Les fouilles et le matériel de l'atelier amforique de Demirci pres de Sinope. *Varia Anatolica*. XX / Ed. Kassab Tezgör D. Institut Français d'études Anatoliennes; Georges Dumesil. P. 135–212.
- Camp J., 2007. Excavations in the Athenian Agora: 2002–2007 // *Hesperia*. Vol. 76 (4). Princeton; New Jersey. P. 627–663.
- Coja M., Dupont P., 1979. Ateliers céramiques // *Histria*. Vol. V. București; Paris. 169 p.
- Davidson G.R., 1952. The Minor Objects // *Corinth*. Vol. XII. Princeton; New Jersey. 366 p.
- Hasaki E., 2002. Ceramic kilns in ancient Greece: technology and organization of ceramic workshops. Ph. D. Diss. Cincinnati. 591 p.

ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

М.А. Бессуднова

ГБОУ школа 123, Санкт-Петербург

bessudnova.marina@yandex.ru

НАУЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ А.А. СПИЦЫНА В ТАМБОВСКУЮ ГУБЕРНИЮ (К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МОРДОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ)

За время деятельности А.А. Спицына в должности члена ИАК им были предприняты две поездки в Тамбовскую губернию – в 1892 и 1895 гг., вызванные большим интересом ученого к мордовским древностям. В мае 1892 г. он подал представление в ИАК о намерении приступить к обследованию и раскопкам в пределах исконной области обитания мордовского населения в бассейне р. Суры, Мокши и Цны (Симбирская, Пензенская, Нижегородская и Тамбовская губернии). Ученый отмечал, что «древности этого края давно привлекают археологов своей оригинальностью и богатством, но до настоящего времени изучались лишь по отдельным поводам и исследованы очень недостаточно» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. 1892. Д. 94. Л. 1). Совместно с профессором Казанского университета И.Н. Смирновым был разработан маршрут поездки (Производство археологических раскопок, 1894. С. 45).

Основное внимание А.А. Спицын сосредоточил на изучении памятников бассейна р. Цны, оставленных древними мордовскими племенами. Кроме того, он занимался скупкой у местного населения интересующих его артефактов.

В июле 1892 г. около с. Пичпанда Спасского уезда А.А. Спицын провел раскопки одноименного богатого могильника, датировав его по нумизматическим находкам XIV в. и установив аналогии с Казбекским могильником близ г. Наровчата (Производство археологических раскопок, 1894. С. 47) и Муранковским (Муранским) близ Самарской Луки (Производство археологических раскопок, 1893. С. 101). Наличие в погребениях накопников и пряжек-сюльгам позволило исследователю считать эти три могильника мордовскими (Производство археологических раскопок, 1894. С. 47–48).

В ходе обследования р. Цны в районе г. Моршанска А.А. Спицын обнаружил два новых древних могильника лядинского типа у с. Серповое и Давыдовское (Производство археологических раскопок, 1894. С. 49). Открытию Серповского могильника предшествовала работа с небольшим собранием случайных находок из этой местности в Историческом музее, которые, по мнению исследователя, были аналогичны инвентарю Лядинского могильника. После локализации памятника А.А. Спицыным было раскопано 37 погребений (РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. 1892. Д. 94. Л. 116), а обнаруженные при этом 12 золотых византийских монет середины – конца VII в. позволили существенно сузить хронологические рамки памятника (Производство археологических раскопок, 1894. С. 50).

В отличие от Серповского, могильник у с. Давыдовское был открыт благодаря сведениям местного священника Сергия Похваленского. После осмотра места А.А. Спицыным были осуществлены незначительные раскопочные работы (РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. 1892. Д. 94. Л. 125–127).

К исследованию древнемордовских памятников в Тамбовской губернии А.А. Спицын вернулся в 1895 г., сосредоточив внимание на раскопках уже известного Кошибеевского могильника, расположенного неподалеку от слияния рек Мокша и Цна (Известия..., 1893. С. 12, 14). В ходе археологических работ им было вскрыто 109 погребений, но однозначно ответить на вопрос об этнокультурной принадлежности могильника не удалось (Спицын, 1901. С. 23).

Особо ценные предметы из раскопок Серповского, Давыдовского и Кошибеевского могильников были переданы в Эрмитаж (РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. 1892. Д. 94. Л. 81, 87; Ф. 1. 1895. Д. 79. Л. 78), а основная коллекция – в Исторический музей (РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. 1892. Д. 94. Л. 73, 89).

Впоследствии А.А. Спицын проявлял интерес к Томниковскому могильнику, который, по его мнению, был единственным свидетельством существования финской культуры IX в. на р. Оке, и планировал возобновить его раскопки в 1909 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. 1890. Д. 131. Л. 65). Однако по не установленной пока причине осуществить задуманное, да и проводить какие-либо иные исследования в Тамбовской губернии ему больше не довелось. В 1910 г. исследование памятника продолжил его ученик Н.Е. Макаренко.

Таким образом, в ходе двух полевых сезонов А.А. Спицын провел раскопки четырех древнемордовских могильников и обследовал ряд одновременных поселений, подробно опубликовав результаты (Производство археологических раскопок, 1894. С. 45–51; Производство археологических исследований, 1897. С. 34–35; Спицын, 1901. С. 10–24, 55–71). По итогам проведенных работ он пришел к выводу, что древности лядинского типа (IX–X вв.) соотносятся с мордовским этносом, однако построение непрерывной линии развития мордовской культуры осложнялось отсутствием могильников промежуточного типа между Лядинским и мордовскими могильниками XIV в. (Производство археологических раскопок, 1894. С. 51).

Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии, 1893. Вып. 38 / Сост. П.А. Дьяконов. Тамбов: Типография губернского правления.

Производство археологических раскопок в Симбирской губернии, 1893 // Отчет ИАК за 1891 год. СПб.: Типография Главного Управления уделов. С. 101–103.

Производство археологических раскопок в Пензенской и Тамбовской губерниях, 1894 // Отчет ИАК за 1892 год. СПб.: Типография Главного Управления уделов. С. 45–51.

Производство археологических исследований в Тамбовской губернии, 1897 // Отчет ИАК за 1895 год. СПб.: Типография Главного Управления уделов. С. 34–35.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. 1890. Д. 131. 71 л.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. 1892. Д. 94. 215 л.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. Д. 79. 185 л.

Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Кн. 1 // Материалы по археологии России. № 25. СПб.: Товарищество художественной печати. 120 с.

Н.В. Григорьева

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
mak-kon4@yandex.ru*

ТИГЛИ И ГЛИНЯНЫЕ ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ЛАДОЖСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ X В.: КОМПЛЕКС РЯДОМ С БОЛЬШОЙ ПОСТРОЙКОЙ

В материалах последних лет исследований Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством А. Н. Кирпичникова наибольшая концентрация отходов ювелирного производства наблюдалась на уровне настилов большой постройки X в. Исследование этого горизонта проводилось в течение нескольких сезонов (раскопы 3, 4) (Кирпичников, 2007. С. 210–215. Рис. 4; 2008. С. 351–355. Вкладка III-A, III-B. Илл. 11–16).

В юго-западном углу раскопа 4 в 2008 г. было обнаружено скопление фрагментов тиглей и глиняных литейных форм. Его составляли 224 фрагмента тиглей, 39 фрагментов литейных форм, несколько шлаков. Сюда же относятся по крайней мере 10 из 36 фрагментов тиглей 2007 г., один фрагмент глиняной формы и несколько шлаков. Исходя из общего понижения уровня дневной поверхности горизонта застройки, к обозначенному комплексу можно отнести все зафиксированные в площади раскопа в 2002 г. тигли.

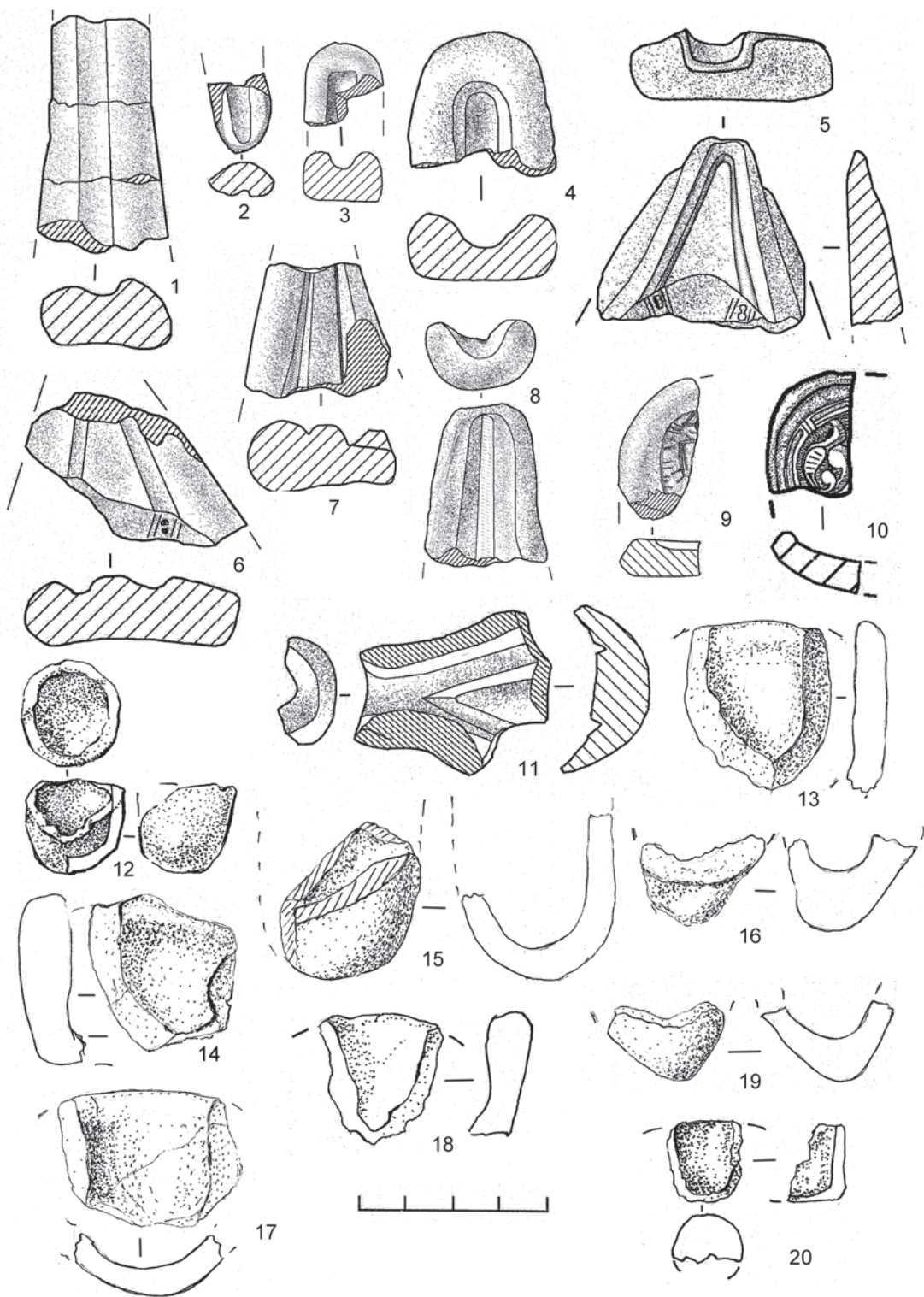

Рис. 1а. Отходы литейного и ювелирного производства горизонта существования большой постройки второй–третьей четвертей X в.

1–11 – литейные формы, глина; 12–20 – фрагменты тиглей цилиндрической и конусовидной формы с высокими стенками, керамика.

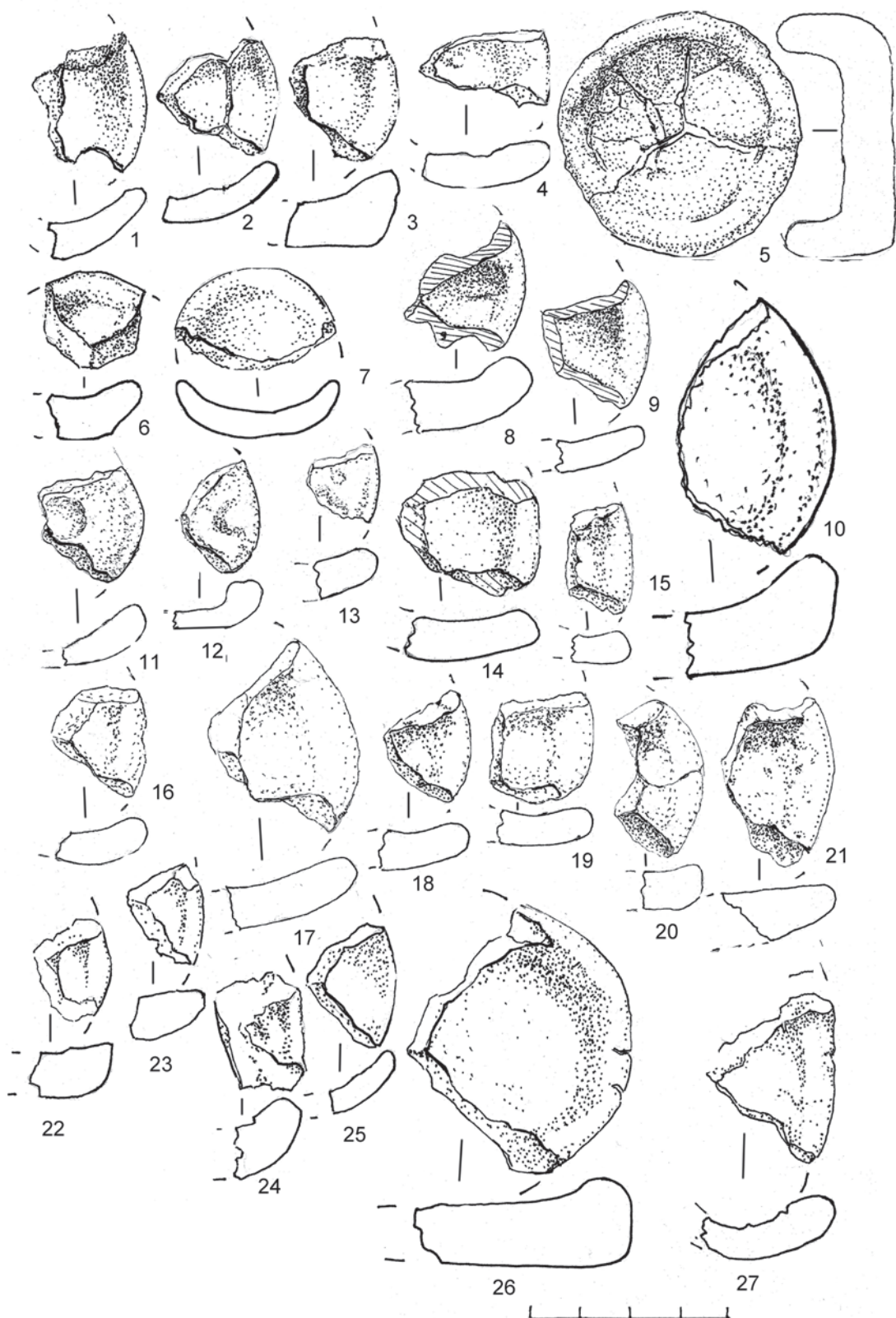

Рис. 16. Отходы литейного и ювелирного производства горизонта существования большой постройки второй–третьей четвертей X в.
 1–27 – фрагменты тиглей-купелей, керамика.

Ядро комплекса сосредоточилось на участке 7×5 м, вытянуто по направлению З–В, вокруг уличных настилов, огибающих большую постройку, занимавшую центральную часть исследованного участка. Время сооружения постройки определяется по данным дендрохронологического анализа в рамках второй–третьей четвертей X в. Постройка, возведенная в 20–30-е годы, несколько раз поновлялась, как и уличные настилы вокруг нее, и использовалась до конца 60-х годов X в. (Кирпичников, 2008. С. 354).

Все тигли и литейные формы использовались, на стенках некоторых сохранились капли металла желтого цвета (золото, медный сплав). Помимо неопределимых и ошлакованных кусков в коллекции имеются 35 фрагментов глиняных форм для отливки металлических слитков и ювелирных украшений (рис. 1а: 1–11). Среди каменных форм представлены две изложницы, первая из которых, обнаруженная в 2002 г., подробно рассмотрена Н.В. Ениосовой и А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников, Ениосова, 2004). Отличительной чертой второй изложницы является наличие негатива для отливки слитка в виде молоточка Тора (Кирпичников, 2009. Рис. 72), схожие изображения известны на литейных формах Хедебю (Schietzel, 2014. Р. 186). Среди форм встречаются фрагменты для отливки круглых подвесок гнездовского типа (рис. 1а: 9, 10). Отсюда же происходит часть формочки с орнитоморфным, по мнению А.Н. Кирпичникова, изображением (Кирпичников, 2009. Рис. 67).

59 из 224 фрагментов относятся к тиглям в виде небольших тарелочек (рис. 1б) разного диаметра, совсем плоских или с невысокими стенками. Изначальная форма остальных либо спорна, либо относится к тиглям цилиндрическим или конусовидным с высокими стенками (рис. 1а: 12, 14, 15, 20). Тигли с высокими стенками значительно глазурированы в процессе использования с внешней стороны, а тигли-тарелочки сильнее глазурированы изнутри. Подобные тигли относят к категории купелей – сосудов, предназначенных для очистки металлов от примесей (Ениосова, Митоян, 1999. С. 58).

Тигли с высокими стенками изготавливались из грубозернистого теста, в состав которого входят дробленая дресва плагиогранитных пород или крупнозернистый песок. Исходя из преобразований минерального состава теста, можно заключить, что температура их нагрева достигала $900\text{--}1200^\circ\text{C}$. Тигли-тарелочки и литейные формы изготавливались из тонкозернистого теста, в состав которого входит кварц-полевошпатовый песок, возможно, содержащий доломитовую примесь. Их температура нагрева достигала $1000\text{--}1400^\circ\text{C}$.

РФА и микронзондовый анализ позволили обнаружить на стенках тиглей драгоценные металлы (золото, серебро), а также остатки сплавов на основе меди, следы сплавления свинца и олова. Это позволяет сделать заключение о профессионализме мастера, знакомого с разнообразными способами работы с металлами, и, соответственно, об определенном уровне развития ювелирного производства на поселении в X в.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., 1999. Тигли Гнездовского поселения // Труды ГИМ. Вып. 111 / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М. С. 54–63.

Кирпичников А.Н., Ениосова Н.В., 2004. Литейные формы для производства слитков из Старой Ладogi // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова / Отв. ред. Н.А. Макаров М: Наука. С. 290–296.

Кирпичников А.Н., 2007. Новые материалы о международных связях средневековой Ладogi с Балтийским регионом и странами Востока (по материалам раскопок 2002 г.) // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 195–220.

Кирпичников А.Н., 2008. Новые археологические исследования раннесредневекового города Ладoga (по данным раскопок 2007 г.) // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2008. Революционный терроризм и русская революция / Отв. ред. В.Н. Плешков. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 329–362.

Кирпичников А.Н., 2009. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в пос. Старая Ладoga Волховского района Ленинградской области в 2008 г. // Архив ИА РАН.

Schietzel K. 2014. Spurensuche Haithabu. Hamburg: Wachholtz Verlag. 647 p.

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ СЕРДОЛИКОВЫЕ БУСЫ С БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА

Начиная с IX в. н.э. одним из приоритетных направлений во внешней торговле Волжской Булгарии были страны Востока – государства Средней Азии, Кавказ, Персия, Ирак, Китай и Индия (Валеев, 2010. С. 89). Из этих стран ввозился огромный перечень товаров, пользовавшихся широким спросом среди болгарских и русских торговцев. Одной из категорий товаров были украшения из поделочных камней, среди которых особенно выделяются изделия из сердолика.

В статье Г.Г. Леммлейна «Минералогические сведения...» обобщаются данные о местонахождении сердолика: «С Аравийского полуострова – из Йемена, из окрестностей селений Мукри, На’ами, Кысас ал-Сахри – вывозились, по-видимому, в весьма значительных количествах сердолик, агат, оникс и мокский камень... В античной литературе между камнями собственно Индии и Цейлона обычно различия не делалось. Все камни, привозимые с Востока через Красное море и Египет, считались индийскими... Из Синда, т.е. северо-западной части Индостанского полуострова, поступали: сердолик, оникс, гранат – альмандин, каркунд... Сердолик привозится из Бахруджа (древняя Боригаза, современный Бароч), где кустарная обработка сердолика, оникса и других поделочных камней процветала еще во времена эллинизма...» (Леммлейн, 1963. С. 347, 349).

Особую группу среди украшений составляют орнаментированные сердоликовые бусы с белым щелочным орнаментом. В Болгаре найдено 11 экз., с Билярского городища известно всего 4 бусы с росписью. Они близки некоторым образцам северокавказских могильников и древнерусских курганов, также имея наиболее близкие аналогии в Индии (Ковалевская, 1998. С. 23). Бусы с белым орнаментом распространялись через Среднюю Азию. Они встречаются на Северном Кавказе в VI–IX вв., в могильниках Прикамья в VII в. В более позднее время (XI–XII вв.) подобные украшения попадают в славянские курганы (Полубояринова, 1991. С. 32). Бусы с щелочным орнаментом изготавливают в Индии и в наши дни. Всего на территории Волжской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов М.Д. Полубояриновой учтено 339 экз. бус из сердолика – это самая большая категория каменных бус (Полубояринова, 1991. С. 48). В экспозиции Билярского археологического музея имеется связка из 39 бус, происходящих с Билярского городища (рис. 1: 1): 25 стеклянных, 3 глиняные, 11 сердоликовых с орнаментом. Последние представляют собой мелкие бусы шарообразной формы, круглые в поперечном сечении, слегка уплощенные в продольном. Их диаметры – 6,8–7,8 мм, высота – 5,8–6,7 мм (рис. 1: 2). На каждую нанесен орнамент в виде четырех рунических букв «А» (две прямые, две перевернуты), разделенных линией (рис. 1: 3). Цвет бусин варьируется от светло-персикового до оранжевого. Все они аккуратно обработаны, но камень разного качества: 6 бусин из камня хорошего качества, 5 – низкого, т.е. с прожилками темного цвета и серыми вкраплениями. По поводу качества сердолика Ал-Бируни писал: «Вообще у сердолика ценятся те сорта, которые свободны от пороков, не имеют жилок, мути, черноты, белизны, пестроты, и в которых отдельные части не отличаются друг от друга по цвету и чистоте...» (Бируни, 1963. С. 162). М.Д. Полубояринова датирует мелкие шарообразные бусы без орнамента X–XI вв. (Полубояринова, 1991. С. 48). К сожалению, рассматриваемая связка считается подъемным материалом, и подробных сведений о ней не имеется.

Что же касается орнамента, то одним из основных символов болгарского государства являлась руническая буква, напоминающая перевернутую кириллическую букву «А» с различными вариантами оформления внутренней перекладины. Наиболее часто подобные знаки встречаются на болгарской домонгольской керамике. Существует несколько

Рис. 1. Сердоликовые бусы с декором из Биляра.

1 – сердоликовые бусы с декором в составе ожерелья из стеклянных, керамических и каменных бус; 2 – шарообразная орнаментированная бусина из сердолика; 3 – развертка декора на сердоликовой бусине.

предположений об их назначении: 1) знаки собственности гончаров – марки; 2) семейно-родовые знаки гончаров; 3) родовые знаки-тамги; 4) родовые знаки покупателей (Кокорина, 1989. С. 89).

В основе А-образного знака лежит буква «б2» орхоно-енисейских рун, поэтому, по мнению А.Х. Халикова и А.Ф. Кочкиной, он означал начальную букву слова «Биляр» или «Булгар» и, таким образом, являлся тамгой правящего в Волжской Булгарии княжеского рода и основной группы болгарского населения (Кокорина, 1989. С. 92).

Кроме керамики описываемый знак встречен на костяном кистене, найденном при раскопках городища Хулаш (Каховский, Смирнов, 1972. С. 59), топоре с клиновидным лезвием из окрестностей Билярского городища – так называемом топорике Андрея Боголюбского (Измайлов, 1997. С. 104–106), бараньих лопатках из Биляра (Кочкина, 1985. С. 75–80) и Болгара (Закирова, 1988. С. 230), а также на камне из Биляра (Трофимов, 1993. С. 9).

Аналогии бусам с нанесенным А-образным знаком автору настоящей статьи неизвестны. В целом находки орнаментированных сердоликовых бус единичны, как и предметы с тамгами в виде буквы «А», за исключением керамики. Поэтому бусы с подобным орнаментом можно считать уникальными изделиями, по-видимому, они указывают на специальный выпуск для определенного круга заказчиков.

- Ал-Бируни, Абу-р Райхан Мухаммед ибн Ахмед, 1963. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Л.: Издательство АН СССР. 519 с.
- Валеев Р.М., 2010. Внешняя торговля Волжской Булгарии с Востоком в IX–XIII вв. // Научный Татарстан. № 2. С. 89–100.
- Закирова И.А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 218–241.
- Измайлов И.Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань; Магадан: Казанский гос. ун-т. 212 с.
- Каховский В.Ф., Смирнов А.П., 1972. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары. С. 3–73.
- Ковалевская В.Б., 1998. Хронология восточно-европейских древностей V–IX вв. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.: Наука. 86 с.
- Кокорина Н.А., 1989. Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР. С. 89–97.
- Кочкина А.Ф., 1985. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. № 4. Баку. С. 75–80.
- Леммлейн Г.Г., 1963. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни // Абу-р Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Л.: Издательство АН СССР. С. 292–402.
- Полубояринова М.Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Институт археологии АН СССР. 112 с.
- Трофимов А.А., 1993. Древнечувашская руническая письменность: Памятники. Алфавит. Дешифровка. Чебоксары: НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. Респ. 49 с.

М.С. Демахина

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
marshinza@mail.ru*

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НОВОСИБИРСКОМ ПРИОБЬЕ (V–X ВВ. Н.Э.)

Жилище – один из основных элементов системы жизнеобеспечения, призванное окружать и защищать человека от негативного воздействия внешних факторов. Жилища верхнеобской культуры Западной Сибири мало изучены – некоторые данные о них опубликованы в ряде обобщающих работ конца прошлого века (Троицкая, 1981; 1988; Троицкая, Елагин, 1991; Троицкая, Новиков, 1998). Интенсивные полевые исследования последнего времени существенно расширили источниковую базу по данному вопросу, в связи с чем возникла необходимость вновь обратиться к изучению и обобщению материалов по жилищным конструкциям верхнеобской культуры.

Всего нами учтено 37 построек с 11 поселенческих памятников: 8 городищ и 3 укрепленных селищ. Размещение строений на территории городищ связано с формой последних. Они расположены радиальными или линейными группами, где более крупные объекты находились ближе к краю оборонительной линии, а мелкие – в центре. Застройка селищ производилась хаотично. На городищах зачастую рядом с крупной постройкой располагалась более мелкая, которая могла носить хозяйственный или вспомогательный характер. На селищах котлованы построек имели в основном достаточно схожие параметры, внутри редко фиксировался очаг, обнаружены единичные фрагменты остатков жилой деятельности, что говорит о временном характере этих строений.

Все постройки – однокамерные полужемлянки, их углубленность в материк варьируется от 10 до 80 см. Выделяются несколько групп построек с глубиной котлована 10–20 см (9), 20–50 см (24), 50–80 см (4). По площади можно выделить также несколько групп строений: маленькие – от 6 до 20 кв. м (13), средние – от 20 до 40 кв. м (15) и крупные – свыше 40 кв. м. (9). Связь между площадью строения и его углубленностью в материк не прослежена. Стоит отметить также, что у некоторых котлованов имеется достаточно большой перепад высот стен, порой до 30 см, очевидно, связанный с неровностью площадки самого поселения, часто расположенного на возвышении.

Большинство построек имеют подпрямоугольную форму, 7 – квадратную, 1 – овальную, 1 – трапециевидную. Судя по остаткам дерева, можно предположить, что жилища имели срубную или срубно-каркасную конструкцию и, вероятно, четырехскатную крышу. Расположение столбовых ям говорит о том, что стены складывались из горизонтально лежащих бревен, закрепленных вертикально вкопанными столбами. Выходы, оформленные в виде короткого коридора, фиксировались лишь в 12 случаях.

В 11 постройках (как правило, средних и крупных) в центре котлована располагались материковые возвышения или «лежанки», что характеризует их как жилища. Стены чаще отвесные или имеют небольшой наклон. Очаги были обнаружены в 17 объектах. В двух случаях внутри котлована находились два очага. Чаще всего очаги располагались в центре котлована либо ближе к выходу. Все они в основном открытого наземного типа, только два были зафиксированы в небольших углублениях. Таким образом, жилища преимущественно топились «по-черному». Поддув обеспечивался за счет воздуха, попадавшего через дверь в случае расположения очага ближе к входу либо через небольшой колодец в крыше, поддерживаемый 3–4 опорными столбами. Вероятно, он служил также и световым окном. Подобный вывод основан на остатках перекрытий, найденных в жилищах городища Крохалёвка-18 (Демахина, 2015), а также на соотношении с этнографическими данными и материалами с сопредельных территорий. Стоит отметить, что наличие очага не является обязательной характеристикой жилого пространства.

Таким образом, архитектурные особенности строений верхнеобской культуры достаточно показательны для изучаемой территории. Организация их внутреннего пространства позволяет строить предположения о характере построек – использовались ли они в хозяйстве или для проживания. Жилища селищ и городищ имеют отличия. Элементы строительных традиций верхнеобского населения часто встречаются и у современных народов Севера.

- Демахина М.С., 2015. Городище верхнеобской культуры Крохалёвка-18 // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 14. Вып. 7. С. 93–101.
- Троицкая Т.Н., 1981. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии эпохи железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука. С. 101–120.
- Троицкая Т.Н., 1988. Верхнеобская культура лесостепного Приобья // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР / Отв. ред. Р.С. Васильевский, А.И. Мазин. Новосибирск: Наука. С. 95–101.
- Троицкая Т.Н., Елагин В.С., 1991. Городище Юрт-Акбалык-3 – памятник фортификации рубежа I–II тысячелетий // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев. Новосибирск: НГУ. С. 53–60.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 152 с.

М.П. Завершинская

*НП «Южархеология», Ростов-на-Дону
marialarenok@gmail.com*

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА КОБЯКОВОМ ГОРОДИЩЕ В 2015–2016 ГГ.

В 2015–2016 гг. специалистами НП «Южархеология» под руководством автора настоящей статьи велись разведочные работы на Кобяковом городище, расположенном на правом берегу Дона, к востоку от современной окраины Ростова-на-Дону. Среди материалов, полученных в ходе этих работ, особого внимания заслуживают находки, относящиеся к периоду средневековья. Городище – многослойный памятник, на котором имеются культурные отложения эпохи поздней бронзы, первых веков новой эры и средневековья. Наиболее изучены слои эпохи поздней бронзы и римского времени. Что касается средневекового слоя, то до настоящего времени он был зафиксирован только в раскопках А.А. Миллера в 1924–1928 гг.

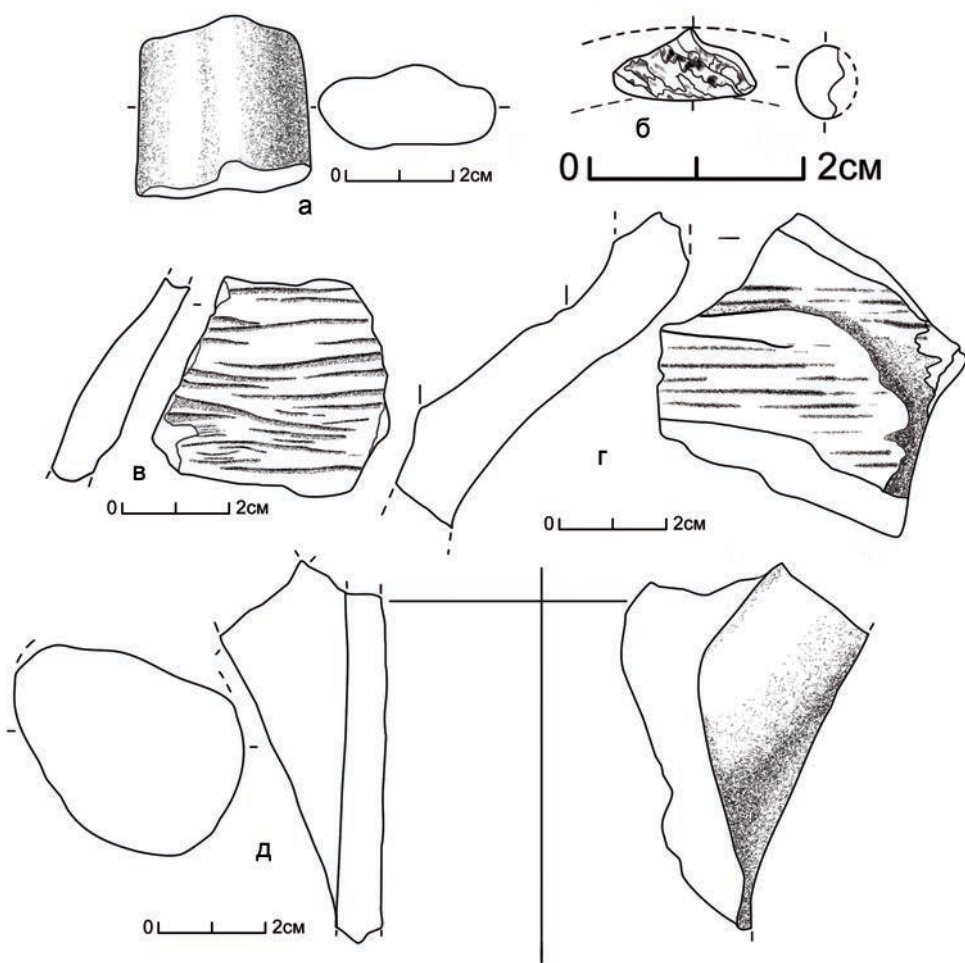

Рис. 1. Средневековые находки на Кобьяковом городище.

а – фрагмент ручки амфоры VIII–IX вв.; б – фрагмент браслета из цветного стекла XII–XIII вв.; в – фрагмент стенки лепного горшка XII–XIII вв.; г – фрагмент стенки амфоры типа «Трапезунд» XIII–XIV вв.; д – фрагмент горла амфоры типа «Триллия» XIII–XIV вв.

А.А. Миллером был опубликован краткий отчет о раскопках на городище (Миллер, 1926. С. 71–143). Более подробно средневековый слой описан в работе М.И. Артамонова (Артамонов, 1935. С. 106–110). В частности, дана его локализация: «...на обращенном к Дону крае среднего из трех занятых городищем холмов, отделенных один от другого ложбинами древних балок» (Артамонов, 1935. С. 106), также отмечена его небольшая мощность. Упоминаются «...части в целом пока не совсем понятных сооружений из необтесанных кусков местного известняка» (Артамонов, 1935. С. 106). Дается описание керамики. Амфоры – большие, с грушеобразным телом, низким горлом и с поднятыми над ним изгибами ручек, начинающихся у самого отверстия; с поверхностью, покрытой частыми горизонтальными врезанными бороздками. Это описание соответствует амфорам группы «Трапезунд» по классификации И.В. Волкова (Волков, 1996. С. 90–97), они датируются XIII–XIV вв. Другая группа керамики представлена фрагментами гончарных горшков, аналогии которым автор находит на средневековых городищах Кубани и Тамани и отмечает их сходство с керамикой Левобережного Цимлянского городища. Также у М.И. Артамонова упоминаются фрагменты стеклянных круглых браслетов, датируемых XI–XII вв., глиняная просфорница и маленький четырехконечный каменный крестик.

В указанных публикациях приводится план городища: у А.А. Миллера – с раскопами 1924 и 1926 гг. (Миллер, 1926. С. 111. Рис. 20), у М.И. Артамонова добавлен раскоп 1928 г. (Артамонов, 1935. С. 109. Рис. 45). Но наложить их на современную карту не представляется возможным, так как рельеф городища в течение XX в. значительно изменился.

В 1955 г. на памятнике проводил раскопки З.А. Витков, в 1956–1962 гг. – экспедиция ЛОИА АН СССР, возглавляемая С.И. Капошиной. С середины 1950-х годов раскопки кобяковских памятников осуществляет Э.С. Шарафутдинова. Средневековый слой в ходе этих работ зафиксирован не был. С.И. Капошина упоминает об отдельных находках средневековой керамики на восточном холме. По ее предположению, средневековое поселение, возможно, имело небольшие размеры, и следы его были уничтожены при прокладке железной дороги вместе с участками, на которых производил раскопки А.А. Миллер (Капошина, 1965. С. 45–48).

Среди материала, относящегося к средним векам, полученного в ходе наших работ, самой ранней находкой является фрагмент ручки амфоры VIII–IX вв. (рис. 1: а). К XII–XIII вв. относятся фрагмент браслета из цветного стекла (рис. 1: б) и фрагмент стенки лепного горшка (рис. 1: в). К XIII–XIV вв. относятся фрагменты амфор двух групп по классификации С.И. Волкова: «Трапезунд» (рис. 1: г) и «Триллия» (рис. 1: д). Весь материал получен в ходе сборов на останце восточного холма городища, который был спланирован бульдозером в ходе несанкционированных строительных работ осенью 2014 г. Это позволило нам сделать предположение о наличии средневекового слоя, поврежденного строительными работами, на восточном холме городища.

Осенью 2016 г. на территории городища были проведены археологические работы под руководством научного сотрудника НП «Южархеология» В.А. Ларенок. По предварительным данным, помимо слоя I–III вв. н.э. открыт могильник, датируемый XII в. Эти данные подтверждают существование на территории Кобякова городища поселения в средние века, но его датировка требует уточнения.

Артамонов М.И., 1935. Средневековые поселения на Нижнем Дону по материалам Северо-Кавказской экспедиции // ИГАИМК. Вып. 131. Л.: ОГИЗ. 117 с.

Волков И.В., 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 10. Новгород. С. 90–97.

Капошина С.И., 1965. Итоги работ Кобяковской экспедиции // КСИА. Вып. 103. С. 45–48.

Миллер А.А., 1926. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Л. С. 71–143.

П.П. Здобников*, Е.В. Четвертаков**

**Музей Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
pavel@zdobnikov.ru*

***Дальнеконстантиновский краеведческий музей, Нижний Новгород
tank_kuz@mail.ru*

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ СО СРЕДНЕВЕКОВОГО МОРДОВСКОГО СЕЛИЩА ПОМРА 4

Селище Помра 4 впервые обнаружено и обследовано в 2016 г. экспедицией Дальнеконстантиновского районного краеведческого музея под руководством Е.В. Четвертакова. Разведочные работы в округе с. Помра (Дальнеконстантиновский район Нижегородской области) стали продолжением исследований в бассейнах рек Кудьма и Озерка, проведенных в 1988 г. (Флягин, 1988. Л. 9, 10), а также разведки 2015 г. (Четвертаков, 2016. Л. 19–26).

Площадь памятника, определенная по распространению подъемного материала и особенностям рельефа, составляет около 20 тыс. кв. м. Участок, который занимает селище, расположен на распаханном поле, засаженном зерновыми культурами.

При проведении шурфовочных работ (5 кв. м.) и сборе подъемного материала на распаханной площадке памятника получена коллекция, состоящая из многочисленных фрагментов лепной керамики с примесью шамота и возможной подправкой на

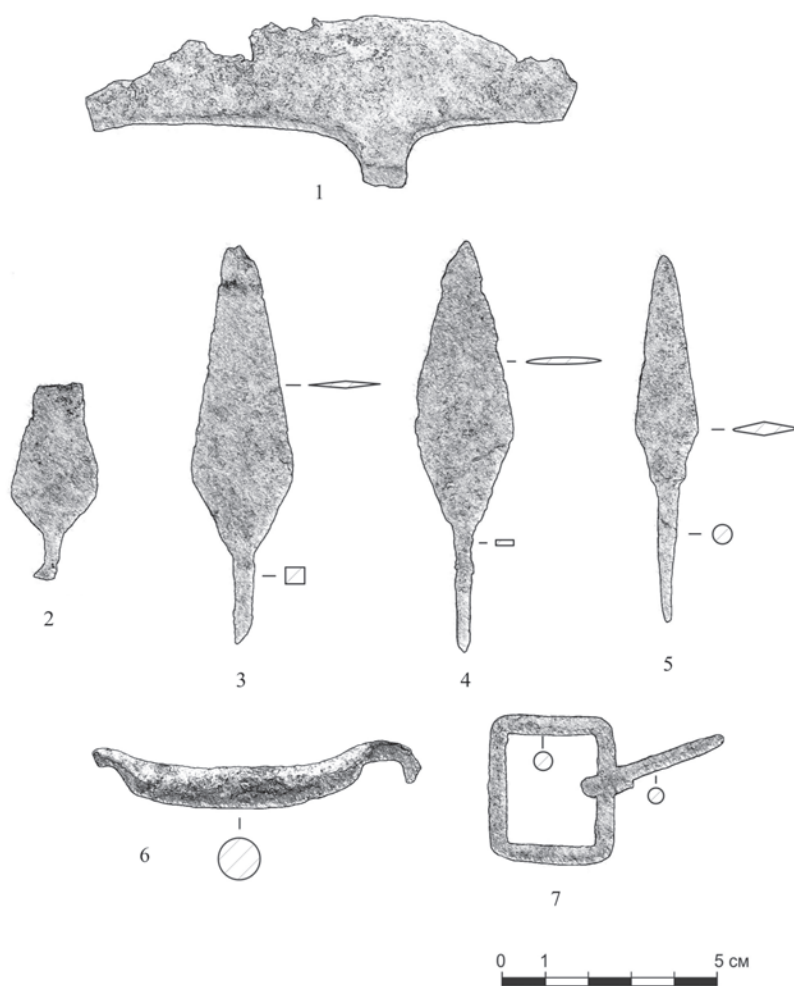

Рис. 1. Предметы вооружения и снаряжения верхового коня с селища Помра 4.
 1 – наносник; 2 – колчанный крючок; 3–5 – наконечники стрел; 6 – гризло; 7 – пряжка.

гончарном круге. Такие сосуды характерны для материальной культуры средневековых поволжских финнов (в данном случае мордвы) не только во второй половине I тыс. н.э. (Гришаков, 1993. С. 87, 113), но и в более позднее время, до XIII–XIV вв. (Аникин, 2001. С. 16–23). Также собрана коллекция предметов из металла, особый интерес в которой представляют предметы воинского снаряжения и оружие: наносник железный, колчанная фурнитура, наконечники стрел железные, фрагменты топора и др.

Нам ничего не известно о форме самого шлема, но обнаруженный наносник (рис. 1: 1) имеет сходство с аналогичной деталью боевого наголовья, хранящегося в Пермском краеведческом музее и датированного XIII–XIV вв. Подобные шлемы в это время довольно широко распространены в монгольской армии, что подтверждается соответствующими изобразительными и археологическими источниками (Горелик, 2002. С. 23, 75. Рис. 2).

Фрагменты колчанных крючьев (рис. 1: 2), согласно С.В. Святкину, выступают «верным признаком конного воина-лучника» (Святкин, 1998. С. 19).

Обнаруженные стрелы (рис. 1: 3–5) по способу крепления к древку являются черешковыми. Лишь одна из них по форме и характеру поперечного сечения – «бронепробивная» узкая с сечением пера в виде четырехугольника, тип Б10 по классификации С.В. Святкина, остальные – плоские с сечением пера в виде ромба или линзы, тип IA4 (Святкин, 1998. С. 25, 35). Подобные наконечники стрел имели широкое распространение у народов Восточной Европы в период с VIII по XIV вв. н.э. (Кирпичников, 1985. С. 315).

Снаряжение верхового коня представлено двумя фрагментами удила (два звена грызла круглого сечения), фрагментом подковы и двумя пряжками. Все перечисленные предметы изготовлены из железа. От удила сохранилось только грызло (рис. 1: 6). Состоящее из двух подвижных стержней грызло свойственно подавляющему большинству форм (Кирпичников, 1973. С. 14), по этой причине сделать вывод о типологической принадлежности удила не представляется возможным. Обнаруженные пряжки (рис. 1: 7) – предположительно, подпружные, – принадлежат к типам IA16 и IAX по классификации О.В. Седышева (Седышев, 2004. С. 28, 30).

В совокупности данный комплекс находок можно отнести к XIII–XV вв. Стоит отметить, что в данном временном интервале предметы вооружения и снаряжения верхового коня, обнаруженные на селище Помра 4, типичны для комплекса боевых средств не только мордвы, но и населения поволжского региона в целом.

- Аникин И.С., 2001. Комплекс средневековых археологических памятников у д. Городище // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и методич. статей / Отв. ред. Е.А. Молев. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 16–23.
- Горелик М.В., 2002. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М: ООО «Восточный горизонт». 84 с.
- Гришаков В.В., 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху Средневековья. Йошкар-Ола: МарГУ. 204 с.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. E1-36. Л.: Наука. 140 с.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь: Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М: Наука. С. 298–363.
- Святкин С.В., 1998. Вооружение и военное дело мордвы в первой половине II тыс. н.э. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа. 225 с.
- Седышев О.В., 2004. Снаряжение верхового коня у древней мордвы в III–XIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Саранск. 193 с.
- Флягин В.А., 1988. Отчет о разведке в районе рек Кудьмы и Озерки в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13399.
- Четвертаков Е.В., 2016. Отчет об археологической разведке на территории Воскресенского, Краснобаковского и Дальнеконстантиновского районов Нижегородской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Е.М. Казакевич

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
kazak.katerina2091@gmail.com*

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПУГОВИЦ ИЗ ГНЕЗДОВА ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ, ПОСЕЛЕНИЯ И КЛАДОВ X – НАЧАЛА XI В.

Гнездовский археологический комплекс – один из крупнейших памятников эпохи формирования Древнерусского государства, расположенный на Днепре в 12 км к западу от Смоленска. За годы исследования памятника была собрана огромная коллекция предметов вооружения, украшений, предметов культа, быта и монет. Одной из самых массовых категорий гнездовских находок являются металлические пуговицы, но они почти не привлекали внимания исследователей.

На основе изучения полевых описей, археологических коллекций и публикаций установлено, что в погребениях, кладах и культурном слое поселения обнаружено более 450 металлических пуговиц. Большинство происходит из погребений. На долю находок с Центрального городища приходится 10%, с селища – лишь 4% (не учитывались находки с Пойменного селища), 17 экземпляров были обнаружены в 4-х кладах.

Было установлено число погребений с минимальным и максимальным набором пуговиц в отдельном захоронении, зафиксировано их расположение на костяке в труп-

положениях. В некоторых случаях эта информация помогает определить тип костюма погребенного (кафтан или рубашка) и сделать осторожные предположения о его этнической принадлежности и социальном статусе.

Для классификации гнездовских пуговиц 95 экземпляров было подвергнуто морфологическому и технологическому анализу. Следуя технологическому принципу, образцы можно разделить на литые массивные (67 экз.), литые полые (6 экз.) и тисненые (22 экз.). Второй и третий уровни классификации учитывают морфологические признаки и декор изделия. В результате изученная выборка разделена на 15 типов (Казакевич, 2016. С. 23–25).

При изучении материалов близких по характеру и хронологии памятников Восточной, Центральной и Северной Европы удалось найти аналогии массовым и редким образцам. В IX–XI вв. сопоставимые изделия встречаются в памятниках салтово-маяцкой и роменской культур, в погребениях смоленско-полоцких и псковских длинных курганов. Аналогии происходят из некрополей Ярославского Поволжья, Киева и Шестовицы, памятников Дунайской Болгарии, Румынии и Великой Моравии. На территории Северной Европы подобные находки известны только в некрополе Бирки. Из Центральной Европы, Южного Подунавья и Среднего Поднепровья происходят аналогии серебряным сканно-зерненым пуговицам из двух гнездовских кладов второй половины X в. (Рябцева, 2005. С. 128).

Технология производства пуговиц Гнездова реконструирована благодаря их трасологическому изучению на основе литейных дефектов, следов инструментов и отделочных операций. Информация о литейных формах для изготовления пуговиц, найденных на многих памятниках Древней Руси и Дунайской Болгарии, помогла проследить расположение литниковых каналов, вставных стержней и выявить отличительные черты производства.

Для получения сведений о химическом составе металла была исследована выборка из 67 бронзовых и 20 серебряных пуговиц. Большинство литых образцов изготовлено из бронзы с высоким содержанием олова, что не характерно для местного производства (Ениосова, 1999. С. 6–7). Это позволяет сделать вывод о массовом импорте большинства известных в Гнездове пуговиц. Вместе с тем на Центральном городище обнаружены остатки производства полых тисненых медных пуговиц. Хотя находки таких изделий в Гнездове единичны, можно утверждать, что это – местная продукция. В отличие от массовых типов пуговиц из дешевых металлов, серебряные образцы являются элитарным продуктом. Они выполнены из высокопробного серебра (Ag 94–96%), полученного при переплавке дирхемов и дальнейшей купеляции металла (Ениосова, Митоян, 2011. С. 90–95). Матрица (выпуклый штамп для производства пуговиц и бусин) с Центрального городища свидетельствует о возможности изготовления в Гнездове тисненых гладких и сканно-зерненных пуговиц (Ениосова, 2005. С. 211–212).

Ениосова Н.В., 1999. Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 17 с.

Ениосова Н.В., 2005. Находки – индикаторы ювелирного производства из раннегородского центра Гнездова // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Матер. Междунар. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902-1968). СПб.: СОЛО. С. 209–215.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., 2011. Арабское серебро как источник сырья для славянских и скандинавских ювелиров (по материалам гнездовских кладов X в.) // От палеолита до Средневековья. Сб. научных статей. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Отв. ред. В.Л. Егоров. М.: МГУ. С. 90–95.

Казакевич Е.М., 2016. Морфологический и технологический анализ пуговиц из Гнездова по материалам некрополя, поселения и кладов X–начала XI в. // Выпускная квалификационная работа студента бакалавриата IV курса. М.: МГУ, исторический факультет, кафедра археологии. 60 с.

Рябцева С.С., 2005. Древнерусский ювелирный убор. СПб.: «Нестор-история». 384 с.

АНАЛИЗ ОРНАМЕНТА ПОСУДЫ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ В VIII – НАЧАЛЕ XIII В.

В работе рассмотрены коллекции керамики населения Верхнего Прикамья на памятниках Среднего Поволжья. Коллекции состоят из посуды неволинской археологической культуры.

Работа по изучению орнамента керамики населения Верхнего Прикамья проведена с применением историко-культурного подхода (Бобринский, 1978) и базируется на ряде методов, разработанных Е.В. Волковой (Волкова, 2010. С. 90–94). Производился расчет коэффициента сходства (КС), разработанного Д.Я. Телегиным (Телегин, 1977. С. 59–64) и в дальнейшем более детально проработанного Ю.Б. Цетлиным (Цетлин, 2008. С. 15–18).

Расчет производился на двух уровнях – уровне элементов и уровне образов орнамента – в связи с сильной фрагментарностью керамики и невозможностью провести анализ на следующих уровнях.

Для анализа были взяты керамические коллекции с 4 памятников: городища Чертов городок (55 сосудов (Каравашкина, 2015. С. 133–135)); городища Красносюндюковское I (8 сосудов (Каравашкина, 2016. С. 305–307)); поселения Подгоры I (63 сосуда (Скарбовенко, 2001)); поселения Ош-Пандо-Нерь 1/2 (21 сосуд (Скарбовенко, 1995)). Авторами раскопок приводятся следующие датировки памятников: Городище Чертов городок – IX–X вв.; городище Красносюндюковское I – X–XI вв.; поселение Подгоры I – X–XII вв.; поселение Ош-Пандо-Нерь 1/2 – конец VII – третья четверть IX в.

Среди орнаментов рассматриваемых коллекций встречаются: зубчатые и гладкие штампы, шнур, инструмент для нанесения небольших вдавлений округлой формы и нож для прочерчивания.

Среди элементов орнамента можно выделить: гладкий статичный – оттиск либо прокатывание рабочей поверхности инструмента с гладкой рабочей поверхностью; гладкий динамичный – прочерчивался узким рабочим краем инструмента, оставляя гладкий след; гребенчатый – прямые, в основном линзовидные следы с перемычками, оставленными пропилами на рабочей части орнамента; проташенная гребенка – ряд динамических гладких элементов, выполненных прочерчиванием гребенчатым инструментом; ямочный – вдавления, выполненные орнаментиром с круглой или овальной рабочей частью; веревочный – элемент наносился шнуром (Цетлин, 2008. С. 22–28).

Табл. 1. Коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования элементов (%)

	Чертов Городок	Ош-Пандо- Нерь 1/2	Подгоры I	Красносюн- дюковское I
Чертов Городок		48,4	24,3	52
Ош-Пандо-Нерь 1/2			29,6	31,9
Подгоры I				43,7

Табл. 2. Коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования образов (%)

	Чертов Городок	Ош-Пандо-Нерь 1/2	Подгоры I	Красносюндюковское I
Чертов Городок		24,7	12,4	17,9
Ош-Пандо-Нерь 1/2			5,8	24,9
Подгоры I				21,1

Для начала проанализируем сходство на уровне элементов (табл. 1.). Самый большой процент сходства памятников – у городища Чертов городок и городища Красносюндюковское I – 52%, затем – городища Чертов городок и селища Ош-Пандо-Нерь – 48,4%, селища Подгоры I и городища Красносюндюковское I – 43,7%.

На уровне образов наибольшее сходство фиксируется у городища Чертов городок и селища Ош-Пандо-Нерь – 24,7%, у селища Ош-Пандо-Нерь и городища Красносюндюковское I – 24,9%. Самый маленький процент сходства наблюдается у селища Ош-Пандо-Нерь и селища Подгоры I – 5,8% (табл. 2).

Такой незначительный процент сходства между памятниками Ош-Пандо-Нерь и Подгоры I может говорить о том, что на данных селищах жило население с разными культурными традициями. На это указывает близкое время функционирования и расположение памятников. Сходство городища Чертов городок и селища Ош-Пандо-Нерь и селища Ош-Пандо-Нерь и городища Красносюндюковское I требует уточнения, так как памятники не только очень удалены друг от друга, но и отличаются длительностью и временем своего функционирования.

- Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Волкова Е.В., 2010. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: ИА РАН. 248 с.
- Карвашкина Е.А., 2015. Глиняная посуда прикамского типа на селище Подгоры I в Самарской области // Новые материалы и методы археологического исследования: Матер. III Междунар. науч. конф. молодых ученых / Отв. ред. и сост. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 133–135.
- Каравашкина Е.А., 2016. Керамика прикамского облика на памятниках Среднего Поволжья конца VIII – начала XIII в. // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Матер. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Ижевск. С. 422.
- Скарбовенко В.А., 1995. Отчет об охранно-спасательных раскопках селища Ош-Пандо-Нерь 1/2 у с. Шелехметь Волжского района Самарской области // Архив археологической лаборатории СамГУ. 69 с.
- Скарбовенко В.А., 2001. Отчет об охранно-спасательных раскопках селища Подгоры I в Волжском районе Самарской области в 2001 г. // Архив археологической лаборатории СамГУ. 114 с.
- Телегин Д.Я., 1977. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М. С. 59–64.
- Цетлин Ю.Б., 2008. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К. 352 с.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРТИФИКАЦИИ И ТОПОГРАФИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ УФИМСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Введение. Эпоха раннего средневековья Уфимско-Бельского междуречья связана с носителями традиций бахмутинской, турбаслинской, кушнарниковской, кара-якуповской археологических культур (Мажитов, 2012. С. 140). Данное население оставило в регионе яркие погребальные и поселенческие памятники. Одним из самых многочисленных видов археологических объектов эпохи раннего средневековья, при этом наименее изученным, являются поселения. Большинство поселений отнесены исследователями к бахмутинской культуре (Бахшиев, Колонских, 2016. С. 60). Часть поселенческих памятников, включая пятую часть городищ, представлена материалами не только бахмутинской культуры. Довольно часто на поселениях также прослеживаются материалы эпохи раннего железного века – ананьинской, пьяноборской и кара-абызской культур. По мнению некоторых исследователей, указанные представители финно-угорской ойкумены генетически родственны раннесредневековому населению бахмутинской культуры (Мажитов, 2012. С. 125; Голдина, 1999. С. 307, 309; Овсянников, 2009. С. 233).

Данная работа посвящена исключительно укрепленным поселениям. По объективным причинам именно городища бахмутинской культуры в ходе археологического изучения региона привлекали к себе более пристальное внимание исследователей.

При рассмотрении имеющейся источниковой базы с учетом результатов собственных археологических исследований автора были выявлены некоторые закономерности, в частности, определенные черты в топографии и фортификации раннесредневековых городищ, свойственные памятникам бахмутинской культуры, что, в свою очередь, может быть частью фортификационной и поселенческой традиции.

Формирование базы данных. Основным маркером, определяющим принадлежность поселения населению бахмутинской культуры, является фрагментированный керамический материал, обнаруженный на укрепленных площадках городищ. Ф.А. Сунгатов и В.В. Овсянников на основе материалов Бажинского (Каменная гора) городища разработали классификацию бахмутинской керамики (Овсянников, Сунгатов, 2004. С. 218–240). Именно наличие такой керамики определяло включение поселения в базу данных исследования. Стоит заметить, что данная керамика в границах Уфимско-Бельского междуречья довольно часто залегает совместно не только с керамикой турбаслинской, кушнарниковской, кара-якуповской культур, но и с керамикой, традиционной для населения раннего железного века (ананьинская, пьяноборская, кара-абызская культуры). Представленная в работе выборка охватывает исключительно однослойные бахмутинские укрепленные поселения (включая ранний этап развития культуры – «мазунинский» или «раннебахмутинский»).

Основная работа была связана с анализом топографических особенностей городищ, а также конфигурации фортификационных сооружений¹.

Содержание работы. Во-первых, в ходе рассмотрения топографии укрепленных поселений выявлен определенный их тип, характерный именно для бахмутинского населения. Это укрепленные поселения, расположенные на отдельно стоящих возвышенно-

¹ Наблюдения над особенностями топографического расположения и конфигурации фортификационных сооружений не сопровождались непосредственными земляными работами (шурфовка, закладка траншей, прорезка линий укреплений), а основывались на визуальном обследовании современного состояния археологических объектов. Автор прекрасно понимает необходимость проведения раскопок для уточнения полученных в ходе наблюдения данных; это является целью будущих исследований.

стях, горах и холмах. Довольно часто подобные элементы ландшафта на современных топографических картах обозначены как горы (Калатау, Уаратау, Кызтау, Ялантау, Такмантау, Каримгурезь и т.д.). Они имеют схожие названия и у местного населения (Калатау, Красный Холм, Калай-Туба, Кылыс-Тау и т.д.) (Тузбеков, Колонских, 2016. С. 118). Подобный тип памятников в Уфимско-Бельском междуречье практически не известен ни в предшествующую, ни в последующую эпохи (Иванов, 1984. С. 67). В него входит третья часть (16 объектов) известных однослойных городищ бахмутинской культуры.

Во-вторых, на укрепленных поселениях бахмутинской культуры отмечена своеобразная конфигурация фортификационных сооружений. Эти сооружения созданы с использованием естественного ландшафта, т.е. вал на подобных памятниках получен способом подрезания небольшого естественного возвышения (чаще с напольной стороны), у подножия подобного эскарпа устроен ров. Можно предположить, что грунт, изъятый при сооружении рва, укладывался сверху на площадку естественной возвышенности, организуя насыпь. Основная линия укреплений, сооруженная таким образом, встречена на 11 городищах, еще 6 городищ имеют подобные укрепления, но в 4-х из них это не основная линия обороны, а в 2-х случаях на городищах имеется керамика раннего железного века.

В-третьих, два вышеуказанных признака довольно часто встречаются вместе. 10 однослойных городищ бахмутинской культуры, расположенных на отдельно стоящих возвышенностях, имеют четкие следы фортификационных сооружений, приуроченных к естественному рельефу.

Заключение. Таким образом, можно говорить об определенных чертах в устройстве укрепленных поселений, встречаемых исключительно на однослойных городищах бахмутинской культуры. Встает, однако, вопрос, можно ли их считать традиционными. Прояснить этот вопрос способны лишь широкие раскопки площадок раннесредневековых городищ и их фортификационных сооружений.

- Бахшиев И.И., Колонских А.Г., 2016. Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Поволжская археология. № 3 (17). С. 59–82.
- Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет. 464 с.
- Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука. 88 с.
- Мажитов Н.А., 2012. Башкортостан в IV–VIII вв. // История башкирского народа. Т. 2 / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: Гилем. С. 123–147.
- Овсянников В.В., 2009. Ананьинская культура // История башкирского народа. Т. 1 / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. М.: Наука. С. 187–203.
- Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А., 2004. Городище Каменная Гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. № 5. С. 218–240.
- Тузбеков А.И., Колонских А.Г., 2016. Городища Калатау в системе культурных ландшафтов северо-западного Башкортостана // Известия Уфимского научного центра РАН. № 3. С. 117–122.

О.Л. Кубикова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Olgakubikova92@gmail.com*

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИКИ МОДЕЛИРОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОВЕРХНОСТИ ДЛЯ СИНХРОНИЗАЦИИ ПЛАСТОВ И ЯРУСОВ УСАДЕБНОЙ ЗАСТРОЙКИ НОВГОРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ УСАДЬБЫ М ТРОИЦКОГО РАСКОПА)

Комплексное изучение средневековой усадьбы занимает в новгородской археологии особое место. Главный методический прием фиксации остатков деревянных сооружений по одновременным горизонтам усадебной застройки – ярусам – сложился еще в

1930-е годы (Арциховский, 1956. С. 11; Янин, 2012. С. 98–104). Это позволило изучать не только отдельные постройки, но и рассматривать их в комплексе с массивом вещевого материала. Важность данного направления исследования очевидна, но количество работ, посвященных комплексному исследованию усадеб, невелико. Это обусловлено недостаточной разработанностью методик анализа материала и сложностью исследовательских процедур (Петров, 2012. С. 28). Совместный анализ застройки и находок предполагает проведение крайне трудоемкой работы по синхронизации двух разных стратиграфических единиц – пластов и ярусов, поскольку стратиграфические изменения культурного слоя и глубина залегания находок фиксируются по пластам, а застройка строительных горизонтов – по ярусам (Петров, 2009. С. 227).

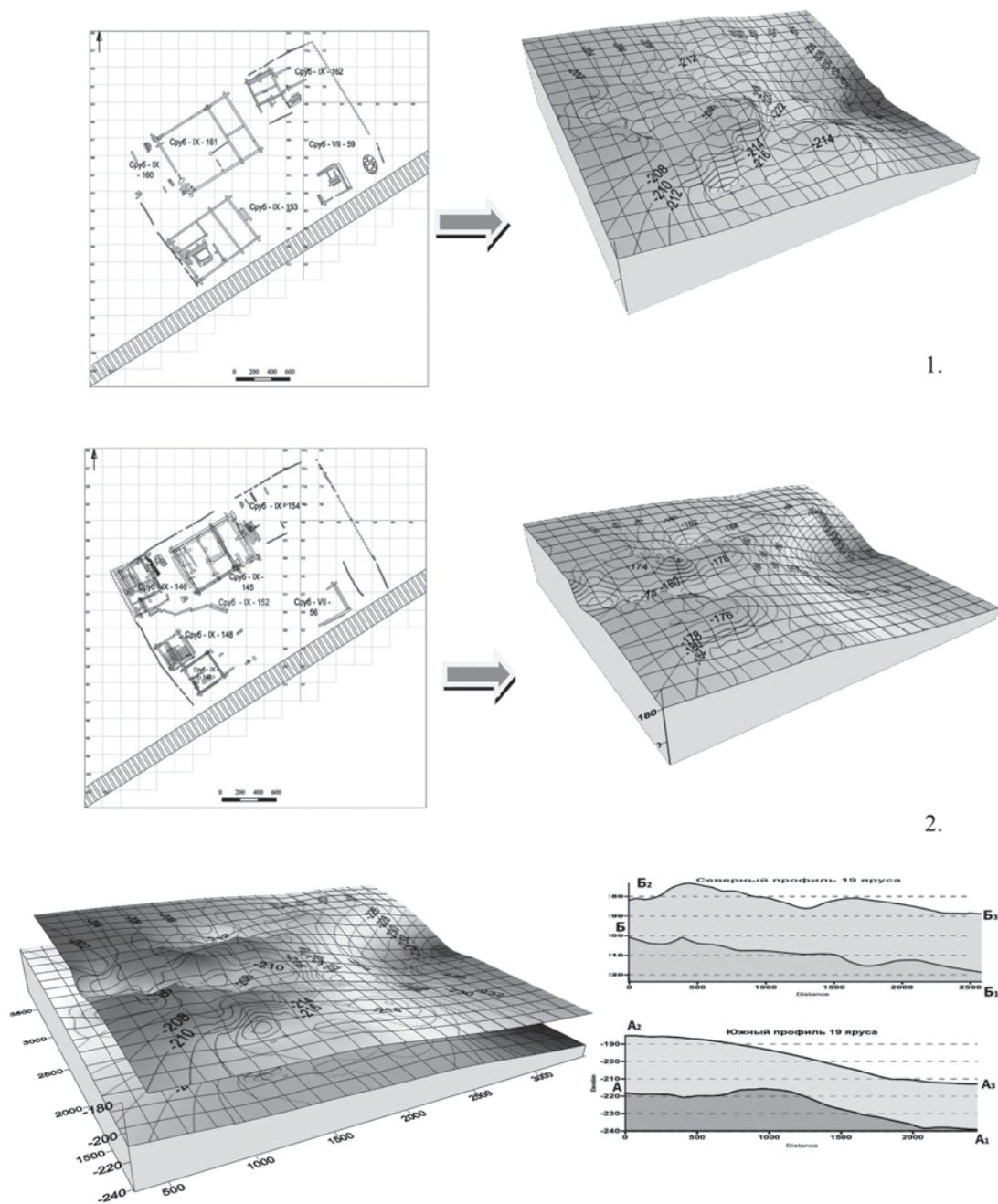

Рис. 1. Применение 3D-моделирования поверхностей ярусов на примере 19 яруса усадьбы М.

1 – застройка и поверхность образования 19 яруса усадьбы М; 2 – застройка и поверхность разрушения 19 яруса усадьбы М; 3 – 3D-модель и профили 19 яруса усадьбы М.

В связи с этим представляется актуальной попытка синхронизации пластов и строительных горизонтов на основе данных 3D-моделирования дневных поверхностей ярусов, основанная на материалах раскопанной целиком усадьбы М Троицкого раскопа, расположенной на территории средневекового Людина конца Новгорода (Колчин, Янин, 1982. С. 44).

Поскольку усадьба М исследовалась в течение ряда лет на трех разных раскопах (Троицкий VII, VIII и IX), прежде всего была проведена работа по стыковке ярусов этих раскопов с учетом порядка, последовательности и уровня залегания строительных остатков и ярусов на смежных раскопах, наклона дневной поверхности, общей планиграфической ситуации и данных дендрохронологического анализа. Затем для каждого яруса определялись границы – «поверхность образования» и «поверхность разрушения» яруса (Петров, 2008. С. 138) по нивелировочным отметкам срубов (рис. 1: 1, 2). На основании этих данных и строилась модель рельефа в зоне застройки. Использовалась трехмерная программа для построения поверхностей карт Surfer 11. Необходимым условием построения является наличие базы данных точек с пространственными координатами. Нанесенные на полевой чертеж нивелировочные отметки представляют собой точные вертикальные координаты (z), горизонтальные координаты (x, y) вычислялись вручную. Для этого в программе AutoCAD строилась система координат, согласованная с растровым изображением чертежа яруса.

Таким образом составлялись базы данных для поверхностей всех ярусов первых трех строительных периодов.

Построенные 3D-модели позволили получить профиль любого участка (рис. 1: 3), определить мощность яруса, а в сочетании с иллюстративными и письменными описаниями слоя по пластам и профилям раскопов они дали возможность связать зону застройки с незастроенным дворовым пространством. Благодаря им также появилась возможность отнести находки, сделанные вдали от зоны застройки, к определенному строительному горизонту.

В ходе процесса моделирования удалось выявить ошибки, допущенные на стадии камеральной обработки материала, и объединить части одного яруса, выявить поквдратное соотношение 10 ярусов застройки и 15 пластов, определить точную принадлежность к ярусу более 60% обнаруженных на усадьбе индивидуальных находок.

Полученные 3D-модели позволили анализировать застройку (установлено функциональное назначение 95% сооружений) и находки каждого яруса, максимально учитывая пространственные и количественные характеристики вещевого материала, что является неотъемлемой составляющей комплексного анализа усадьбы.

Арциховский А.В., 1956. Археологическое изучение Новгорода // МИА. № 55 / Отв. ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР. С. 7–43.

Колчин Б.А., Янин В.Л., 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С 5–57.

Петров М.И., 2008. Усадьбы средневекового Новгорода: к вопросу о критериях сравнения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. Новгород: Новгородский музей-заповедник. С. 137–147.

Петров М.И. 2009. Дневная поверхность: к проблеме согласования пластов и ярусов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Новгород: Новгородский музей-заповедник. С. 226–243.

Петров М.И., 2012. Изучение средневековой городской усадьбы с применением географических информационных систем (по материалам раскопа Посольский – 2006) // КСИА. Вып. 226. С. 27–37.

Янин В.Л., 2012. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур. 400 с.

**ФИКСАЦИЯ СЛЕДОВ ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015 Г.)**

Определение поминальной обрядности предложено В.С. Ольховским: это – совокупность символических и реальных действий, совершаемых в соответствии с определенными нормами и представлениями в процессе захоронения и в течение определенного времени после захоронения с пропиециально-мемориальной целью (Ольховский, 1986. С.70).

Задачей настоящего исследования является анализ жертвенно-поминальных объектов из раскопок 2015 г. на Рождественском языческом могильнике в Карагайском районе Пермского края, который датируется X–XI вв. и принадлежит к завершающему этапу ломоватовской археологической культуры (Белавин, Крыласова, 2016).

В 2015 г. изучено 5 ям, связанных с жертвенно-поминальной обрядностью (Крыласова, 2015. С. 2).

Яма № 1, расположенная к Ю от мужского погребения № 266 («в ногах»), имела округлую форму диаметром 0,55 м, чашевидное дно глубиной -0,68 м, была заполнена серым суглинком с вкраплениями угольков. В яме обнаружены удила.

Яма № 2, расположенная к ЮВ от женского погребения № 252 («в ногах»), имела овальную форму размерами 0,9 × 0,83 м, вертикальные стенки, ровное дно глубиной -0,59 м, была заполнена серым суглинком с вкраплениями угольков. В южной части на дне ямы прослежен тлен какого-то органического настила. До фиксации ямы в пределах ее границ найдены бронзовые накладка и бусина, серебряный «колпачок» от перстня. При разборке в яме расчищен керамический сосуд, рядом с ним – две серебряные монеты, а также серебряная накладка и две бронзовые бусины.

Яма № 3, расположенная к ЮВ («в ногах») от женского погребения № 253а с впущенным мужским погребением № 253б, имела овальную форму размерами 0,73 × 0,65 м, наклонные стенки, ровное дно глубиной -0,59 м, была заполнена темно-серым гумусированным суглинком. Яму окружали восемь ямок от кольев диаметром 5 см. До фиксации ямы в пределах ее очертаний обнаружены две стеклянные глазчатые и три бронзовые бусины, три лошадиных зуба, а при разборке в северной части ямы – глиняный сосуд, россыпь из трех хрустальных и одной стеклянной глазчатой бусин, железные удила и подпружная пряжка, южнее этого скопления – фрагменты двух бронзовых шаровидных привесок.

Яма № 4 располагалась к С от мужского погребения № 259 («в изголовье»), имела овальную форму размерами 0,47 × 0,43 м, чашевидное дно глубиной -0,59 м, была заполнена темно-серым гумусированным суглинком. По периметру ямы выявлено семь столбовых ямок, а внутри периметра вдоль его условной оси – два параллельных ряда столбовых ямок. До фиксации в пределах очертаний ямы найдены бронзовая накладка с чернью, бронзовая бусина и пронизка, а в заполнении ямы у северной границы – зуб лошади, южнее – кожаный ремешок с мелкими сердцевидными накладками и медная монетовидная подвеска.

«Яма» № 5 была, очевидно, неглубокой. При фиксации на материке на глубине -0,35 м к Ю («в ногах») от мужского погребения № 250 выявлены следы столбовой конструкции в виде ямок от кольев, образующих периметр в форме овала размерами 0,63 × 0,57 м. В пределах этого объекта обнаружены четыре бронзовые накладки, наконечник ремня, фрагмент бронзовой бусины, бронзовая флаконовидная пронизка и железный предмет. Возможно, колья образовывали ограду для вещей, оставленных на дневной поверхности.

Таким образом, для поминально-жертвенных комплексов Рождественского могильника характерны: округлые или овальные ямы небольшого диаметра, традиция ограждать их колышками, расположение ям по вертикальной условной оси погребения, т.е. «в ногах» или «в голове». Находки, обнаруженные в ямках, показывают, что подношение часто было комплексным. Оно включает детали костюма (чаще поясные наборы и бусы), символическое приношение коня (детали конской упряжи, зубы лошади), остатки еды (горшочки, кости животных, гумусированное заполнение ям).

Материалы, полученные в 2015 г. при раскопках Рождественского языческого могильника, позволяют предложить реконструкцию поминального обряда, при котором практиковалось принесение в жертву (в дар умершим родственникам) вещей, транспортного животного, еды и, возможно, проходила поминальная тризна.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск // Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. Пермь: ПГПУ. 603 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2016. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. № 1 (32). С. 28–41.

Крыласова Н.Б., 2015. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2015 г. // Архив МАЭ ПГПУ.

Ольховский В.С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1. С. 65–76.

А.С. Морозов

Институт археологии РАН, Москва

Dzyrtelf@yandex.ru

О ДАТИРОВКЕ РАННЕЙ СТАДИИ БЕЗВОДНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Генезис древностей безводнинско-ахмыловского круга (V – первая половина VIII в.) остается нерешенной проблемой (Краснов, 1980. С. 112–119; Грибов, 2014). Комплексы второй половины III – IV в. среди относимых к нему памятников выделены лишь в Подвязье, где связываются с традициями кошибеевского этапа рязано-окских могильников (Грибов, 2014. С. 318). Головные жгуты и браслетообразные височные кольца, характерные для древностей безводнинско-ахмыловского круга, известны на стадии I Безводнинского могильника.

Ю.А. Краснов на основе взаимовстречаемости ряда типов вещей отнес к стадии I погребения 79, 87, 114, 121, 126, 130, 136, 137, 139, 140, 142, 143, 148 (Краснов, 1980. С. 93, 103). Большинство находок было датировано IV–V и V вв., а ранняя стадия – V в., не исключая начало VI в. (Краснов, 1980. С. 103). Современные разработки дают возможность скорректировать эти даты.

Ряд пряжек без обоймы (рис. 1: 1) имеют короткий прогнутый язычок, наблюдающийся также у большинства описанных ниже изделий. В мужских комплексах рязано-окских финнов пряжки с подобным язычком встречаются с поздней части периода 1В до периода 2С (первая половина / середина III – вторая / третья четверть IV в.), в женских – в пределах периодов 1–2Б II – начала V в. (Ахмедов, 2007. С. 138. Сх. 1; Белоцерковская, 2007. Рис. 9).

Пряжки с округлой или овальной рамкой и овальным или сегментовидным щитком (рис. 1: 2; П9 и П10 по В.Ю. Малашеву) в позднесарматских комплексах известны в хронологических группах IIIа, IIIб и IV, т.е. с конца III до начала V в. (Малашев, 2000. С. 196, 201, 202, 207. Рис. 2). Пряжки подобной формы распространены в мужских погребениях периода С2 (вторая и третья четверти IV в.) рязано-окских могильников (Ахмедов, 2007. С. 142, 143, 146).

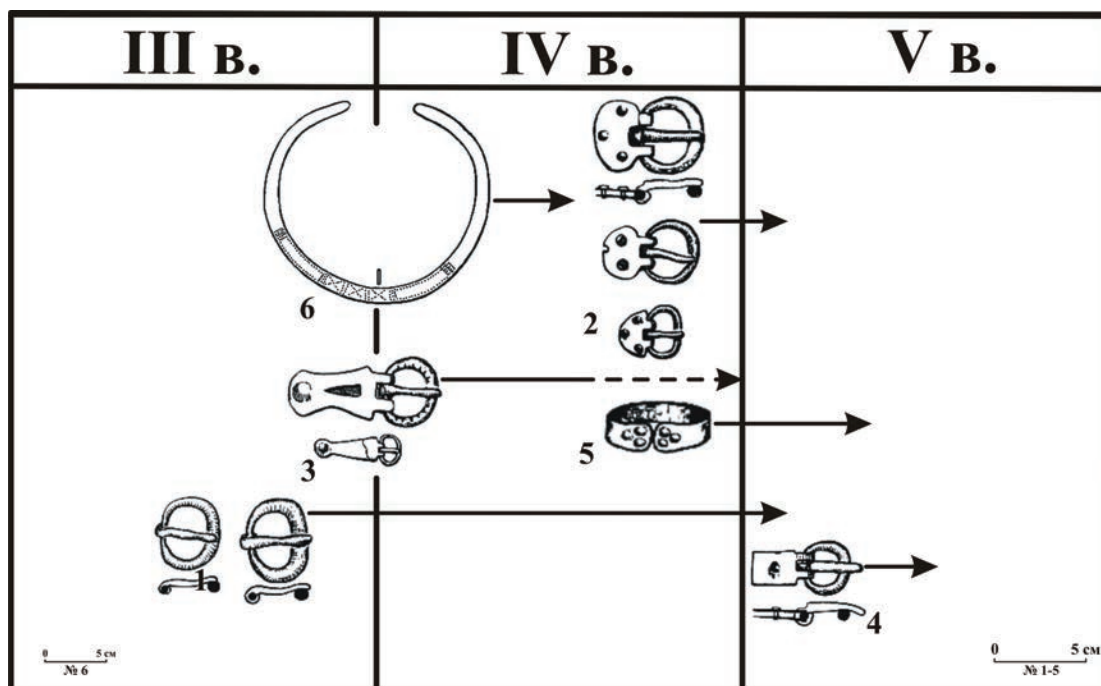

Рис. 1. Хронологические индикаторы комплексов ранней стадии Безводнинского могильника.

Пряжки (рис. 1: 3) с округлой рамкой и щитком с округлым расширением на конце распространены в конце III – IV в. (Лещинская, 2014. С. 170. Табл. 89: 13–15, 24, 25; Белоцерковская, 2007. С. 199. Рис. 9: 24, 27).

Наиболее поздним элементом поясной гарнитуры стадии I является пряжка (рис. 1: 4) с «хоботковидным» язычком и прямоугольным щитком. Такие изделия появляются в гуннскую эпоху и многочисленны в V в. (Амброз, 1989. С. 24. Рис. 5: 30; Ахмедов, 2007. С. 146. Рис. 21: 3. Сх. 3: 24).

Пластинчатые браслеты с расширяющимися концами и орнаментом из трех крупных «жемчужин» (рис. 1: 5) бытуют в рязано-окских комплексах с середины IV до второй четверти V в. (Белоцерковская, 2007. Рис. 4: 15; 7: 61).

Табл. 1. Взаимовстречаемость хроноиндикаторов в ранних комплексах Безводнинского могильника

ХИ Погр.	6	5	3	2	1	4
130	+	+	+		+	
87			+	+	+	
136			+			
121				+	+	
79, 114				+		
126, 137					+	
148					+	+

Массивные пластинчатые гривны серповидной формы, орнаментированные точками и прочерченными линиями (рис. 1: 6), встречаются в азелинской, древнемордовской культурах и комплексах конца III – первой половины IV в. рязано-окских финнов (Ахмедов, 2007. С. 142; Белоцерковская, 2007. С. 192. Рис. 8: 15).

Взаимовстречаемость рассмотренных хроноиндикаторов в комплексах (табл. 1) позволяет отнести погребение 130 к середине IV в., погребения 79, 87, 114, 121, 126, 136, 137 – к близкому времени, не исключая несколько позднего. Гуннской эпохой, скорее всего, в рамках конца IV – первой половины V в., достоверно датируется лишь погребение 148.

Благодарю Игоря Олеговича Гавритухина за ряд замечаний при подготовке данной работы.

Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука. 134 с.

Ахмедов И.Р., 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9.) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 137–185.

Белоцерковская И.В., 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9.) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 186–212.

Грибов Н.Н., 2014. Новые данные по истории освоения Нижней Оки в эпоху раннего средневековья (по материалам Подвязьево-ского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Т. II / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 316–319.

Краснов Ю.А., 1980. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.

Лещинская Н.А., 2014. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27.) Ижевск. 472 с.

Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. (Материалы и исследования по археологии Дона. Т. 1.) Ростов-на-Дону: «Терра». С. 194–232.

К.В. Моряхина

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
kmoryaxina@mail.ru*

СЕРЕБРЯНЫЕ ПЕРСТНИ СО СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ: К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

В историографии долгое время бытовало представление о том, что в Пермском Предуралье серебряные перстни, как и другие украшения из драгоценных металлов, являются импортом из Волжской Булгарии (Белавин, 2000. С. 98–104). Исследования последних лет доказывают противоположную позицию – данные изделия могли изготавливаться на местах. Ученые обращают внимание, что черненные перстни с гравировкой, обнаруженные на памятниках Пермского Предуралья, отличаются от тех, что получили распространение у болгар. Для пермских перстней характерно использование в качестве основного орнаментального мотива замкнутой плетенки и пересекающихся линий, сочетание золочения и чернения, чернение фона, что не встречается на болгарских. Качество нанесения декора на пермских изделиях ниже (Руденко, 2007. С. 288–289; Брюхова, Подосенова, 2015. С. 304–310; Адамов, 2014. С. 44–49). Рассматриваемые перстни датируются XIII в. Волжская Булгария в этот период становится улусом Золотой Орды, и типичные изделия для этой территории перестают изготавливаться. Данный факт подтверждает предположение о возможности изготовления перстней в Пермском Предуралье.

Вне поля зрения исследователей остались более ранние серебряные перстни X–XII вв., которые можно разделить на два типа: со сканно-зерненым декором и с чеканкой или гравировкой.

В Пермском Предуралье серебряные перстни со сканно-зерненым декором появляются в начале X в. и представляют собой колпачок-полусферу, украшенный пирамидами зерни, вставкой наверху и проволокой по месту припоя к основе изделия. Данные перстни являются самыми массовыми на рассматриваемой территории (62 экз., 21,5% от общего количества перстней) и встречаются до середины XI в. Рассматривая технику изготовления этих украшений, можно выделить ряд характерных черт: крупная зернь, подмена сканной проволоки торсированной, золочение фона, расположение проволоки по месту припоя. В Волжской Булгарии похожие по форме перстни, но отличающиеся оформлением, получают распространение несколько позже – во второй половине X – первой половине XI в. На болгарских изделиях используется мелкая зернь, сканная проволока представляет некий узор, отсутствует золочение (Руденко, 2015. С. 174). Разная датировка и различия в технике изготовления указывают на то, что на рассматриваемых территориях были свои центры изготовления перстней.

Перстни с чернью появляются в Волжской Булгарии в XI в. и становятся массовыми в последней четверти XII в. В XII в. такие изделия встречаются и в Пермском Предуралье, но в небольшом количестве (7 экз., 2,4% от общего количества перстней). Часть обнаруженных перстней можно отнести к болгарскому импорту, часть – к подражаниям болгарским. Болгарские изделия отличаются тщательно проработанным углубленным орнаментом, «жирным» слоем черни. Орнамент наносился чеканом или гравером (Руденко, 2015. С. 60–61). Перстни, изготовленные пермскими мастерами в подражание болгарским, выделяются на фоне оригиналов низким качеством проработки орнамента, тонким слоем черни, который практически не сохраняется. Безусловно, они производились под влиянием болгарских традиций, а возможно, и с участием болгарских мастеров.

В XIII в. пермские мастера разрабатывают свой вариант оформления перстней, отличный от болгарских – с замкнутой плетенкой и пересекающимися линиями. По краям щиток обрамлен бордюром, что не характерно для болгарских изделий. Особенности технических приемов их изготовления указаны выше.

Состав металла болгарских и пермских перстней аналогичный – высокопробное серебро (Цветные и драгоценные металлы, 2008. С. 152–153).

В целом в Волжской Булгарии перстни с чернью преобладают над сканно-зернеными и датируются XI – началом XIII в. В Пермском Предуралье они встречаются с XII до конца XIII в., когда уже перестают изготавливаться в Волжской Булгарии. С зернеными изделиями наоборот – сначала они появляются в Пермском Предуралье, где пик их встречаемости приходится на X–XI вв., затем в Волжской Булгарии, где наибольшее распространение они получают в конце XI – XII в. Количественно перстни с зернью преобладают в Пермском Предуралье (где их общее количество – 67 экз., тогда как в Волжской Булгарии – 17 экз.). Перечисленные факты указывают на то, что появление и распространение в Пермском Предуралье перстней со сканно-зерненым декором не связано с влиянием болгар.

Адамов А.А., 2014. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической конференции. Вып. 9. Пермь: ПГГПУ. С. 44–49.

Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ. 200 с.

Брюхова Н.Г., Подосенова Ю.А., 2015. Перстни «болгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3. Самара: СамНИЦ РАН. С. 304–311.

Руденко К.А., 2007. Ювелирные изделия Приуралья и Зауралья: к вопросу о болгарском импорте XI–XIV вв. // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург; Сургут. С. 288–289.

Руденко К.А., 2014. Болгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман. 528 с.

Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья, 2008 / Отв. ред. Н.В. Рындина. М.: Восточная лит-ра. 191 с.

СЕРПОВИДНЫЕ ГРИВНЫ АРМИЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА: ХРОНОЛОГИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Армиевский грунтовый могильник является одним из ключевых памятников, позволяющих изучать историю и культуру древней мордвы I тыс. н.э. Захоронения данного могильника различными авторами датируются с конца IV по VII в. (Вихляев и др., 2008). Шейные гривны в нем присутствуют в половине женских погребений, в богатых захоронениях иногда встречается по несколько таких вещей. Серповидные гривны зафиксированы в 10 погребениях могильника.

На памятнике представлено два типа данных украшений: тип 131а – гривны из цветного металла с ребром жесткости посередине пластины, и тип 2Б1 – железные треугольного сечения (Вихляев и др., 2008. С. 20–23). По форме эти гривны аналогичны, отличаются они только материалом. Все датированные погребения Армиевского могильника с серповидными гривнами относятся к 8-й стадии существования мордовских могильников Западного Поволжья, что соответствует VI–VII вв. (Вихляев и др., 2008. С. 138–139). Этим же временем датируют серповидные гривны на памятниках армиевского типа В.В. Гришаков (Гришаков, 1987. С. 85).

Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть пластинчатых гривен в рассматриваемом памятнике изготовлена из железа. При этом гривна из погребения 147 не имеет ребра жесткости и относится к разряду пластинчатых (Полесских, 1979. С. 18. Рис. 11: 1). К сожалению, большинство железных гривен Армиевского могильника в настоящее время сильно коррозированы, поэтому их сечение точно определить невозможно.

Следует отметить, что плоская гривна, но бронзовая, без ребра жесткости, зафиксирована в погребении 15 Никитинского могильника. По мнению авторов публикации, серповидные гривны с плоским сечением относятся к наиболее ранней разновидности данного типа украшений (Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005. С. 69). Их аргументация основана на находке серповидной гривны с тупыми концами в погребении 130 Безводнинского могильника, относящемся к 1-й стадии его существования, что в целом соответствует V в. (Краснов, 1980. С. 107). Однако по своему облику безводнинская гривна в большей степени соответствует гривнам азелинского типа, которые отличаются большей массивностью и наличием орнаментации из насечек и точечных углублений. Не имеют азелинские гривны и замков, которые зафиксированы у серповидных гривен с сохранившимися концами. Но по ширине пластины безводнинская гривна уже ближе к пластинчатым серповидным гривнам.

Судя по планиграфии Армиевского могильника, пластинчатая гривна из 147-го погребения, видимо, является на памятнике самой ранней гривной серповидного типа. Данное захоронение завершает ряд погребений, южнее которого встречаются железные гривны уже с выраженным ребром жесткости (Полесских, 1979. С. 7. Рис. 1). В данном погребении присутствуют сьюльгамы с округлым сечением кольца и раскованными концами, не выступающими за его пределы, в то время как серповидные гривны из других погребений образуют сильные связи с сьюльгамами, имеющими кольцо плоского сечения. Также в 147-м погребении присутствует бляха с поперечными накладками, которые, по мнению В.И. Вихляева, характерны для погребений 8-й стадии (VI–VII вв.), однако в Абрамовском могильнике подобные бляхи датируются не позже V в. (Ставицкий, Шитов, 2013. С. 264). Более раннюю хронологию они имеют среди материалов рязано-окских могильников (Белоцерковская, 2007).

Серповидные гривны из бронзы с замком в виде двух крючков или крючка и отверстия, с ребром в средней части зафиксированы только в двух погребениях Армиевского

могильника: 12 и 237. Более поздняя разновидность подобных гривен – со смещенным вверх ребром жесткости, хорошо известна в среднецнинских могильниках на стадиях А и В, что соответствует второй половине VII – X в. (Зеленцова, 1992. С. 45–47). Причем на среднецнинских гривнах, как правило, присутствуют накладки и привески. По наблюдениям Ю.А. Краснова, гривны с выраженным ребром жесткости в средней части пластины появляются на 2-й стадии Безводнинского могильника, что соответствует периоду с VI до рубежа VI–VII вв. (Краснов, 1980. С. 107).

В захоронениях Абрамовского могильника серповидные гривны с ребром посередине пластины отмечены в погребениях 6-го хронологического участка, материалы которого В.В. Ставицкий и В.Н. Шитов датировали первой половиной VI в. (Ставицкий, Шитов, 2013. С. 265). Уже в первой половине VII в. в Абрамово получают распространение серповидные гривны с подвесками арочной формы (Ставицкий В.В., Ставицкий А.В., 2014).

По мнению В.В. Гришакова, мордовские племена имели общую традицию в цветной металлообработке и в изготовлении ряда украшений (нагрудных блях, застежек с «крылатой» иглой) с населением окско-рязанского междуречья и Нижнего Примокшанья (Гришаков, 1987. С. 85). Серповидные гривны известны и в материалах прикамских могильников первой половины VI в., но их находки немногочисленны (Голдина, 2012. Табл. 9: 3, 4).

Таким образом, серповидные гривны треугольного сечения, вероятно, появляются из гривен с плоским сечением, которые имеют более раннее происхождение. Не исключено, что на их появление оказали влияние традиции изготовления гривен с ромбическим сечением, которые близки им стилистически, но по технике изготовления сильно отличаются. Гривны с ромбическим сечением известны в погребениях 8, 52 Селикса-Трофимовского могильника, которые датируются второй половиной IV – началом V в. (Вихляев и др., 2008). К еще более раннему времени (первой половине IV в.) относятся гривны с ромбическим сечением из ранних погребений Абрамовского могильника (Ставицкий и др., 2012). К началу VI в. они уже не встречаются в пензенских памятниках второй половины I тыс. Стилистически к серповидным гривнам наиболее близка гривна из Безводнинского могильника, имеющая сечение в виде растянутого ромба, ширина граней которого близка к гривнам треугольного сечения (Краснов, 1980. Рис. 26: 1). Появление гривен с треугольным сечением могло стать результатом синтеза плоских гривен с прямоугольным сечением и ромбических. Такой тип гривен позволил упростить их изготовление и придать больше эстетики и функциональности.

Белоцерковская И.В., 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9.) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 186–212.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева. 352 с.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В., 2005. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. (Труды отдела Охранных раскопок ИА РАН. Том 3.) / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. 176 с.

Голдина Р.Д., 2012. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV — начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. — XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25.) Ижевск: Удмуртский университет. С. 139–167.

Гришаков В.В., 1987. Из истории обработки цветных металлов (по материалам мордовских могильников I тыс. н.э.) // Вопросы древней истории мордовского народа. Саранск: Мордовское книжное изд-во. С. 85–87.

Зеленцова О.В., 1992. Шейные гривны среднецнинской мордвы // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. (Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Вып. 107.) / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордовское книжное изд-во. С. 42–46.

Краснов Ю.А., 1980. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.

- Полесских М.Р., 1979. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы I тыс. н.э. (Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Вып. 63.) Саранск: Мордовское книжное изд-во. С. 5–56.
- Ставицкий В.В., Мясникова О.В., Сомкина А.Н., 2012. О датировке ранних погребений Абрамовского могильника // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. № 3 (23). Саранск. С. 106–123.
- Ставицкий В.В., Шитов В.Н., 2013. Планиграфия и хронология Абрамовского могильника // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПИРО. С. 255–278.
- Ставицкий В.В., Ставицкий А.В., 2014. Поздние погребения древнемордовского Абрамовского могильника // Современные научные исследования и инновации. № 12–2 (44). С. 36–40.

А.В. Никитина

*Самарский государственный технический университет
Nikitina.an.v@yandex.ru*

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ЛЕСОСТЕПНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В 2015 г. в рамках изучения западного направления культурных контактов населения Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов мы начали работу по исследованию гончарных традиций лесостепного населения, занимающего зону от Поволжья до Поднепровья, для выявления контактов, находящих свое отражение в производственных традициях мастеров. На данном этапе мы остановились на изучении подготовительной стадии процесса производства, в первую очередь на традициях отбора и подготовки исходного сырья и приготовлении формовочных масс, согласно методикам, существующим в рамках историко-культурного подхода к изучению древней керамики (Бобринский, 1999). Применялись микроскопические наблюдения по археологическим образцам керамики и идентификация их характеристик путем сопоставления с комплексом знаний о признаках тех или иных технологических приемов, накопившихся в ходе многолетних экспериментальных работ (Васильева, Салугина, 2015).

К настоящему моменту в исследование включены 835 образцов керамики следующих памятников: поселений Корчак-VII и Корчак-IX пражско-корчакской культуры, расположенных на северо-западе Украины (раскопки И.П. Русановой); поселений Мена-5 киевской культуры в низовьях Десны и Стаево-4 типа Чертовицкое-Замятино в верховьях р. Воронеж (раскопки А.М. Обломского); поселений черняховской культуры Выдрин и Глушково в междуречье р. Сейм и Псел, Угрим в бассейне р. Северский Донец (раскопки О.А. Радюша); городищ мощинской культуры Мощины, Петровское, Серенск и поселения Упа-2 типа Чертовицкое-Замятино в верхнем Поочье (раскопки И.К. Фролова, И.С. Простякова, Т.Н. Никольской и Е.В. Столярова). База по Среднему Поволжью дополняется анализом керамики поселений Бахилово, Ош-Пандо-Нерь, Кармалы, Старая Майна имениковской культуры (раскопки Г.И. Матвеевой) и поселения Сосенки (раскопки М.С. Седовой, культурная принадлежность не определена).

Все сосуды изготовлены из глин или глиноподобных материалов (суглинков). Большинство глин со всех памятников характеризуется высоким содержанием железа (рыжих и кирпичных оттенков после окислительного высокотемпературного обжига). Традиция отбора слабожелезненных (розовых и белых) глин встречается только в материалах мощинской культуры. На них приходится около трети коллекции городища Мощины и пятой части городища Серенск. В керамике Петровского городища белая глина добавляется только в качестве дополнительной к основной красной глине. Единично такая традиция встречается на поселении Мены-5. Кроме того, отдельно встречен шамот из слабожелезненной глины: также на поселении Мены-5, поселениях Выдрин, Упа-2 и Корчак-VII. Пластичность исходного сырья можно рассматривать в рамках стандартных трех видов. В керамике раннеславянских памятников доминируют низкопластичные

Табл. 1. Распределение рецептов формовочных масс по археологическим коллекциям (%).

Сокращения: Г – глина, Д – кварцевая дресва, Ш – шамот из сосудного боя, Ш/Г – шамот из сухой глины либо вторая глина во влажном состоянии, ЖР – дресва из дробленой железной руды, П – кварцевый песок, О – различные виды влажных и жидких органических составов.

Культурная принадлежность	Черняховская		Мощинская			Смешан.	Киевская	Чертовичское-Замятино	Пражско-корчакская		Именьковская ак
	п. Выдрин	п. Угрім	г. Петровское	г. Мощино	г. Серенск	п. Ула-2	п. Мена-5	с. Стаево-4	п. Корчак-7	п. Корчак-9	
Г+О	4,7		7,1	2,7		5,7		16,6			2,9
Г+Ш/Г	4,7										
Г+Ш/Г+О	14,3	40,9	32,1			3,8	12,5				
Г+Д							6,2				
Г+Д+О	4,7		3,6	88,9	46,7	1,9	18,7		83,3	100	
Г+ЖР+О								47,9			
Г+П	4,7										
Г+П+О	4,7	4,5		2,7							
Г+Ш						3,8	6,2				1,5
Г+Ш+О	61,9	50,0	32,1		20,0	79,2	25,0	25,0			95,6
Г+Д+Ш+О			14,3	5,5	33,3		12,5				
Г+Д+Ш/Г+О			3,6								
Г+Д+П+О									16,7		
Г+ЖР+Ш+О						1,9		6,3			
Г+ЖР+П+О								2,0			
Г+Ш+Ш/Г+О		4,5				1,9					
Г+Ш+П+О							12,5				
Г+Ш/Г+П+О						1,9					
Г+Д+Ш+П+О							6,2				
Г+Д+Ш+Ш/Г+О			3,6								

глины (85–100%), в ареалах мощинской (50–86% + 13–28%) и именьковской культур (49 + 35%) – высоко- и среднепластичные. В традициях черняховских мастеров этот показатель сильно смешан.

Выделенные составы формовочных масс представлены в таблице 1. Стоит отметить два преобладающих рецепта – глина + шамот + органика и глина + кварц. дресва + органика. При этом географически они представлены таким образом, что восточный край рассматриваемой нами территории – Среднее Поволжье – является зоной тотального применения «шамотных» рецептов (95,6%), западная же часть – территория правобережья Днепра – напротив, дресвяных (83–100%; не только в пражской культуре, но и в более позднее время в Лука-Райковецкой). В регионах Поочья и Подонья картина противоположная – на памятниках одновременно сосуществуют разные традиции составления формовочных масс, в том числе сильно смешанные, пятисоставные рецепты. Следует предположить, что подобная картина может быть отражением этнокультурной ситуации – в Среднем Поволжье и Правобережье Днепра бытовали общества со стабильным, сформированным составом населения, в то время как в центральном регионе России происходили многочисленные культурные контакты и активные процессы смешения. В настоящий момент в рассматриваемых нами материалах существуют пробелы по отдельным территориям и культурным группам, однако мы надеемся, что это вопрос времени, и будем рады принять от исследователей новые материалы для анализа.

- Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 5-109.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П., 2015. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ): 25 лет работы // Самарский научный вестник. № 3 (12) Самара: Изд-во ПГСГА. С. 8–27.

А.Р. Нуретдинова
Казанский федеральный университет
alsu.nuretdinova@rambler.ru

ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАЗУРЕЙ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ДЕТАЛЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

На сегодняшний день одной из приоритетных задач Археологического музея КФУ является атрибуция и ввод в научный оборот старых археологических собраний. Одной из выразительных музейных коллекций является собрание «Глазурованные архитектурные детали из Средней Азии» (АКУ-16). В него вошли 50 монохромных и полихромных архитектурных деталей. На сегодняшний день точной информации о происхождении коллекции нет, однако в «Каталоге выставки 1882 года Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете» в разделе «III. Средняя Азия (Туркестан) и Китай» перечислены предметы, которые, скорее всего, и составили основу собрания глазурованных архитектурных деталей из Средней Азии (АКУ-16): «468. Двадцать три куса цветных сартских² обой, местного изделия и вкуса», «474. Семь кусков цветной поливной штукатурки от медресси-Ханум, мечети построенной в г. Самарканде Тамерланом в честь любимой своей жены», «475. Четыре куса такой же штукатурки из развалин древнего здания в г. Самарканде» (Каталог выставки..., 1882. С. 51–52). К сожалению, невозможно установить, о каких конкретно архитектурных деталях идет речь. Лишь на двух предметах сохранилась карандашная надпись о том, что они происходят из мечети Биби-Ханум³.

Целью исследования является определение источников сырья, использовавшегося для производства архитектурной поливной керамики, выявление ремесленных традиций и установление места изготовления изделий.

Проанализированы 17 проб, взятых у 9 предметов: 3 – белая, 3 – желтая, 5 – бирюзовая, 6 – синяя глазури (табл. 1)⁴. Установлено, что все глазури являются щелочными натриевыми, сваренными на золе солончаковых растений, отличаются повышенным содержанием соединений свинца, олова и глинозема. Высокосвинцовые глазури (пороговое значение – 15%) выявлены всего в одной пробе желтой глазури (18%).

Основными красителями выступали соединения меди и кобальта. Соединения меди проявляют красящий эффект при содержании их в глазури от 0,5% и выше (Валиулина

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-01055 «История развития археологии в Казанском крае (начало XIX – 1930-е гг.) по археологическим музейным собраниям».

² Сарты – общее наименование части населения Средней Азии в XV–XIX вв.

³ Мечеть Биби-Ханум (букв. «старшая принцесса») – архитектурный памятник 1399–1404 гг. в Самарканде; соборная мечеть, богато украшенная изразцами, резным мрамором и росписями, была воздвигнута по приказу Тамерлана после его похода в Индию.

⁴ Количественный эмиссионный спектральный анализ глазурного покрытия поливных изразцов выполнен в аналитико-технологическом сертификационном испытательном центре ЦНИИ Геолнеруд г. Казани (аналитики Н.А. Фролова и И.С. Совитова) на спектрографе ДФС-458С по методу трех эталонов.

Табл. 1. Результаты анализа химического состава глазурей среднеазиатских архитектурных деталей

№ ан.	Цвет глазури	Элементы, %										Оксиды, %							
		A g, 10 ⁻⁴	B, 10 ⁻³	Co	Cr, 10 ⁻³	Sb, 10 ⁻³	Ni, 10 ⁻³	Al ₂ O ₃	CaO	Fe ₂ O ₃	P ₂ O ₅ , 10 ⁻¹	MgO	MnO, 10 ⁻²	TiO, 10 ⁻¹	CuO	PbO, 10 ⁻³	SnO, 10 ⁻⁴	SiO ₂	Na ₂ O, 10 ⁻¹
1	белая	5,5	12,0	0,0012	3,2	1,0	1,8	4,0	3,0	0,5	0,8	4,5	0,8	0,02	3500	6000	>20	100,0	30,0
2	белая	0,5	12,0	0,0014	5,5	<1	1,8	3,0	2,5	0,5	0,8	5,8	0,5	0,0055	8,5	0,5	>20	>100	30,0
3	белая	2,2	8,5	0,0012	12,0	<1	3,5	5,5	4,5	1,5	1,2	4,5	0,8	0,0045	1000	800	>20	40,0	35,0
4	желтая	50,0	8,5	0,00003	1,2	15,0	8,5	3,0	2,5	0,5	2,0	3,8	0,8	1	8000	15000	20,0	80,0	25,0
5	желтая	5,5	10,0	0,0012	3,5	<1	0,5	2,2	2,5	0,8	0,1	4,8	1,5	0,05	2000	15000	>20	>100	20,0
6	желтая	8,5	6,5	0,00008	2,8	<1	5,5	2,0	1,2	2,8	0,3	3,5	0,3	0,025	18000	35,0	>20	12,0	15,0
7	синяя	8,5	15,0	0,1	5,5	<1	2,5	4,0	3,0	0,3	0,5	3,5	0,8	0,015	1000	1500	15,0	80,0	30,0
8	синяя	1,8	25,0	0,5	2,5	<1	1,5	4,0	3,5	1,2	0,3	4,5	0,8	0,015	500,0	80,0	>20	>100	18,0
9	синяя	0,5	18,0	0,4	4,5	<1	0,8	2,0	3,0	1,2	0,3	5,5	1,5	0,0075	350,0	50,0	>20	>100	15,0
10	синяя	0,3	8,5	0,15	7,5	<1	10,0	4,0	5,0	3,2	0,3	6,5	2,5	0,12	12,0	20,0	>20	>100	18,0
11	синяя	2,5	20,0	0,12	15,0	<1	10,0	5,0	3,5	1,2	1,2	3,5	1,5	0,03	1500	500	>20	20,0	20,0
12	синяя	30,0	25,0	0,3	2,2	<1	3,5	4,0	4,5	1,5	1,5	5,2	2,0	0,025	4000	4000	10,0	>100	30,0
13	бирюзовая	40,0	10,0	0	3,2	<1	3,8	4,0	4,5	0,8	1,2	4,5	1,5	0,35	6500	10000	10,0	>100	28,0
14	бирюзовая	3,5	18,0	0,0025	7,5	<1	10,0	3,0	4,5	0,8	0,5	7,5	2,5	0,5	25,0	50,0	15,0	>100	25,0
15	бирюзовая	0,5	8,5	0,00008	3,5	<1	0,5	2,0	2,5	0,5	0,8	4,5	0,8	0,3	1000	2500	>20	>100	25,0
16	бирюзовая	10,0	12,0	0,00008	10,0	4,5	7,5	4,5	3,5	0,5	0,8	3,2	0,8	1	6500	10000	12,0	60,0	30,0
17	бирюзовая	2,5	8,5	0,00005	3,5	<1	3,5	3,0	4,8	0,8	1,8	5,5	1,8	1	70,0	50,0	>20	80,0	25,0

и др., 2011. С. 9). Медь в качестве красителя отмечена в 4 пробах: 3 – бирюзовые (табл. 1, ан. 14, 16–17), 1 – желтая (табл. 1, ан. 4) глазури. Кобальт как ионный краситель обладает таким сильным красящим действием, что уже 0,001% его при отсутствии других красителей окрашивает стекло в заметный голубой цвет, в глазурях интенсивный синий цвет обеспечен при 0,5–1% CoO (Галибин, 2001. С. 37). В наших шести пробах синей глазури содержание кобальта составляет 0,1–0,5% (табл. 1, ан. 7–12).

В качестве красителей в желтый и белый цвета выступали соединения свинца и олова – Pb₂Sn₂O₆, PbSnO₃, SnO₂ (Валиулина и др., 2011. С. 17). В сочетании с оксидами меди глазурь приобретала желто-зеленый цвет. По нашей выборке видно, что содержание меди выше в пробах желтой глазури по сравнению с белой.

Один образец с высокосвинцовой глазурью указывает на более раннюю датировку данного изделия. В образцах глазурей рассмотренной выборки отмечено использование одинаковых красителей.

Валиулина С.И., Армарчук Е.А. Волков И.В., Стародуб Т.Х., 2011. Химико-технологическая характеристика глазурей памятников Хорезма и Золотой Орды // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 153. Кн. 3. С. 7–20.

Галибин В.А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение. 216 с.

Каталог выставки 1882 года Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете, 1882. Казань: Изд-во Императорского Казанского университета. 67 с.

А.Д. Огородников

*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
skif125@mail.ru*

МАСТЕРСКАЯ ПО РЕМОНТУ ОБУВИ В ЦАРЕВОКОКШАЙСКЕ XVIII–XIX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ЙОШКАР-ОЛЕ 2008 Г.)

В 2008–2010 гг. Поволжской археологической экспедицией проводились обширные охранные работы на территории исторической части г. Йошкар-Олы под строительство культурно-исторического комплекса «Царевококшайский кремль». В 2008 г. было раскопано 716 кв. м, в 2009 г. – 2254 кв. м, в 2010 г. заложен небольшой раскоп площадью 55 кв. м. По результатам исследований определено, что на данной территории находилась базарная площадь Царевококшайска в XVIII–XIX вв. На участке 10 под строительство юго-восточной башни КИК «Царевококшайский кремль» полностью исследована конструкция 1, которая является подклетом сруба с дощатым полом и остатками печи.

Конструкция 1 располагалась в кв. 2,5–7, 9–11 и представляла собой бревенчатый сруб 4 × 3 м, ориентированный длинной стороной по линии З–В. Внутри него обнаружены остатки лестницы. К северной стенке этого сруба в 40 см к западу от восточной границы кв. 10 подходит угол второго сруба, который проследить целиком не удалось, зафиксирован только его юго-восточный угол. Он ограничивает с юга и востока пятно темно-коричневого суглинка с углем и тленом, вытянутого с З на В, внутри которого вдоль границы кв. 9, 13 расположилось углистое пятно, завершающееся с востока прослойкой обожженной глины с большим содержанием кирпичной крошки, по всей вероятности, связанной с печью. Развал печи зафиксирован в виде скопления камней и изразцов (Археологическое изучение Йошкар-Олы, 2014. С. 58).

Ученый-этнограф В.А. Мошков, посетивший город в 1900 г., оставил следующее описание базарной площади: «Гостиного двора, хотя бы деревянного, такого, как мы встречаем в других маленьких городах или даже в селах, в Царевококшайске нет. Для лавок построены два миниатюрных подобия гостиного двора, на четыре–пять лавок каждый; остальные же лавочки имеют свои маленькие балаганы или просто торгуют с лотков». (Мошков, 1901. С. 718). Есть основание полагать, что конструкция 1 является частью этого «миниатюрного гостиного двора».

Нумизматический материал позволяет датировать конструкцию 1 (участок 10) серединой XVIII – серединой XIX в. Красноглиняные поливные изразцы и керамика, найденные в сооружении, также указывают на этот период.

На участке 10 в непосредственной близости от конструкции 1-10 зафиксировано 240 фрагментов кожи. Из этого количества 115 (48%) находок связаны с ремонтом обуви – это обрезки швов, детали вторичного раскроя, заплаты. Еще 67 (28%) находок – фрагменты низа обуви: каблуки, подошвы, заготовки для каблуков; несомненно, большинство их также являются ремонтными частями. Деталей верха всего 58 (24%), из них один фрагмент голенища, остальное – головки и задники, приблизительно треть – со следами вторичного раскроя.

Археологическая кожа вокруг и на месте конструкции 1 прослеживается с отметки -92 см, но до отметки -121 см зафиксировано всего 13 единиц, с отметки -150 см до отметки -155 см – 17. Массовые находки фрагментов кожи выявлены в трех пластах. Первый приходится на отметки от -169 до -178 см – 111 единиц кожи. Второй – от -189 до -211 см – 80 единиц. Третий пласт, на котором прослеживаются находки из кожи, расположен между -225 и -251 см; отсюда происходит 19 фрагментов, но про этот пласт требуется отдельное пояснение. По свидетельству участников раскопок, первый пласт кожи фиксировался полностью, на втором отбирались наиболее интересные находки. В третьем пласте за неимением времени фиксировались только те фрагменты кожи, которые можно было уверенно опознать как ту или иную деталь обувной конструкции (каблук, подошва, задник, головка). Для сравнения: фрагментов кожи, опознаваемых как каблук, подошва, задник, головка, на втором пласте 32, на первом – 34. Таким образом, можно предположить, что в районе конструкции 1 было от 300 до 400 фрагментов кожи, сконцентрированных на отметках от -169 до -251 см.

В заполнении сруба – конструкции 1 – обнаружены деревянные предметы: чекмарь, мутовки, донца деревянных кадок, а также три ножа – складной, черешковый (34,5 см длиной) и сапожный. Можно говорить о том, что часть этого инструмента является оборудованием сапожной мастерской.

В конце XIX в. «в мастерской мелкого самостоятельного сапожника, работающего с тремя учениками, находится следующий ассортимент сапожных инструментов: клещей – 3, молотков – 3, подпилков – 5, шлифовка – 1, шиль – 15, колодок – 30, колесо – 1, ножей – 5» (Кустарные промыслы..., 1894. С. 236). Обращает на себя внимание полное отсутствие на участке затяжных колодок (правда, одна оправочная была обнаружена в соседнем доме – сооружении 1 участка 13, идентифицируемом как винная лавка) и шильев как наиболее многочисленного инструмента сапожной мастерской.

На основании материала, найденного в сооружении, можно сделать следующие выводы. Мастерская существовала на одном месте продолжительное время, но со значительными перерывами – расстояние между пластами, содержащими массивы находок кожи, достигает 10 см. Основной профиль мастерской, исходя из полученного материала, – это ремонт обуви. Учитывая особенности размещения мастерской (базарная площадь), можно предположить, что мастер получал здесь заказы и выполнял мелкий ремонт на месте (установка каблуков, подшивка обуви, замена некоторых деталей) в базарные дни.

Кустарные промыслы Нижегородской губернии, 1894 / Сост. М.А. Плотников. Нижний Новгород: Типография Райского и Душина. 278 с.

Мошков В.А., 1901. Литературное приложение Нивы «Город Царевококшайск» (продолжение). № 5.

Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска (к 430-летию города), 2014 / Е.Е. Воробьева, П.С. Данилов, Ал.Ю. Зеленева и др. Йошкар-Ола: ОО ИПФ «Стринг». 180 с.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ХОЛОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКИ МЕТАЛЛА ЗАУРАЛЬСКОГО ЮВЕЛИРНОГО ЦЕНТРА НА ПРИМЕРЕ ПЕРСТНЕЙ БУЛГАРСКОГО ТИПА

На протяжении длительного времени выделение самостоятельных ювелирных центров на обширной территории от Среднего Поволжья до Зауралья затруднялось при описании такого вида украшений, как перстни болгарского типа. Однако сейчас ряд исследователей (А.А. Адамов, Н.Г. Брюхова, Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова, К.А. Руденко) выделяет три центра по изготовлению данной категории ювелирных изделий: Среднее Поволжье (Волжская Булгария), Северное Приуралье (Пермское Предуралье), Зауралье. Более изученными являются болгарский и предуральский центры художественной металлообработки, в то время как зауральский остается малоисследованным.

Перстни болгарского типа довольно часто встречаются на рассматриваемой территории; 10 перстней собраны на городищах Тобол-Тура и Ивановское, а также на неукрепленном поселении Инжура. Перечисленные памятники датируются XII–XIV вв. Ввиду того, что исследуемые украшения чаще всего относятся к XII–XIII вв., что соответствует времени существования городищ, вероятнее всего, и в Зауралье применима эта хронология (Адамов, 2008. С. 1). Перстни болгарского типа – это серебряные щитковосерединные перстни, украшенные гравированным узором, часто чернью. При выделении самостоятельных ювелирных центров большую роль играют техники изготовления украшения (в данном случае – техника гравировки). Изучая эти техники, также можно определить уровень металлообработки. Использование некоторых техник позволяет определять этнокультурные контакты населения.

Техника гравировки, вероятно, распространялась с запада на восток. Она появляется на территории Пермского Предуралья из Волжской Булгарии. К такому выводу приходит К.А. Руденко, исследуя орнаментальную композицию перстней: «местные направления и школы торевтов формировались на основе копирования оригинальных образцов или при переезде самих мастеров, а появление спроса на продукцию являлось результатом, с одной стороны, адаптации чужих художественных образов под собственную мифологическую картину мира у населения рассматриваемого региона, с другой – единого мультикультурного пространства, связанного как с этническим родством, так и с экономическими и политическими контактами» (Руденко, 2010. С. 360). Данную точку зрения поддерживает и А.А. Адамов, сопоставляя орнаментальные композиции на перстнях из Пермского Предуралья и Волжской Булгарии: «пермский (или Предуральский) центр по производству черневых перстней сложился при непосредственном участии болгарских мастеров» (Адамов, 2014. С. 48). Наиболее представительной кажется теория о первоначальном проникновении мастеров с последующим заимствованием техники местными ювелирами. Из 10 исследуемых перстней 3 являются привозными: их отличает общая обработка изделия (более аккуратная), форма щитка (шестиугольная вместо прямоугольной или квадратной), а также рисунок (утка) и его исполнение (преимущественно линейная гравировка).

Гравировка на собственно зауральских перстнях нанесена в основном зигзагообразным способом. Вероятно, это обусловлено тем, что подобный тип нанесения достаточно легок в исполнении и получается при ведении штихеля из стороны в сторону. Линейная гравировка присутствует либо в виде прямых, либо в виде желобков, которые также относительно просто получаются при ведении штихеля. Орнаментальные композиции с точки зрения сложности изготовления довольно просты. След от резца не слишком глубокий, что может свидетельствовать либо о шероховатости изделия, либо о недостаточной

заточке штихеля. Общая небрежность в исполнении изделий прослеживается на многих перстнях. Стоит отметить, что в целом аккуратность в изготовлении перстней «булгарского» типа на местных изделиях снижается.

Таким образом, характерными чертами для перстней болгарского типа из зауральского ювелирного центра являются: преобладание зигзагообразного способа нанесения гравировки над линейным, относительная простота орнаментальной композиции, неглубокий след от штихеля. Данные особенности могут создавать впечатление о низком уровне металлообработки в Зауралье. Это впечатление, однако, опровергается наличием черни и золочения на многих изделиях, что, несомненно, требует большого мастерства. Тем не менее, сравнивая центры Зауралья с Предуральем и Средним Поволжьем, можно отметить динамику от сложного – к простому. Для более полного рассмотрения ювелирных центров необходимы дальнейшие исследования.

Адамов А.А., 2008. Городища XII–XIV вв. в Тобольском Прииртышье [Электронный ресурс]. URL: http://www.tobolsk-expedition.ru/author/adamov/adamov_towns_near_irtish.pdf (Дата обращения 20.02.2017.)

Адамов А.А., 2014. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической конференции. Вып. 9. Пермь: ПГГПУ. С. 44–49.

Брюхова Н.Г., Подосенова Ю.А., 2015. Перстни «булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника Родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3. Самара: СамНЦ РАН. С. 304–311.

Руденко К.А., 2010. Этнокультурные контакты народов Западной Сибири и Поволжья в X–XV вв. по находкам художественного металла // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Матер. XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск. С. 357–360.

Л.В. Половников

*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
lv_polovnikoff@mail.ru*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЖИЛИЩ РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Жилище – ключевое достижение человеческой культуры (Матвеева и др., 2005. С. 100). Этнографические особенности в применении к жилищу могут проявляться в сходстве некоторых элементов конструкции либо в общей тенденции в их строении (Черных, 2008. С. 4).

Прежде чем искать этнографические сходства, стоит рассмотреть конструктивные особенности и детали интерьера жилищ родановской культуры. Несмотря на длительный период археологических исследований, на территории Пермского края изучено сравнительно немного средневековых жилищ. В статье, обобщающей результаты исследований материалов родановской культуры, – 27 жилищ с 12 памятников (Оборин, 1999). Более подробно особенности жилищ родановской культуры рассмотрены в монографии Е.М. Черных (Черных, 2008). Н.Б. Крыласова изучала особенности средневековых жилищ на территории Пермского края (Крыласова, 2016). На основании анализа этой источниковой базы сделаны выводы: жилища срубные, прямоугольной формы, наземные, с опорными столбами двухскатной кровли, имели глинобитный пол, в интерьере – очаги, хозяйственные ямы, нары, а перед входом – крытый тамбур.

Близкими по описанным выше конструктивным особенностям являются жилища финно-угорских племен. Это заметил В.А. Кананин, писавший, что для финно-угров Волго-Камья характерны наземные бревенчатые жилища, различающиеся лишь конструктивными деталями и внутренней планировкой (Кананин, 1985. С. 37). К примеру, жилище коми-пермяков «керку». «Керку», как утверждает Л.А. Шатров, это результат эволюции жилищ родановской археологической культуры (Памятники истории..., 1976.

С. 45). Она представляет собой небольшой прямоугольный сруб с двухскатной кровлей, с щелью для выхода дыма либо с охлупнем (коньком). Двухскатную кровлю в коми-пермяцких постройках («вевт») описала В.Н. Белицер (Белицер, 1958. С. 203). Бревенчатое жилище с двухскатной кровлей и щелью для выхода дыма можно было встретить у марийцев, данная постройка называлась «кудо» (Марийцы, 2010. С. 91). Следует отметить, что верхние венцы кровли в «кудо» опирались на бревна, крепившиеся на уровне условного потолка к торцевым стенам, что не давало крыше рухнуть. В родановских жилищах перед домом устраивался крытый тамбур (Черных, 2008. С. 81). В коми-пермяцком эпосе есть свидетельства о крытом тамбуре – «керка-воздь» – «место перед домом»: «Прошли через колотые дощатые двери в горницу...» (Кудым-ош и сын..., 1940. С. 135).

Родановские жилища имели каркасно-столбовую конструкцию (Крыласова, 2016, С. 72). Подобные сооружения существовали у удмуртов «куала» (Пономаренко, 2009). Нижние венцы опирались на врытые вдоль стен столбы, а верхние – на столбы, расположенные вдоль осевой линии жилища. Дым выходил сквозь щель между скатами. Потолок отсутствовал. Об отсутствии потолка можно косвенно судить по эпосу: «Пера богатырь, родившись, могучими руками достает кровли, согнувшись у верхнего конца покоев» (Кудым-ош и сын..., 1940. С. 137).

Размещение очага по осевой линии свидетельствует, что жилище было курным, топилось по-черному. Жилища с подобным расположением очага распространены у удмуртов («корка») и коми («керку») (Черных, 2008. С. 81).

Глинобитный пол, зафиксированный в родановских жилищах, можно было встретить в постройках коми-пермяков. Так, В.А. Оборин при раскопках Орла-городка («Кергедан» коми-пермяков) обнаружил усадьбу резчика кости, на участке которой находилась баня с глинобитным полом. Изба имела берестяное покрытие крыши, выделявшееся среди остальных построек. Автор раскопок датировал усадьбу XVI в. и считал ее коми-пермяцкую принадлежность бесспорной (Оборин, 1957. С. 145–164). Сшитые листы бересты были обнаружены и на Рождественском городище (Белавин, Крыласова, 2008. С. 40, цв. вклейка Е).

В.А. Оборин отмечал, что очажная конструкция в жилище превращается в глинобитную печь на рождественском этапе родановской культуры. Она заключена в деревянную раму (Оборин, 1999. С. 265). Аналогичная конструкция прослежена у коми-зырян в лесных избушках («вөр керка», «пывсян») до XX в. Изготавливался деревянный каркас – дуги из гибких жердочек, нижние концы были воткнуты в место для очага. Каркас обмазывали слоем глины, утрамбовывали и после того, как глина подсыхала, разводили огонь. В процессе топки деревянный каркас выгорал, глина обжигалась (Конаков, 1983. С. 38).

Таким образом, конструктивные особенности и детали интерьера жилищ родановской культуры прослеживаются по материалам этнографии среди финно-угорских народов. Не следует, однако, считать, что в Средние века были заложены основы финно-угорского дома. Скорее, можно говорить об универсальности отмеченных конструктивных особенностей жилищ и архаичных технических приемов при их строительстве.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Изд-во ПГПУ. 603 с.

Белицер В.Н., 1958. Очерки по этнографии народов коми XIX – начало XX в. М.: АН СССР. 392 с.

Кананин В.А., 1985. Средневековые поселения верховьев р. Камы // Новые источники по изучению древней истории Приуралья. Устинов: УдГУ. С. 30–45.

Конаков Н.Д., 1983. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в.: Культура промыслового населения таежной зоны Европейского Северо-Востока. М.: Наука. 248 с.

Крыласова Н.Б., 2016. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник Пермского научного центра. № 3. С. 63–76.

Кудым-ош и сын его Пера-богатырь (записал А. Крутецкий), 1940 // Альманах «Дружба народов». Кн. 5. М. С. 133–145.

Марийцы. Историко-этнографические очерки, 2005 / Ред. Н.С. Попов (отв. ред.), Т.Л. Молотова, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 91–107.

- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю., 2005. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск: Изд-во СО РАН. 228 с.
- Оборин В.А., 1957. Орел-городок – русский опорный пункт в Прикамье (XVI–XVII вв.) // Ученые записки Пермского университета. Т. 10. Вып. 3. С. 145–164.
- Оборин В.А., 1999. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, МарНИИ. С. 255–298.
- Памятники истории и культуры Пермской области, 1976 / Сост. Л.А. Шатров. Изд. 2. Пермь: Перм. кн. изд-во. 220 с.
- Пономаренко Е.В., 2009. Архитектурно-градостроительное наследие Южного Урала. Автореф. дис. ... докт. архитект. М. [Электронный ресурс.] URL: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569778&fl=5&sl=1> (Дата обращения 18. 12. 2016.)
- Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X–XI вв. // МИА. № 22. С. 33–96.
- Черных Е.М., 2008. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. 272 с.

П.И. Романов

*Новосибирский государственный педагогический университет
Pol777tip@yandex.ru*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ И АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ УМРЕВИНСКОГО ОСТРОГА: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Умревинский острог – первый пункт Российской государственности на территории Новосибирской области. Он был основан в 1703 г. сыном боярским Алексеем Кругликовым на правом берегу Оби (Соколовский, 1996. С. 8) и стал первым острогом на территории Новосибирского Приобья. Первым исследователем, собравшим сведения об истории этого административно-оборонительного пункта и изучившим материалы архивов Западной Сибири, стала Н.А. Миненко. Полученные данные она обобщила в монографии «По старому Сибирскому тракту» (Миненко, 1990). Археологическое изучение Умревинского острога начато в 1998 г. А.В. Шаповаловым, а с 2002 г. и по настоящее время острог как археологический объект исследует А.П. Бородовский. Результаты его работы представлены в монографии «Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг.» (Бородовский, Горохов, 2009).

В 2016 г. была организована работа по сопоставлению письменных источников и археологического материала с целью разностороннего, взаимодополняющего изучения Умревинского острога. В качестве письменных источников привлекались не использованные в исследованиях Н.А. Миненко документы фонда Д-107 «Умревинский острог и судная контора» Государственного архива Новосибирской области (ГАНО. Ф. 107), а также метрическая книга церкви Трех Святителей Умревинского острога за 1781–1784 гг., сохраняемая в том же архиве (ГАНО. Ф. 156). Данная метрическая книга – наиболее поздний делопроизводственный документ Умревинского острога, обнаруженный в архивах Сибири. Это позволяет предположить, что административно-оборонительное сооружение начало терять свое значение уже к концу XVIII в. В XIX в. на его территории разместилось кладбище (Бородовский, Горохов, 2009).

В процессе изучения документов мы установили процент детской смертности, составивший 60% от общего числа усопших, сопоставив результаты археологического исследования некрополя и данные метрической книги (Романов, в печати). В метрических книгах указаны причины смерти на территории прихода церкви Умревинского острога, записанные священниками: скоропостижная смерть, горячка, чахотка, удушье, опухли и паралич (ГАНО. Ф. 156). Эти данные имеют субъективный и непрофессиональный характер, но они расширяют наши представления о жизни жителей Умревинского острога XVIII в.

Информацию о повседневной жизни Сибири XVIII в. существенно дополняет археологическое изучение Умревинского острога, в ходе которого обнаружены такие предметы ежедневного пользования, как керамическая утварь – банки и горшки (Бородовский, Горохов, 2009).

В одном из дел Умревинской судной конторы находим: «1759 года августа 2 дня Умревинского присуду деревни Умревинской живущий Яков Кокшениев пришел в Умревинскую судную контору с его изветом. Запиской объявил: ... Иван Ларин помочь приходил в полночь ко двору к избе. ... А после того видел спустя из дому нашего из подполу вечером в ночные часы покрадено масло с пуд.» (ГАНУ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1. Л. 35).

Этот документ подтверждает наличие сельского хозяйства на территории острога, что уже предполагалось на основании находки лемеха (Бородовский, Горохов, 2009. С. 91).

Изучение корпуса архивных и археологических источников позволяет взглянуть на историю существования Умревинского острога с различных ракурсов. Также отметим несомненную ценность архивных документов при интерпретации археологического материала, поскольку знание предметов быта в конкретном культурно-географическом пространстве может значительно сузить число возможных вариантов интерпретации. Совместное изучение археологического материала и архивных документов и их корреляция актуальны для всех памятников культуры эпохи Сибирской колонизации.

Бородовский А.П., Горохов С.В., 2009. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, НГПУ. 244 с.

Миненко Н.А., 1990. По старому Московскому тракту. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во. 184 с.

Романов П.И., в печати. Проблемы и перспективы корреляции архивных документов и археологического материала на примере Умревинского острога // Вестник Томского государственного университета: история. № 1 (45).

Соколовский И.Р., 1996. Приказчик Умревинского острога Алексей Круглик и его отец (биографии двух «чиновников» XVII – нач. XVIII вв.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков. Регион. науч. конф. Тез. докл. Новосибирск. С. 8–9.

И.В. Стасюк

*Музей-усадьба Н.К. Периха, д. Извара
norroendreng@mail.ru*

КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКО-ЭСТОНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В X–XI ВВ.

По обе стороны современной русско-эстонской границы – в Причудье, Понаровье и на Ижорском плато – все более отчетливо вырисовывается круг своеобразных погребальных памятников X–XI вв., отличных от синхронных древностей как Эстонии, так и северной Руси: это могильники, содержащие грунтовые сожжения и труположения без каменных конструкций (рис. 1). Их изучение представляет интерес для истории русско-эстонских связей в раннем Средневековье и для понимания специфики культурных процессов в контактных зонах.

Наиболее изучен могильник Залахтовье, еще недавно казавшийся изолированным феноменом (Хвоцинская, 2004). Инвентарь его погребений представлен предметами, составляющими этнографический набор средневековых эстов: это одежные булавки с навершием из лопастей (Mägi, 1997. P. 65), богато орнаментированные браслеты – массивные ленточные с расширяющимися концами и узкомассивные дрововые (Mägi-Lõugas, 1995. P. 319), спиральные браслеты-наручи, массивные фибулы с трапециевидным сечением дуги, гранчатыми головками и чеканным орнаментом (Mägi-Lõugas, 1994. P. 481), перстни с четырьмя волутообразными завитками и дрововые гривны «с рыльцами».

Древнейшие погребения Залахтовья представлены сожжениями на стороне. Они помещались в грунтовых ямках, иногда под небольшими земляными насыпями или деревоземляными сооружениями типа «домиков мертвых». В XI в. они сосуществуют с труположениями в ямах, причем кремация постепенно вытесняется ингумацией. На рубеже XI–XII вв. над грунтовыми захоронениями начинают возводить невысокие насыпи, и в XII в. подкурганные ингумации становятся единственным способом погребения.

Исследователи давно отмечали специфику Залахтовья, выраженную в сочетании типично эстонских предметов с несвойственным Эстонии погребальным обрядом. Основным типом погребальных памятников в Эстонии в это время являются каменные могильники с сожжениями. Грунтовые сожжения без каменных конструкций редки (Selirand, 1974. P. 217–218; Tvauri, 2012. P. 264–265). Немногочисленные параллели залахтовским грунтовыми труположениям обнаруживаются на противоположном берегу Чудского озера, в могильниках Лахепере и Раатвере, что позволило рассматривать Залахтовье как единственный выплеск эстонского населения в новгородские владения.

Детальное рассмотрение могильников Причудья и Понаровья позволяет поместить его в более широкий культурно-исторический контекст. Близкие по обряду и инвентарю бескурганные сожжения открыты в могильниках Йьуга, Ольгин Крест, Скарятина Гора, Кунингакюля, Степановщина, Криуши (Ligi, 1993. P. 23–24). В последние годы на Ижорском плато выявлен ряд могильников с бескурганными кремациями и аналогичным вещевым набором (Ополье, Малли, Дятлицы и др.), могильник Ратчино исследован раскопками (Стасюк, 2012). К этому же кругу следует отнести недавно открытые грунтовые сожжения в южном Причудье в Сикселе и Селище.

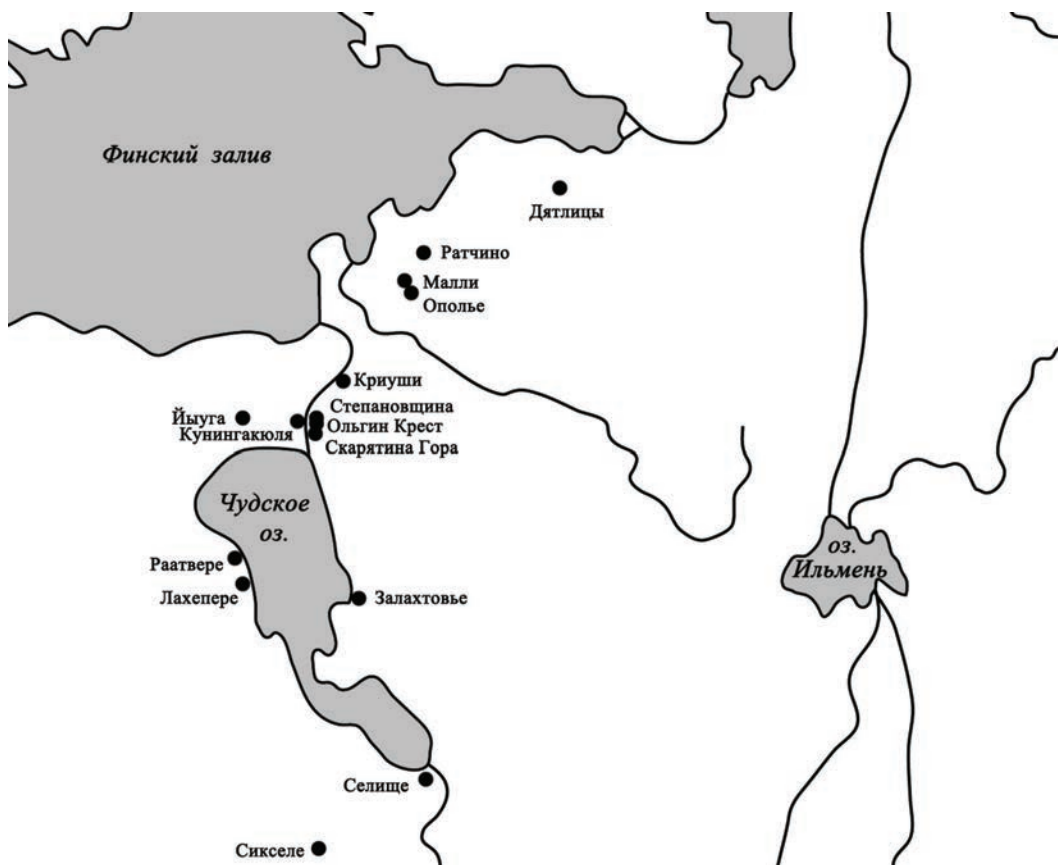

Рис. 1. Могильники с грунтовыми сожжениями X–XI вв. в Причудье, Понаровье и на Ижорском плато.

Появление в среде населения, материальная культура которого составляет единое целое с культурой Эстонии, чужеродного обряда погребения заставляет обратиться к поиску его истоков. Грунтовые сожжения без каменных конструкций известны точнее, на территориях, составляющих основу северной Руси с ее древнейшими центрами – Ладогой, Новгородом, Псковом, Белоозером. Возможно, феномен памятников круга Залахтовье–Ратчино объясняется вовлечением восточных групп эстов в X–XI вв. в процесс сложения Древнерусского государства и активными контактами с носителями ранней древнерусской погребальной обрядности.

Средневековые эсты под именем «чудь» известны русской истории с первых ее страниц. В Повести временных лет чудь фигурирует среди племен, призвавших Рюрика с братьями, затем в составе войск Олега и Владимира в походах конца IX – начала X в. Согласно «Саге об Олаве сыне Трюггви», посланники князя Владимира собирали для него дань в Эстонии в 970-е годы. Позднее он поселял «лучших мужей» из чуди в южно-русских городах. Это свидетельствует о тесных контактах Руси и эстов уже в раннем Средневековье. Видимо, наиболее активно в них участвовало население порубежных территорий, а расселение эстов в X–XI вв. простиралось значительно восточнее позднейшего нарвского рубежа.

- Хвощинская Н.В., 2004. Финны на западе Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин. 428 с.
- Стасюк И.В., 2012. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н.э. // *Stratum Plus*. № 5 / Отв. ред. Р.А. Рабинович, И.В. Стасюк. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 63–88.
- Ligi P., 1993. Vadjapärased kalmed Kirde-Eestis (9. – 16. sajand) // *Muinasaja teadus* 2. Tallinn. P. 7–175.
- Mägi M., 1997. Eesti merovingi- ja viikingiaegsed rinnanõelad – võbrapärased ja omad // *Eesti arheoloogiaajakiri (Estonian Journal of Archaeology)* 1. Tallinn. P. 26–83.
- Mägi-Lõugas M., 1994. Eesti viikingiaegsed hoburaudsõled ja nende ornament // *Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, Ühiskonnateadused* 43. Tallinn. P. 465–484.
- Mägi-Lõugas M., 1995. Eesti viikingiaegsed käevõrud ja nende ornament // *Muinasaja teadus* 3. Tallinn. P. 271–325.
- Selirand J., 1974. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11. – 13. sajand). Tallinn: Eesti raamat. 376 s.
- Tvauri A., 2012. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. (Estonian Archaeology 4.) Tartu University Press, Humaniora: archaeologica 384 p.

Е.В. Суханов

*Институт археологии РАН, Москва
sukhanov_ev@mail.ru*

АМФОРЫ КРЫМСКОГО ГОРОДИЩА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В работе излагаются результаты изучения амфорной тары Крымского городища – памятника салтово-маяцкой культуры, расположенного в Усть-Донецком районе Ростовской области¹. Коллекция амфорной керамики Крымского городища осмотрена нами в фондах Ростовского областного музея краеведения². Перед исследованием ставились две задачи – реконструкция объемов емкостей амфорной тары, поступавшей на поселение, и анализ исходного пластичного сырья. Для их решения были изучены 33 профильные части, происходящие от разных сосудов, а также отобраны 28 образцов для лабораторного анализа.

¹ В состав Крымского археологического комплекса входят два городища, четыре селища и грунтовый могильник. Точная локализация 1-го Крымского городища по-прежнему неизвестна. В данной статье речь идет о 2-м Крымском городище, для удобства обозначения которого мы опускаем номер.

² Раскопки А.А. Иванова 2006–2013 гг. Выражаю признательность автору работ за любезно предоставленное разрешение на дальнейшее использование рассматриваемых мною материалов, а также хранителю фонда «Археология» Ростовского областного музея краеведения Н.А. Николаевой за всяческое содействие исследованию.

Реконструкция объемов произведена на основании статистической обработки метрических параметров целых амфор с территории Крыма, Тамани, Подонья¹. Изучение исходного сырья производилось в лаборатории «История керамики» ИА РАН с помощью бинокулярного микроскопа МБС-2.

Объемы амфор реконструированы с различной точностью – от 1 до 4–5 стандартов. В ряде случаев оказалось возможным различить два размерных модуля – тара до 10–12 л, представленная желобчатыми амфорами, и более 15 л, сопоставляемая с глобулярными амфорами. Эти две группы представлены в материалах Крымского городища примерно в равном соотношении. В слоях В-Д (включая объекты, прослеженные на уровне указанных слоев) доля амфор, реконструкция объема которых возможна в пределах 15–30 л, составляет от половины до двух третей. В слое Б преобладают фрагменты амфор, реконструируемый объем которых составляет 5–12 л.

На основании качественного и количественного состава естественных примесей (Бобринский, 1999. С. 25–30) выделено 5 условных районов (Р) и 16 мест добычи исходного сырья. В качестве такового использовалась природная глина. Введение в формовочную массу искусственных примесей не отмечено. При сопоставлении районов добычи и информации по объемам амфорной тары было установлено: Р-1, Р-3 и Р-5 связаны с одним из размерных модулей: Р-1 с тарой 5–12 л, Р-3 и Р-5 – 10–30 л. Общая доля образцов из этих районов в материалах городища составляет менее половины – 42%. В отношении Р-2 и Р-4 подобных закономерностей проследить не удалось.

Таким образом, о широте торговых связей населения Крымского городища свидетельствует наличие амфор, для изготовления которых использовалось сырье из 5 различных условных районов добычи. Выводы, касающиеся динамики изменения импорта товаров в амфорах в течение существования поселения, в настоящее время несколько ограничены. Вероятно, на более позднем этапе функционирования городища произошло увеличение доли тары малых стандартов объема, о чем свидетельствует метрология профильных частей амфор из слоя Б.

При интерпретации результатов анализа исходного пластичного сырья нужно учитывать, что в VIII в. на территории Таврики начинают гончарную деятельность две группы мастеров. Они воспроизводили формы, связанные с двумя разными культурными традициями позднеримского времени (Паршина и др., 2001. С. 75–76). Первая связана с глобулярными амфорами больших стандартов объема, а другая – с желобчатыми амфорами гораздо меньшей вместимости. Материалы Крымского городища дают основание предполагать, что у представителей двух культурных традиций помимо отличий в формах и объемах наблюдалась разница предпочтений в используемом сырье, что представляется вполне оправданным. Данные о соотношении образцов из разных районов показывают: более половины привлеченных к изучению сосудов попало на поселение после того, как связь гончаров, производивших амфоры определенного «размерного модуля», с первоначальными источниками сырья, освоенными на первых порах деятельности, была разрушена. В качестве предположения можно высказать гипотезу, что нарушение этой связи стало следствием начала широкого распространения по территории Крыма амфорного производства, которое повлекло передвижения отдельных групп гончаров и культурные контакты между представителями различных традиций. По предварительным данным изучения форм амфор, начало этого процесса может приходиться на конец VIII – начало IX в.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 5–109.

Паршина Е.А., Тесленко Б., Зеленко С.М., 2001. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї / Гл. ред. М.И. Гладких. Київ. С. 53–79.

Суханов Е.В., 2015. Об объемах средневековых «причерноморских» амфор // КСИА. Вып. 240. С. 172–189.

¹ Предварительные результаты изучения объемов «причерноморских» амфор: Суханов, 2015. Методика реконструкции объемов не опубликована, в настоящее время находится на стадии апробации.

РАННИЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ КОНТАКТОВ СЛАВЯН И ФИННО-УГРОВ

В изучении контактов славян и финно-угров традиционно большое внимание уделяется периоду, непосредственно предшествующему образованию Древнерусского государства и сложению древнерусской народности. Особый интерес при этом вызывают финно-угорские племена Поочья и Верхнего Поволжья, которые явились тем субстратом, на котором сформировался русский этнос. Настоящее исследование посвящено начальному периоду истории изучения ранних контактов славян и финно-угров во II–VII вв.

Несмотря на свою очевидность, контакты славян и финно-угров в указанный период долгое время не могли найти подтверждения при анализе археологических материалов. Первое упоминание о присутствии вещей славянского облика в финно-угорских могильниках среднего и нижнего течения р. Оки с притоками можно обнаружить в труде В.В. Гольмстен «Хронологическое значение эволюции древних форм». Исследовательница прежде всего ставила перед собой задачу проследить изменения в некоторых формах украшений финно-угорского населения средней России и не была склонна к этнической интерпретации материалов, однако допускала их полиэтничность. Появление славянских элементов в ювелирном комплексе финно-угорских племен Поочья и Поволжья отнесено ею к VII–IX вв. (Гольмстен, 1923. С. 2, 14–15).

Более подробно об этнокультурных контактах ранних славян и финно-угров в работе «Железный век в Восточной Европе» писал Ю.В. Готье. По его мнению, существование этих контактов подтверждается присутствием небольшого количества трупосожжений на погребальных памятниках VII в., относящихся к древнемордовской культуре (Готье, 1930. С. 152).

На широком археологическом материале данная проблема рассматривалась А.П. Смирновым. В его труде «Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья» проанализирована историография вопроса. Исследователь подверг критике выводы предшественников, отстаивая точку зрения, согласно которой контакты между финнами и славянами были куда более глубокими и ранними, чем представлялось в 20–30-е годы XX в. Начало этих контактов в целом им отнесено к IV–VI вв. н.э. А.П. Смирнов, вслед за Ю.В. Готье, основываясь на данных мордовских могильников Тамбовской области, указал на возможность совместного проживания на территории бассейна р. Цны ранних славян и финно-угров, приводя в доказательство украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей и наличие захоронений, совершенных по обряду кремации (Смирнов, 1952. С. 152–156).

Наиболее обстоятельно тема ранних контактов славян и финно-угров рассматривается в работах П.Н. Третьякова 40–60 годов XX в. В первых своих исследованиях П.Н. Третьяков, подобно предшественникам, был склонен к применению этнической карты Восточной Европы IX–X вв. н.э. к реалиям первой половины I тыс. н.э. Например, памятники первой половины I тыс. н.э. костромского течения Волги определены им как кривичские (Третьяков, 1941. С. 90). Подобный подход изменился в 50–60-е годы XX в., когда были выделены археологические культуры.

В более поздних работах П.Н. Третьяков отмечал, что взаимодействие двух указанных этнических массивов началось задолго до середины I тыс. н.э. и относится к периоду проникновения зарубинецкого населения на территорию дьяковской культуры, что повлекло за собой ее трансформацию с появлением ряда черт, типичных для раннеславянской культуры. Время данного импульса отнесено им ко II в. н.э. (Третьяков, 1957. С. 64–67; 1960. С. 44).

Кульминацией в разработке П.Н. Третьяковым вопроса о ранних контактах славян и финно-угров является монография «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (Третьяков, 1966), где автор использовал всю накопленную доказательную базу.

В заключение необходимо отметить, что период 20–60-х годов XX в. стал временем накопления материала по проблеме ранних контактов славян и финно-угров. Тогда же были сделаны и первые предварительные наблюдения. Позже, в 1950–1960-е годы, когда были выделены археологические общности славянского и финно-угорского круга, исследователи перешли от оперирования большими этническими массивами или племенами к изучению контактов конкретных культур с четкой хронологией и археологическим комплексом.

Гольмстен В.В., 1923. Хронологическое значение эволюции древних форм. Самара. 137 с.

Готье Ю.В., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л. 280 с.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. (МИА. № 28.) М.: Изд-во АН СССР. 276 с.

Третьяков П.Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. (МИА. № 5.) М.; Л.: Изд-во АН СССР. 150 с.

Третьяков П.Н., 1957. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э. // СА. № 2. С. 64–77.

Третьяков П.Н., 1960. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура // СА. № 1. С. 36–46.

Третьяков П.Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Наука. 308 с.

В.Б. Трубникова

*Санкт-Петербургский государственный университет
barbarera@gmail.com*

РАННИЕ СЯНЬБЭЙ: КРАТКИЙ ОБЗОР КУЛЬТУРНЫХ ПРИЗНАКОВ

Изучение ранних сяньбэй позволяет, во-первых, проследить истоки культурного влияния на традицию сяньбэй, во-вторых, установить степень взаимодействия между сяньбэй и хунну.

Под ранними сяньбэй традиционно понимают несколько племенных групп, появившихся в начале I тыс. в Северном Китае. Их разное происхождение подтверждают локальные варианты погребального обряда. На уровне древней поверхности надмогильные сооружения не прослеживаются; погребения делались в ямах правильной прямоугольной формы глубиной до метра (реже – до 2 м). В заполнении ямы часто обнаруживают уголь и мелкие кости животных. Отсутствие каменных выкладок на поверхности, а также камней в заполнении ямы является одной из основных отличительных особенностей сяньбийских погребений. В основном захоронения совершались в четырехугольных дощатых гробах, расширенных в головной части, иногда двойных, реже – без деревянных конструкций вовсе. В ряде погребений встречается приступка над головой для сосуда. Иногда рядом клали череп коня, что характерно для многих кочевнических культур, в частности, хунну (Wei, 2009. P. 351–375; Wu, 2010. P. 18–54). Вариабельность погребального обряда является одним из признаков сяньбэй.

Другим важным признаком для определения памятников как сяньбийских является сопроводительный инвентарь. Следует кратко упомянуть два его наиболее характерных элемента.

Первый – это особый керамический материал. От хуннской керамической традиции он отличается, прежде всего, более простыми формами и отсутствием богатой орнаментации. Формовка горшков производилась вручную, большая часть сосудов имеет следы доработки на поворотном столике. Кувшинообразные сосуды и горшки баночной формы почти не украшались – редко встречается прорезной линейный орнамент под венчиком. Некоторые сосуды имеют на плечиках валик с насечками.

Второй элемент, ставший атрибутирующим признаком сяньбэй, – металлические пряжки и накладки. Самой узнаваемой вещью являются бронзовые поясные бляхи с «крылатыми лошадьми» (иначе «единорогами»). В похожем стиле выполнены нашив-

ные бляхи прямоугольной формы с фигурами животных (иначе описанных как олени или оленята), схематично изображенных стоящими рядом в профиль с головами, повернутыми в противоположную сторону от направления туловища. Встречается вариант накладок, где животные изображены более схематично, пространство между фигурами заполняется круглыми отверстиями. Следует отметить, что, хотя мотивы изображений уникальны, пряжки имеют общее сходство с хуннскими по способу крепления и оформления окантовки косыми насечками.

Ранние сяньбэй датируются серединой I – концом II в. н.э. Хронологическими реперами выступают обломки бронзовых зеркал поздней Хань (25–220 гг. н.э.) и монеты, среди которых особого внимания заслуживает монета периода правления Ван Мана (9–23 гг. н.э.) (Sun, 2007. P. 132–133). Эти даты в целом коррелируются с письменными источниками, по которым первое конкретное упоминание сяньбэй приходится на 49 г. н.э., в 93 г. часть хунну, поверженных сяньбэй, присоединилась к ним. Уже к 122 г. на страницах летописей появляется имя Таншихуая, основателя первого племенного союза сяньбэй.

Формирование в Северном Китае новых традиций погребального обряда и, особенно, уникальных изобразительных мотивов в металлопластике позволило исследователям поставить вопрос о поиске источника этих традиций. Преимущественно он рассматривался в эволюционистском ключе развития форм от простых к сложным. Однако до сих пор поиски не увенчались успехом. Так, к примеру, в погребениях зоргольской культуры (или зоргольской группы памятников) в Забайкалье отсутствуют характерные для сяньбэй пряжки, хотя анализ погребальной традиции и инвентаря позволяет определить памятники как сяньбийские.

Все вышесказанное дает возможность несколько иначе, чем раньше, интерпретировать материалы ранних сяньбэй. В китайской историографии традиционно принято разделять сяньбэй на два культурных типа, нашедших отражение в этнонимах сяньбэй-тоба и сяньбэй-мужун. Соответственно за археологическими материалами видят либо одну, либо другую группу сяньбэй. Но, очевидно, формирование сяньбийской культурной общности происходило из различных племенных объединений, что и объясняет разнообразие погребального обряда и керамических традиций.

Однако появление фигурных металлических пряжек, выдержанных в единой характерной стилистике, скорее всего, относится уже ко времени столкновения сяньбэй с хунну, у которых были заимствованы формы и отчасти стилистика изображений. Сяньбэй разработали лишь собственные уникальные символы – единорог, олень и т.д. В связи с этим искать сяньбийские памятники за пределами Китая следует, опираясь, в первую очередь, на многокомпонентность погребального обряда. Сяньбийские бронзы могут выступать лишь хронологическим индикатором для более поздних сяньбэй.

Sun Wei, 2007. Xianbei kaoguxue wenhua yanjiu / Archaeological study on the Xianbei culture. Beijing: Kexue chubanshe. 177 p.

Wei Zheng, 2009. Xianbei Muzang Yanjiu / A Study of Xianbei Tombs // Kaogu Xuebao. Vol. 3. P. 349–378.

Wu Songyan, 2010. Zaoqi xianbei muzang yanjiu / Study on the Tombs of Early Xianbei. Jilin. 221 p.

С.Н. Чаукин

*Институт археологии РАН, Москва
schaukin@mail.ru*

УКРЕПЛЕНИЯ ГОРОДИЩ ДЪЯКОВА ТИПА. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

Укрепления городищ дьякова типа неоднократно становились объектами исследований археологов. В первую очередь разрабатывались вопросы, связанные с функциональным назначением валов и их внутренней структурой. По результатам раскопок на Троицком и Кикинском городищах были созданы реконструкции оборонительных сооружений.

Работы на валах городищ Бужарово, Андреевское, Неждино, Троицкое, Саввино-Сторожевское, Барвихинское, Кунцево, Коробово, Дьяково и Ростиславль позволили детально изучить стратиграфию насыпей (Кренке, 1986. С. 90; Коваль, 2012. С. 53).

Анализ пространственной структуры системы укреплений городищ дьякова типа прежде никогда не проводился. В данной работе ставится задача проследить закономерности размещения городищ с 1, 2 или 3 ярусами валов и определить места концентрации поселений разных типов.

В Волго-Окском междуречье известно 430 городищ, данные о наличии оборонительных укреплений имеются на 334 памятниках, из которых на 188 расположены 1-ярусные валы, на 111 – 2-ярусные и только на 35 – 3-ярусные.

Анализ показывает, что городища с 1-ярусными и 2-ярусными укреплениями расположены равномерно по всему исследуемому региону, заметно тяготея к руслам основных водных магистралей, в то время как на притоках второго и третьего порядка количество поселений существенно меньше. Иная картина складывается при рассмотрении 3-ярусных городищ. Памятники данного типа образуют 4 скопления вдоль русел основных рек, таких как Волга и Москва-река. Обозначим их термином «кластер», наиболее подходящим для определения характера этих объединений. Кроме того, имеются 3-ярусные городища, не образующие скоплений и являющиеся единственными поселениями рассматриваемого типа в своих регионах.

Первый кластер расположен на звенигородском участке течения Москвы-реки: Звенигород – Зап. Москва. Здесь зафиксировано 7 памятников: Луцино, Саввино-Сторожевское, Дунино, Успенское, Барвихинское, Дятлова Поляна, Кунцево. Эти городища характеризует наличие культурных слоев, относящихся к древнейшему этапу дьяковской культуры VIII–VI вв. до н.э., к тому же, они были обитаемы на всех этапах функционирования городищ железного века (Кренке, 2011. С. 243). Другим важным сходством является расположение памятников на высоких узких мысах коренного берега Москвы-реки, в то время как другие городища этого региона находятся в иной топографической ситуации.

Второй кластер 3-ярусных городищ расположен на р. Волге, вытянут вдоль русла реки на большом расстоянии от Старицы до Дубны. Большинство памятников расположены непосредственно на коренном берегу Волги, на моренных холмах и грядах. Лишь два находятся в стороне, на притоках Волги.

Третий кластер с 3 рядами валов на городищах зафиксирован в среднем течении р. Угры. Особенность данного скопления в том, что все памятники данного типа имеют городища-спутники, расположенные на расстоянии 500–1000 м друг от друга.

Городища четвертого кластера расположены на вершинах моренных холмов по берегам небольших озер в окрестностях современного г. Бологое, в отличие от предыдущих скоплений, расположенных по берегам рек.

Н.А. Кренке в статье «Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки», анализируя материалы раскопок городища Кунцево, приходит к выводу о единовременности создания 3-ярусных валов в начале позднедьяковского этапа во II в. до н.э. – I в. н.э. (Кренке, 2016. С. 269). Соотнося эти результаты с нашими исследованиями, можно предположить, что в конце I тыс. до н.э. существовала четко спланированная система обороны определенных территорий.

Полученные данные удачно коррелируют с анализом плотности поселений, проведенным ранее в статье, посвященной ареалу дьяковской культуры (Чаукин, Успенский, 2016. С. 76. Рис. 2). Так, кластеры 3-ярусных городищ совпадают с участками наиболее интенсивного освоения в дьяковское время, что, по моему мнению, может свидетельствовать о существовании «локальных центров», требовавших создания продуманной системы оборонительных укреплений. Таким центром вполне мог быть участок в районе звенигородского течения Москвы-реки.

- Коваль В.Ю., 2012. Фортификация Ростиславльского городища в контексте памятников дьяковской культуры // Археология Подмосквья: Матер. науч. семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 53–69.
- Кренке Н.А., 1986. Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186. С. 90–95.
- Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН. 548 с.
- Кренке Н.А., 2016. Поздндьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Ранне-средневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). (Раннеславянский мир. Вып. 17.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 261–332.
- Чаукин С.Н., Успенский П.С., 2016. Ареал городищ дьякова типа // КСИА. Вып. 242. С. 71–80.

А.В. Шапиро

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва
kilkavkusno@gmail.com*

КЕРАМИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР РАЗВИТИЯ ПОРТОВОЙ И РЕМЕСЛЕННОЙ ЗОН ПОЙМЕННОЙ ЧАСТИ ГНЕЗДОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ X – НАЧАЛА XI В. ¹

В 2001–2012 гг. в пойменной части Гнездовского поселения исследованы ремесленная мастерская (раскоп П-8) и портовая зона (раскоп ДП-1). Цель данной работы – предложить версию хронологического и стратиграфического соотношения эти двух зон.

К настоящему времени для указанных участков полностью обработана только часть полевых материалов, и вопрос соотношения портовой и ремесленной зон актуален. Единственным критерием их хронологического и стратиграфического сопоставления пока может стать лишь сравнительная характеристика лепной и круговой керамики. Этот метод был верифицирован ранее при публикации материалов 2001–2003 гг. ремесленной мастерской раскопа П-8 (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 68–72).

На раскопе П-8 в 2001–2006 гг. исследовано 192 кв. м. Состав находок позволяет говорить о том, что в X – начале XI в. здесь располагался ремесленный центр, связанный с обработкой металлов – кузнечным и ювелирным делом (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 31). По материалам раскопок 2001–2003 гг. было выделено 4 хронологических этапа развития центра². Материалы 2004–2005 гг. (в 2005 г. участок ремесленной мастерской был исследован полностью) не обрабатывались и используются как вспомогательные. Этапы I–III относятся к первой половине X в.; этап IV разделен на горизонты «а», «б» и «в» и относится ко второй половине X – началу XI в. Между ранней (I–III) и поздней (IVа–в) свитами слоев расположен так называемый горизонт нивелировки, маркирующий этап разрушения построек этапа III и перепланировку на этапе IVа.

В 80 м к югу от раскопа П-8 на берегу средневекового русла Днепра в 2007–2012 гг. исследован участок площадью 257,6 кв. м, связанный с портовым хозяйством Гнездова (раскоп ДП-1). Выделено 6 хронологических горизонтов, которые так же, как и на раскопе П-8, формируют раннюю (гор. 4–6) и позднюю (гор. 1–3) свиты слоев. По керамическому материалу гор. 4–6 датируются второй четвертью X в., гор. 1–3 – второй половиной X в. (Мурашева, 2014. С. 200). Авторы раскопок предполагают, что на этом участке осуществлялся прием и обслуживание судов (Мурашева, Фетисов, 2012. С. 288–299; Мурашева, 2014. С. 200).

В рамках поставленной задачи нами была проведена предварительная сравнительная работа со статистическими таблицами керамической коллекции двух исследуемых участков.

¹ Автор выражает благодарность руководителю Смоленской археологической экспедиции ГИМ В.В. Мурашевой за возможность использования материалов раскопок пойменной части Гнездовского поселения.

² Обоснования датировок и описание стратиграфии раскопа П-8 см.: Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 31–77.

Табл. 1. Процентное соотношение лепной и круговой керамики раскопа ДП-1 (2007–2012 гг.)

Горизонт	Лепная	Круговая
	%	%
СГ 6	70	30
СГ 5	61	39
СГ 4	53	47
СГ 3	9	91
СГ 2	2,5	97,5
СГ 1	5	95

Табл. 2. Процентное соотношение лепной и круговой керамики раскопа П-8 (2001–2003 гг.)

Этап	Лепная	Круговая
	%	%
I	100	0
II	87	13
III	36	64
«горизонт нивелировки»		
IVa	9	91
IVб	5	95
IVв	8	92

Из приведенных данных (табл. 1; 2) видно, что горизонт 6 ДП-1 предварительно можно соотносить с этапами I–II П-8; горизонты 4–5 ДП-1 – с этапами II–III П-8. Позднюю свиту горизонтов 1–3 ДП-1 – с этапом IVa–в П-8. В связи со слоями второй половины X в. обоих раскопов обращает на себя внимание интересная деталь. При одинаковом показателе лепной керамики для горизонта 3 ДП-1 и этапа IVa П-8 (9%) на следующем этапе на обоих раскопах процент лепной керамики снижается (2,5% в гор. 2 ДП-1 и 5% на этапе IVб П-8), а в следующем этапе возрастает (до 5% в гор. 1 ДП-1 и до 8% на этапе IVв П-8). Можно предварительно соотносить горизонт 2 ДП-1 с этапом IVб П-8; горизонт 3 ДП-1 – с этапом IVa П-8; горизонт 1 ДП-1 – с этапом IVв П-8.

Безусловно, предложенный вывод о хронологическом соотношении двух участков носит предварительный характер. Однако сопоставление горизонтов ДП-1 и этапов П-8 по керамической коллекции в дальнейшем может выступить вспомогательным фактором в процедуре создания относительной хронологии пойменной части Гнездовского поселения.

Мурашева В.В., 2014. «Град велик и мног людьми». Некоторые итоги исследования Смоленской экспедиции Исторического музея // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. (Тр. ГИМ. Вып. 201.) М. С. 187–203.

Мурашева В.В., Енисова Н.В., Фетисов А.А., 2007. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В.В. Мурашева. М. С. 31–77.

Мурашева В.В., Фетисов А.А., 2014. Портовые зоны Гнездова // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ: «Стародавній Світ». С. 287–293.

**ПОДКОВООБРАЗНЫЕ И КРУГЛЫЕ ФИБУЛЫ С РЕБРИСТЫМ КОРПУСОМ
И ЗВЕЗДЧАТЫМИ НАВЕРШИЯМИ В РАМКАХ КОНТАКТОВ
НА БАЛТИКЕ В XI–XIII ВВ.**

Подковообразные фибулы со звездчатыми навершиями и круглые фибулы с аналогичным ребристым корпусом – частая находка в ареале западных балтов XI–XIII вв. Существует несколько региональных и хронологических форм таких застежек.

Эти фибулы производились в основном на территории куршей, пруссов, скальвов, а также на о. Готланд с первой половины XI до середины XIII в., но в некоторых случаях могли носиться и позже (Carlsson, 1988. P. 24–29, 73–74; Niewęglowski, 2009; Thunmark-Nylén, 2000. P. 173, Fig. 3; Скворцов, 2010. С. 63–65; Širouchov, 2012. P. 23–28). Поскольку детальная типология подковообразных фибул пока не создана, автор пользуется готландской типологией А. Карлссона (Carlsson 1988), с указанием на свои «временные» подтипы (рис. 1).

Общие признаки для типа: полукруглый в сечении корпус, покрытый 5–12 декоративными ребрами, и четырехугольные навершия с вытянутыми, напоминающими звезды окончаниями. Последние характерны для I и II подтипов. В III подтипе они исчезают, при этом остаются признаки предыдущего подтипа «звездчатых фибул»: форма и декор корпуса, шарнирное крепление иглы, особенности отливки и даже ремонта.

Наиболее ранними считаются крупные фибулы (8–11 см в диаметре), относимые А. Карлссоном к типам TRA:KSV/LA и TRA:HSV/LA, а здесь к I подтипу. Они бытуют на протяжении всего периода существования типа и наиболее распространены на территории куршей и их соседей, а также у даугавских ливов и готландцев. Сегодня известно более 200 экз. этих фибул, найденных в основном на территории Западной Литвы и Латвии (ареал куршей). На Готланде автору известны 9 экз., при этом многие из них отличаются от предполагаемых балтских прототипов. На территории пруссов пока известно только 3 фрагмента фибул I подтипа (Širouchov, 2012, P. 24; Shiroukhov, 2016). С середины XI в. эти фибулы сосуществуют с более компактными застежками II.2 подтипа с навершиями, соединенными перемычкой (Bliučienė, 1999. P. 128–129). А. Карлссон относит их к типу TRA:HSVFÖ/LA. Они характерны, прежде всего, для пруссов, в меньшей степени – для куршей (27 экз.), готландцев (не менее 6 экз.) и редки у ятвягов (4 экз.). На территории скальвов известен один фрагмент фибулы подтипа II.2 (Shiroukhov, 2016). Об украшениях данной разновидности можно говорить как об одном из наиболее ярких индикаторов «классической» культуры пруссов в позднем железном веке (Engel, La Baume, 1937. P. 192; Širouchov, 2012. P. 25–26). На сегодняшний день на компактной территории Самбийского полуострова известно не менее 190 таких фибул и их фрагментов (Širouchov, 2012. P. 25; Shiroukhov, 2016). Застежки II.2 подтипа, в свою очередь, сосуществуют с генетически связанными с ними круглыми фибулами III подтипа на территории пруссов, куршей, ливов и готландцев. Относимые к типу SLU:/LA по А. Карлссону, круглые фибулы с ребристым корпусом и аналогичным фибулам подтипа II.2 шарнирным креплением иглы также являются популярным украшением пруссов (более 60 экз.), скальвов (13 экз.), южных куршей (12 экз.) и готландцев (не менее 8 экз.) (Shiroukhov, 2016).

Некоторые разновидности рассматриваемых изделий имеют локальную специфику. Экземпляры I подтипа, частые для куршей, редки для пруссов. А фибулы III.2 подтипа являются характерным украшением населения нижнего Понеманья (Griciuvienė, Grižas, 2009. P. 342–343; Budvydas, 2007. P. 110–113. Pav. XI).

Эволюция типа связана с уменьшением размеров и эргономичностью изделий. При этом все последующие подтипы, однажды появившись, сосуществуют, встречаясь в одних и тех же комплексах на протяжении всего периода бытования типа. В восточно-

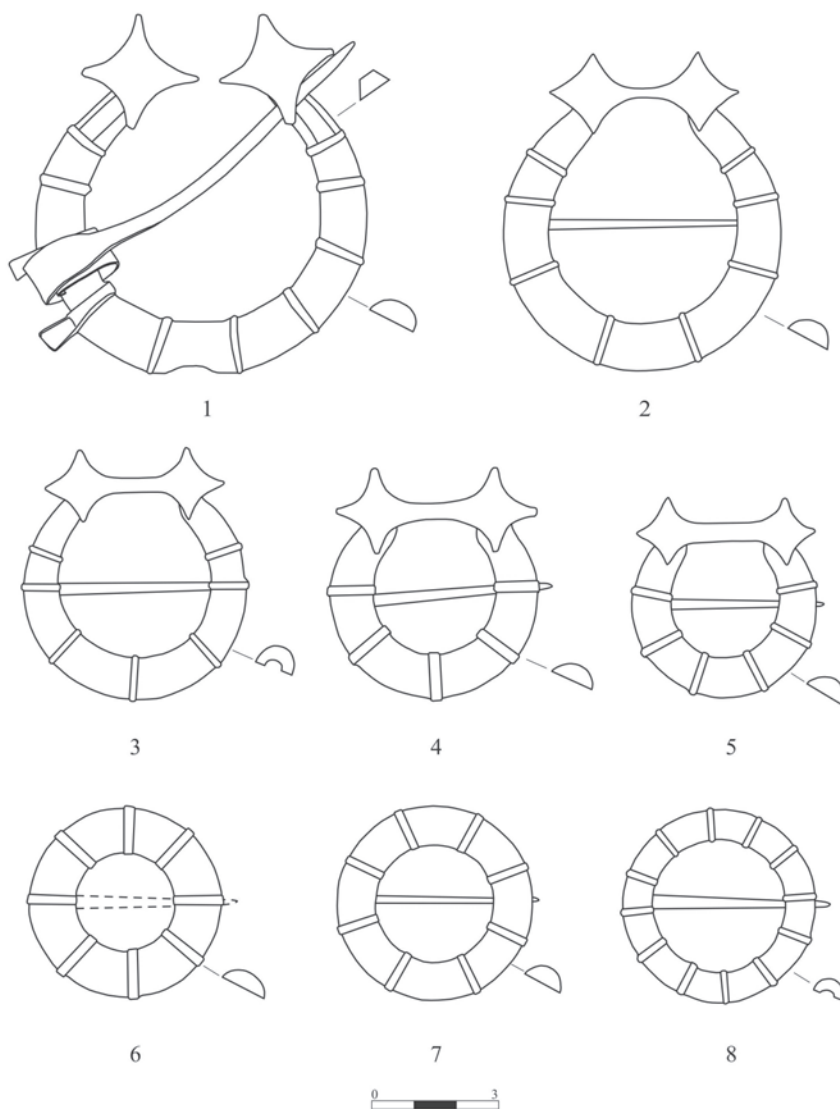

Рис. 1. Фибулы подтипов I (1), II.2 (2–5) и III (6–8).

1 – Бандужяй (MLIM 217); 2–3, 5, 7 – Шоссейное (КГОМ 17896.12, 7, 8, 10); 4 – Гр. Фридрихсберг (ОРМ 2762); 6, 8 – Шульштайн (КГОМ/ОРМ).

балтийском регионе все три подтипа «звездчатых фибул» встречаются в основном в мужских погребениях-кремациях и могут быть связаны с «дружинными» древностями (Широухов, 2011. С. 174–175). Вероятно, поэтому все они «выходят из моды» к середине XIII в., времени, связанном с большими политическими и социальными изменениями в регионе.

Представительная выборка и стандартные формы рассматриваемых украшений позволяют разработать надежную типологию и уточнить хронологию в рамках восточно-балтийских древностей. Обладая широкой зоной распространения (учтены единичные находки в Волковыске, Пскове и около Эккертфёрде), эти фибулы являются источником исследования межкультурных контактов и импульсов в бассейне Балтийского моря.

Скворцов К.Н., 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область) по результатам исследований 2008 г. Т. 1. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15.) М.: ИА РАН. 302 с.

Широухов Р.А., 2011. Контакты пруссов и куршей X–XIII вв. по археологическим источникам // Lietuvos Archeologija. Т. 37. Vilnius: Diemedžio I-la. P. 167–206.

Bliujienė A., 1999. Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika. Vilnius: Diemedžio I-la. 299 p.

- Budvydas U., 2007. Viešvilės kapinynas I bei neįtvirtinta gyvenvietė // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2005 m. Vilnius. P. 110–113.
- Carlsson A., 1988. Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog. Stockholm. 275 p.
- Engel C., La Baume W., 1937. Kulturen und Völker der Frühzeit in Preußenlande. Königsberg: Gräfe und Unzer. 291 p.
- Griciuvienė E., Grižas G., 2009. Kuršiai. Genties kultūra laidosenos duomenimis / The Curonians. Tribe Culture According to the Burial data // Baltų archeologijos paroda. Katalogas / Baltic Archaeological Exhibition. Catalogue. Vilnius: LNM, LNVM. 462 p.
- Niewęglowski A., 2009. Wczesnośredniowieczne zapinki podkowiaste z gwiazdzistymi zakończeniami z ziem bałtyjskich. Praca licenzyjska na kierunku Archeologia w zakresie Archeologii Wczesnego Średniowiecza. Warszawa. 64 p.
- Shiroukhov R., 2016. Vakarų baltai tarp vikingų ir kryžiaus žygių. Pietryčių Baltijos jūros regiono raida X/XI–XIII a. pirmoje pusėje. Vilnius; Klaipėda. Manuscript.
- Širouchov R., 2012. Prūsų ir kuršių kontaktai XI–XIII amžiaus pradžioje archeologijos duomenimis. Daktaro disertacija. Humanitariniai mokslai, istorija (05 H). Klaipėda: Klaipėdos universiteto I-la. 336 p.
- Thynmark-Nylén L., 2000. Some Notes on the Contacts Between Gotland and the East Baltic Area // Archaeologia Baltica. № 4. Klaipėda: Klaipėdos universiteto I-la. P. 173–180.

О.О. Шишкина

Кемеровский государственный университет

haruki.yoko@yandex.ru

ПЕТРОГЛИФЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИСКУССТВА ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ТЕПСЕЙ)

Тепсейский микрорайон богат своими археологическими материалами (поселения, погребения, изобразительные источники). Особую категорию представляют материалы таштыкской культуры (I–V вв. н.э.) (Грязнов, 1979. С. 90). В тепсейских склепах были найдены: орнаментированная керамика, парные металлические фигурки головок коней, деревянная посуда с орнаментом, фигурки животных, астрагалы косуль с вырезанными знаками и рисунками, погребальные маски, а также деревянные плакетки с резными рисунками (Грязнов, 1979. С. 89–146. Рис. 59–62), благодаря которым удалось датировать таштыкским временем целую серию петроглифов на скалах Минусинской котловины. На планках изображены животные и батальные сцены, представляющие, очевидно, сцены из эпоса. В такой же манере выполнен рисунок на ящике-гробике с захоронением ребенка из 2-го склепа в пункте Тепсей III, интерпретированный как фигура служителя культа или воина (Вадецкая, 2000. С. 16).

Отдельной категорией источников являются петроглифы таштыкской культуры, обнаруженные как на скальных выходах горы Тепсей, так и на курганных камнях, расположенных у ее подножия. До недавнего времени они были почти неизвестны, поэтому как вид источников оказались недооценены. Лишь за последние годы их круг значительно расширился благодаря работе кемеровских археологов. Ранее были введены в научный оборот единичные выбитые изображения, представленные фигурами лучников и животных, выполненных в традиционной таштыкской манере (Blednova, Francfort, 1995. Pp. 17–19.2, 20.1). Недавно открыты и новые сюжеты: всадники на конях, фигуры животных, выполненные довольно грубо, но с выраженной таштыкской подогнутой ножкой.

Гравированные рисунки ранее практически не были известны, за исключением одной плоскости (Панкова, 2004. Рис. 2). Благодаря совершенствованию методов документирования нами выявлен целый ряд гравировок, относящихся к таштыкскому времени, в частности, петроглифы на двух камнях шестикаменного кургана подгорновского времени. На них изображены бык, олень, птица и хищные животные с оскаленными пастьями. Анализ этих изображений – предмет для отдельной публикации, отметим лишь, что в

таштыкскую эпоху были широко распространены поминальные тризны. При совершении поминальных обрядов одной из их составляющих могло быть нанесение на находящиеся рядом камни (атрибуты могил более ранних времен) рисунков. Более того, в 100 м от камней с вышеописанными изображениями найдены три сосуда, поставленных вверх дном, а еще немного дальше – яма с керамикой, костями животных, отнесенными к таштыкскому времени (Грязнов, 1979. С. 89) (остатки тризн?). Обработка гравированных рисунков продолжается, поэтому не исключена возможность выявления новых сюжетов, связанных с таштыкской культурой.

Техника нанесения всех рассмотренных рисунков различна; нередко при детальном осмотре плоскостей выявляются гравированные линии – эскизы будущих фигур; гравированные композиции более детализированы, изящны, напоминают резные рисунки плакеток или знаки на астрагалах. Возможно, технология нанесения изображений была схожа, отличался лишь материал, на который они наносились. Очевидно, две техники сосуществовали, дополняли друг друга.

Таким образом, петроглифы значительно расширяют наши представления об искусстве таштыкской эпохи. Сегодня стало очевидно, что таштыкское население активно использовало для создания очень важных для них изображений не только бересту, кость, дерево, но также открытые скальные поверхности и курганные камни. Таштыкцы широко применяли красящие вещества: плакетки, посуда, глиняные маски были изначально раскрашены, но после воздействия огня (склепы по погребальному обряду сжигались) краска практически не сохранялась. Не исключаем, что краска применялась и при нанесении наскальных рисунков. Искусство было неотъемлемой и очень значимой частью жизни таштыкцев. Петроглифы являются важным историческим источником, позволяющим не только воссоздать облик самих создателей рисунков (внешний вид, занятия и т.д.), но и проникнуть в мир знаковых зооморфных персонажей, сцены с которыми они запечатлевали не только на нестойких материалах, но и на камне.

Вадецкая Э.Б., 2000. Антропоморфное изображение на стенке ящика-гробика (по материалам раскопок таштыкского склепа 2 под горой Тепсей) // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тез. докл. Всеросс. науч. конф. Омск. С. 15–17.

Грязнов М.П., 1979. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука. С. 89–146.

Панкова С.В., 2004. Таштыкские гравировки на Тепсее // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. Горно-Алтайск. С. 52–60.

Blednova N.P., Francfort N., 1995. Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris. 153 p.

М.С. Яковчик

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
jack_sparrow_3@mail.ru*

ЗОЛОТНЫЕ НИТИ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ X В.

Золотные или металлические нити используют для декорирования текстильных изделий (в первую очередь одежды) со II тыс. до н.э. На территории Древней Руси самые ранние находки таких нитей датируются первой четвертью X в. (Михайлов, 2010. С. 272); они были обнаружены при раскопках ряда поселений (Гнездово, Рюриково городище, Старая Ладога), могильников (Гнездово, Тимерево, Шестовицы, Псков, Киев, Чернигов, Опса (Витебское Подвинье)) и в одном кладе (Гнездово). Общее количество учтенных изделий из металлических нитей составляет около 90 экземпляров, отдельных фрагментов золотных нитей – около 1200.

Классификация золотных нитей. Для Древней Руси характерно разнообразие типов металлических нитей. Наиболее часто встречаются пряденые нити диаметром 0,2–0,5 мм, представляющие собой тонкую узкую полоску благородного металла, спи-

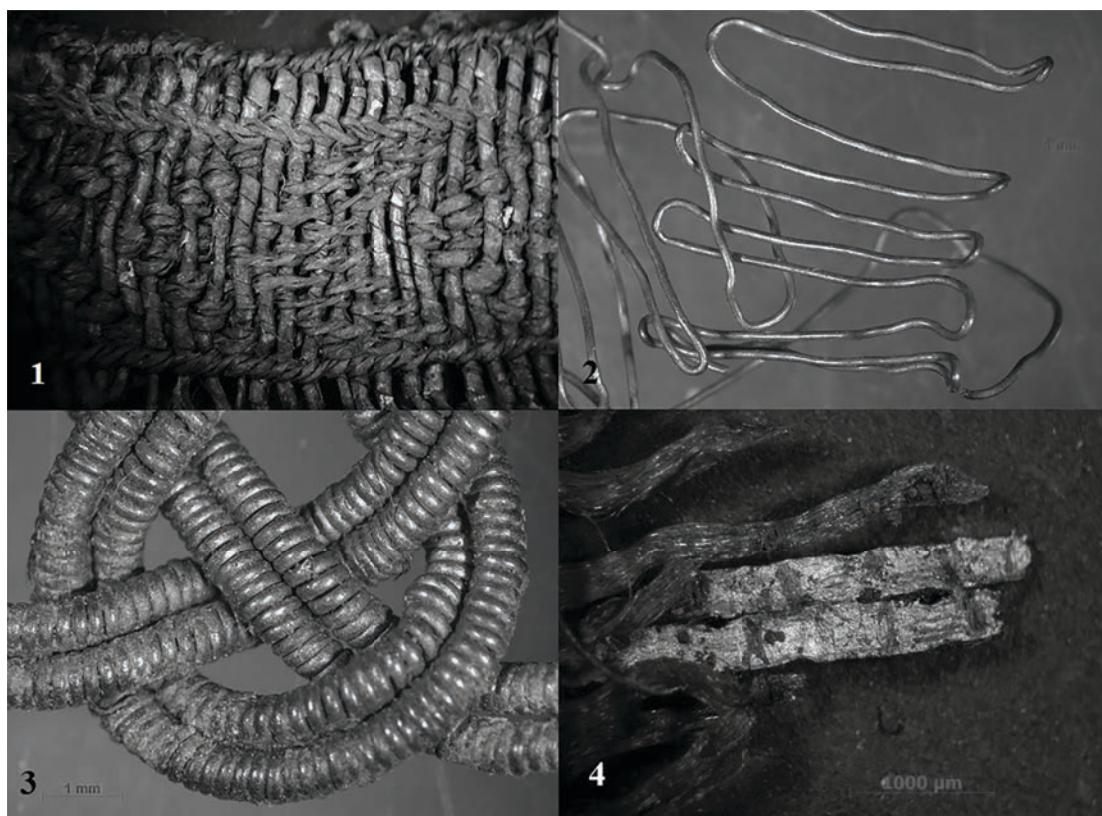

Рис. 1. Золотные нити.

1 – пряденые, 2 – проволока, 3 – канитель, 4 – плоские на кожаной основе.

рально навитую на органический сердечник – шелковую или льняную нить (рис. 1: 1). Они производились преимущественно из золота и серебра высокой пробы, в редких случаях – из низкопробного серебра или серебра, покрытого слоем позолоты при помощи амальгамирования.

Другим распространенным типом металлических нитей была круглая в сечении волооченая проволока диаметром 0,2 мм. В основном такие нити производили из серебра, реже – из золота (рис. 1: 2).

Еще один вид металлических нитей – канитель диаметром 0,6–1 мм, состоящая из волооченной проволоки из высокопробного серебра или – реже – из золота, накрученной спиралью на органический сердечник (рис. 1: 3).

Наиболее редкими были плоские металлические нити на позолоченной органической подложке. Один из вариантов такого типа изделий – нити, представляющие собой узкую полоску кожи шириной 0,3–0,4 мм, покрытую с одной стороны тонким слоем золота (рис. 1: 4). Другой вариант – пряденые нити (диаметром 0,2–0,5 мм), состоящие из навитой на шелковый сердечник позолоченной серозной оболочки кишечника животного. В рассматриваемый период золотные нити этих типов были характерны для Китая (Orfinskaya, Pushkina, 2011). На территории Древней Руси X в. они зафиксированы только в двух гнездовских курганах.

Классификация изделий из золотных нитей. Металлические нити использовались для создания парчовых тканей, лент, вышивки и разнообразных плетеных позументов.

Парча – узорная ткань, при создании которой используются шелковые нити в качестве основы и шелковые нити в качестве базового и металлические нити в качестве дополнительного (узорообразующего) утков. Фрагменты изделий из парчи обнаружены в курганах Гнездова, все они выполнены с использованием золотных нитей на органической подложке (Orfinskaya, Pushkina, 2011. P. 42).

Ленты, сотканые на дощечках, были довольно популярны в Средние века, в том

числе и в Древней Руси. При создании таких лент в качестве основы использовались шелковые и льняные нити, в качестве утка – шелковые и золотные нити (пряденые или проволока). Орнамент состоит в основном из комбинаций геометрических элементов: ромбов, крестов, S-видных завитков и плетенок (рис. 1: 1).

Вышивкой, выполненной прядеными золотными нитями, декорировали преимущественно шелковые детали костюма: воротники, манжеты и головные уборы (Фехнер, 1993).

Из металлических нитей плели разнообразные декоративные позументы в виде шнуров, узелков и др., которые использовались для отделки одежды (рис. 1: 3) (Geijer, 1938. P. 99–125). Позументы изготавливались из пряденых золотных нитей, волоченой проволоки, канители.

Определение места производства золотных нитей и изделий из них – сложный вопрос. Для его решения необходимо исследовать технику изготовления и стилистические особенности таких изделий и сравнить их с аналогами. Так, многие находки X в. с территории Древней Руси имеют параллели в синхронном материале из Византии и Скандинавии. Видимо, значительная часть их поступала на Русь благодаря тесным контактам между элитой формирующегося древнерусского государства и населением указанных регионов (Михайлов, 2010; Gleba, 2013. P. 202–204), другая часть могла изготавливаться непосредственно в Древней Руси.

Михайлов К.А., 2010. Византийские влияния на парадный костюм североевропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов // Диалог культур и народов средневековой Европы / Отв. ред. А.Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 262–279.

Новицкая М.А., 1972. Золотная вышивка Киевской Руси // *Byzantinoslavica*. Т. XXXIII. Prague. С. 43–58.

Фехнер М.В., 1993. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы. (Труды ГИМ. № 82.) М. С. 3–21.

Geijer A., 1938. *Birka. III. Die Textilfunde aus den Gräbern*. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeri-Aktiebolag. 192 p.

Gleba M., 2013. Chasing gold threads: auratae vestes from Hellenistic rulers to Varangian guards // From Goths to Varangians. Communication and Cultural Exchange between the Baltic and the Black Sea. Aarhus: Aarhus University Press. P. 193–212.

Orfinskaya O.V., Pushkina T.A., 2011. 10th century AD textiles from female burial Ц-301 at Gnëzdovo, Russia // *Archaeological Textiles Newsletter*. Copenhagen: Stitching Textile Research Center. № 53. P. 35–51.

**НА СТЫКЕ НАУК:
ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В АРХЕОЛОГИИ**

А.И. Александрова

*Оренбургский государственный педагогический университет
alexandrova_alice@list.ru*

**САРМАТСКИЕ СОСУДЫ
ИЗ ШУМАЕВСКИХ КУРГАНОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ¹**

Целью данной работы является изучение форм сосудов из раскопок кургана 9 II Шумаевского могильника, относящихся к концу IV – первой половине II в. до н.э. (Моргунова и др., 2003; Краева, 2003). Анализ проводился по методике А.А. Бобринского, нацеленной на выделение в форме сосуда функциональных частей, из которых состоит его естественная структура, и определение степени сформированности (развитости) этих частей (Бобринский, 1986; 1988; Цетлин, 2012). По А.А. Бобринскому, сосуд может иметь в своей структуре не более 7 функциональных частей (рис. 1): 1) верхнее окончание емкости – губа (Г); 2) сливное устройство – щека (Щ); 3) устройство дозирования слива – шея (Ш); 4) ограничитель наполнителя – плечо (П); 5) добавочный наполнитель – предплечье (ПП); 6) основной наполнитель – тулово (Т); 7) нижнее окончание емкости – основание тулова (ОТ).

В результате изучения 10 сарматских сосудов были выделены 5 видов естественной структуры форм: 1) Г+Щ+Ш+П/ПП+Т/ОТ – 4 сосуда; 2) Г+Щ/Ш+П/ПП+Т/ОТ – 2; 3) Г+Щ+ПП+Т+ОТ – 1; 4) Г+Ш+П/ПП +Т/ОТ – 2; 5) Г+Ш+П+ПП+Т/ОТ – 1. Обозначения Щ/Ш, П/ПП, Т/ОТ введены для обозначения случаев, когда части находятся в слитном состоянии. Что касается степени сформированности функциональных частей, то они могут находиться в одном из трех состояний: полностью сформированном, частично-сформированном и несформированном.

В ходе анализа получены следующие данные о сформированности функциональных частей и их доле в процентах от общей высоты сосуда. Губа у всех сосудов частично-сформированная (доля 2–3%).

1) **Г+Щ+Ш+П/ПП+Т/ОТ**. Группа включает сосуды № 1 (погр. 4), № 1 (погр. 5), № 1 и 3 (погр. 14). Плечо и предплечье, тулово и основание тулова находятся в слитном состоянии. Шея полностью сформирована у сосуда № 1 (погр. 4), доля ее 20%, частично-сформирована у сосуда № 3 (погр. 14), доля ее 13%. У сосуда № 1 (погр. 5) и № 1 (погр. 14) шея не сформирована, доля ее 4% и 7% соответственно. Щека полностью сформирована у всех сосудов.

2) **Г+Щ/Ш+П/ПП+Т/ОТ**. К этой группе относятся два сосуда из погр. 10 и 17. У обоих сосудов щека и шея не сформированы и находятся в слитном состоянии, их доля в форме 12–13%; у сосуда из погр. 17 отмечено слитное состояние плеча и предплечья. Тулово сосуда из погр. 10 не сформировано и составляет только 29% общей высоты сосуда.

3) **Г+Щ+ПП+Т+ОТ**. К этой группе относится сосуд № 2 (погр. 14). Из всей посуды только он характеризуется сформированным состоянием всех функциональных частей. Доля щеки равна 4%, предплечья – 25%, тулова – 42%, основания тулова, представленного трехчастной ножкой, – 26%.

¹ Работа выполнена при поддержке госзадания Министерства образования и науки РФ 33.1389.2017/ПЧ.

Рис. 1. Функциональные части сосуда (по А.А. Бобринскому).

4) **Г+Ш+П/ПП+Т/ОТ.** Группа представлена двумя сосудами: № 2 (погр. 15) и погр. 7. Оба сосуда характеризуются слитным состоянием плеча и предплечья (доля 39%), тулова и основания тулова (доля 42–43%). Шея у сосуда из погр. 7 полностью сформирована (доля 17%), а у сосуда из погр. 15 частично сформирована (доля 15%).

5) **Г+Ш+П+ПП+Т/ОТ.** Эта конструкция представлена сосудом из погр. 15. Тулово и основание тулова находятся в слитном состоянии. Все части полностью сформированы: доля шеи 16%, плеча – 12 %, предплечья – 15%, тулова – 44%.

По изученным материалам можно сделать некоторые предварительные выводы о культурных традициях населения, соорудившего погребения в кургане 9 II Шумаевского курганного могильника: 1) вся посуда представлена 4-х и 5-ичастными конструкциями; 2) губа частично сформированная (доля 2–3%) выделяется у сосудов только с внешней стороны и служит верхним окончанием емкости; 3) щека присутствует у 7 сосудов, причем у 5 – частично-сформированная и у 2 – несформированная, слитная с шейей; 4) шея имеется у 7 сосудов, у 3 – в сформированном, у 2 – в частично-сформированном и у 2 – в несформированном состоянии; 5) в 7 случаях фиксируется слитное состояние плеча и предплечья; у 1 сосуда имеется сформированное плечо и у 3 – сформированное предплечье; 6) тулово у 9 сосудов находится в сформированном состоянии, у 1 – в несформированном; основание тулова 9 сосудов не выделено из тулова, а у 1 сосуда представлено трехчастной ножкой.

Таким образом, местные традиции создания форм характеризуются как общими чертами, так и заметными различиями. Дальнейшее исследование позволит получить новую информацию о культурных традициях сарматских гончаров (Цетлин, 2012. С. 160–166).

Бобринский А.А., 1986. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та. С. 137–157.

Бобринский А.А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та. С. 5–21.

Краева Л.А. 2003. Техничко-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 332–358.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 392 с.

Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.

Д.А. Бычков*, Н.Д. Евменов**

*Новосибирский государственный университет

**Институт нефтегазовой геологии и геофизики
им. А.А. Трофимука СО РАН, Новосибирск

bda.nsk@yandex.ru

СЛЕДЫ ГОРЕНИЯ ОТОПИТЕЛЬНЫХ КОСТРИЩ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МАГНИТОМЕТРИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

Человек на пути своего развития осваивал все природные стихии. Несгибаемая воля и безграничный интерес человека не обошли и огонь. Изучая использование огня методом эксперимента, П.В. Волков установил, что данная практика реализовывалась в некоторых формах – типах отопительных кострищ, каждое из которых имеет свои конструктивные особенности (Волков, 2013. С. 161–170). Следы использования кострищ, фиксируемые в ходе полевого исследования, являются свидетельствами использования огня человеком на изучаемом археологическом памятнике. Обнаружить такие следы, не прибегая к разрушению памятника, можно при помощи методов геофизики. В настоящее время магнитометрическая съемка, как и другие геофизические методы, применяется в археологии повсеместно, на высоком международном уровне, и полученные результаты говорят только в пользу дальнейшей перспективности ее использования (Эпов и др., 2016. С. 603–605).

Исходя из имеющегося положительного опыта междисциплинарных исследований и поставленной проблемы, авторами было выдвинуто предположение, что применение геофизического мониторинга на перспективных участках местности открывает возможность выявлять магнитные аномалии, соответствующие следам горения, возникшим в результате хозяйственной деятельности человека. Для проверки данного предположения был проведен эксперимент, суть которого заключалась в прожиге кострищ определенной конструкции и последующем измерении значений вектора индукции магнитного поля Земли на месте прожига.

Для эксперимента были выбраны две конструкции отопительных кострищ – «юрлык» и «круглый». Этот выбор основывался на результатах экспериментальных исследований П.В. Волкова, в ходе которых было доказано, что указанные типы кострищ оптимальны для обеспечения хозяйственной деятельности (Волков, 2013. С. 161–166). Статистический анализ ограниченной выборки следов горения показал, что большая часть следов имеет морфологические черты, свойственные данным конструкциям (Бычков, 2016. С. 325). В качестве топлива использовалась древесина лиственных пород – березы, тополя, осины.

На экспериментальном полигоне был произведен прожиг выбранных кострищ на трех раздернованных площадках размерами 2 × 2 м. На первой площадке трехкратно сжигалось кострище типа «круглый» с продолжительностью горения 4 часа. На второй площадке однократно сжигались кострища типов «круглый» и «юрлык» в течение 4 часов каждое. На третьей площадке трехкратно сжигалось кострище типа «юрлык» в течение 4 часов. Далее площадки были задернованы и оставлены на 3 месяца в целях создания условий эксперимента, аутентичных естественным условиям тафономии остатков теплотехнических конструкций.

На площади 48 кв. м проводилась градиентометрическая магнитная съемка с датчиками на высоте 0,25 и 0,75 м от земли с разномом градиентометра 0,5 м соответственно при помощи прецизионного калиево-протонного магнитометра MPOS-2. В качестве базовой станции для учета суточных вариаций магнитного поля использовались данные Новосибирского магнитовариационного стационара, с интервалом замера магнитного поля 5 сек. Картирование результатов измерений позволило выделить две магнитные аномалии, расположенные в центральной части первой и третьей площадок. На первой площадке центральная положительная аномалия с амплитудой порядка 2,5 нТл объяс-

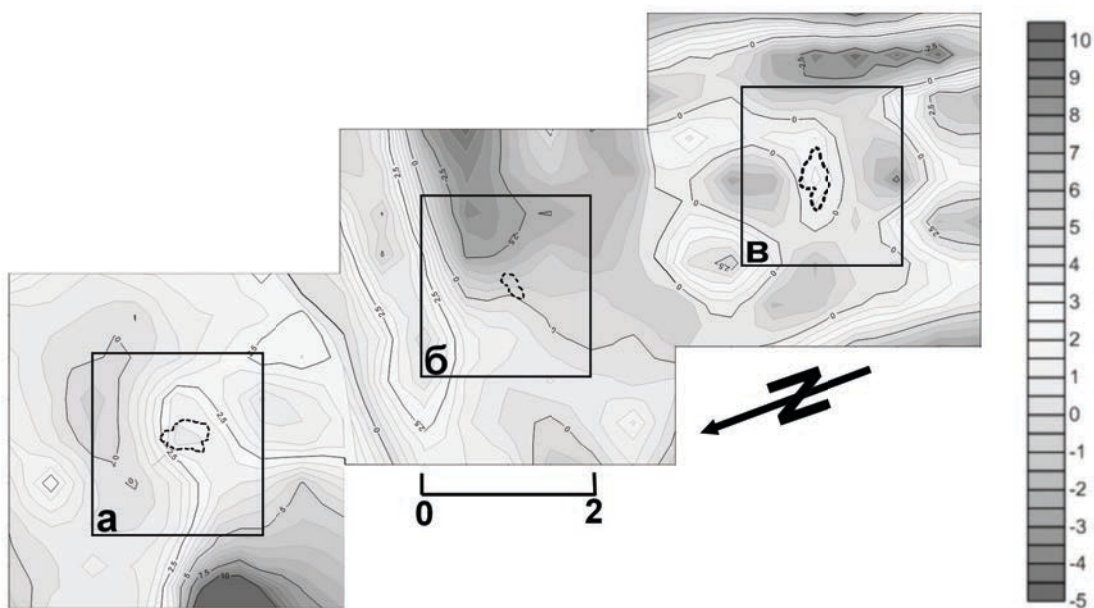

Рисунок 1. Карта градиентометрической магнитной съемки.

а – первая площадка; б – вторая площадка; в – третья площадка.

няется увеличением показаний магнитных восприимчивостей на $9,2 \cdot 10^{-5}$ ед.Си. Отрицательная аномалия на третьей площадке с амплитудой 2 нТл связана с уменьшением магнитных восприимчивостей на $3,7 \cdot 10^{-5}$ ед.Си. Дифференциация пирогенных аномалий и магнитного поля была сделана на основании количественной разницы показателей магнитных восприимчивостей и асимметричности форм аномалий и фона.

После измерений было проведено вскрытие площадок с целью фиксации состояния остатков экспериментальных кострищ. При сопоставлении карт и планов площадок установлено, что форма магнитной аномалии соответствует форме прокала на погребенной почве. На рисунке 1 показано картирование данных измерений с обозначением сплошной линией границы площадок и пунктиром – контура прокаленного участка почвы. Отсутствие четко выраженных аномалий от следов горения на второй площадке объясняется незначительным тепловым воздействием на почву однократно использованного кострища. Данный вывод подтверждается исследованиями Randy V. Bellomo, проводившего подобные эксперименты и исследовавшего археологически выявленные следы горения комплексом естественнонаучных методов (Bellomo, 1993. Р. 533, 540).

Основываясь на приведенных результатах эксперимента, можно сделать вывод, что градиентометрическая магнитная съемка позволяет зафиксировать следы горения, возникшие в результате целенаправленного использования огня. Установленная взаимосвязь между формами магнитной аномалии и следа горения говорит о том, что, используя данный метод при изучении археологических памятников, можно определить конструкцию теплотехнического устройства, оставившего след. Проведение более масштабных экспериментов и апробация метода в процессе полевых археологических исследований позволят получить более доказательные представления о его возможностях. Измерения магнитных восприимчивостей говорят о том, что горение как физико-химический процесс оказывает различное влияние на вещество. Объяснение причин этой разницы невозможно без проведения комплексных исследований, в том числе с привлечением специалистов-почвоведов. На решение обозначенных проблем будут направлены дальнейшие исследования по данной теме.

Бычков Д.А., 2016. Статистический анализ следов горения на грунте: возможности и перспективы // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных. Тез. междунар. науч. конф. молодых ученых / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН. С. 323–327.

- Волков П.В., 2013. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История. 416 с.
- Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Бортнникова С.Б., Позднякова О.А., Карин Ю.Г., Кулешов Д.А., 2016. Мультидисциплинарные археолого-геофизические исследования в Западной Сибири // Геология и геофизика. Т. 57. № 3. С. 603–614.
- Bellomo R.V., 1993. A Methodological Approach for Identifying Archaeological Evidence of Fire Resulting from Human Activities // Journal of Archaeological Science. № 20. P. 525–553.

Е.Е. Васильева, И.К. Решетова
Институт археологии РАН, Москва
veda_lv@mail.ru
reshetovairina@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК КЛАДБИЩА БОГАДЕЛЬНИ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ В Г. ЯРОСЛАВЛЕ

В 2012 г. сотрудниками Ярославской археологической экспедиции Института археологии РАН под руководством А.В. Энгатовой проводились раскопки в г. Ярославле по адресу ул. Свободы, д. 2. По данным исторических источников, ранее на этой территории располагался Власьевский приход.

Первые упоминания о деревянной Троицкой (Власьевской) церкви Власьевского прихода относятся к началу XVII в. О раннем этапе ее функционирования известно немного. Ее строительство связано с реорганизацией и последующей застройкой территории после возведения в XVII в. дополнительных оборонительных сооружений. При деревянном храме имелось кладбище и функционировала богадельня, каменное здание которой существовало вплоть до XVII в. Во время большого ярославского пожара 1658 г. «церковь священномученика Власия и с приходом» сгорела, но вскоре была восстановлена с престолами того же наименования (упоминается в 1662 и 1673 гг.) (Салмина, 1965. С. 323).

Постройки Власьевского прихода, за исключением двух северо-восточных корпусов, были снесены в 1933 г., а впоследствии в юго-восточной части участка построено пятиэтажное здание гостиницы «Ярославль». Площадь застройки гостиницы полностью покрыла участки расположения колокольни 1866 г., юго-восточного двухэтажного корпуса конца XIX в. и частично – теплой Толгской церкви, задев ее южную часть.

В результате работ 2012 г. в раскопе, заложенном в северо-восточной части дворовой территории гостиницы «Ярославль», выявлено местоположение холодной Троицкой церкви (1673–1678 гг.) Власьевского прихода. Кроме того, обнаружено захоронение человеческих останков, интерпретируемое как переотложенное в результате современной городской застройки. Погребения предположительно относились к кладбищу при деревянной Троицкой церкви и приходской богадельне.

Материалы и методы.

В ходе выполнения работ по обследованию антропологических материалов был проведен первичный подсчет минимального количества индивидов (Tuller, 2012), половозрастной анализ выборки (Алексев, 1966; Алексеев, Дебец, 1969; Найнис, 1972; Buikstra, Ubelaker, 1994; Mays, 2010; Ubelaker, 1978), а также выявлен ряд патологических случаев и травм (Ortner, 2003; Бужилова, 1998).

Материалы представлены двумя группами: серией черепов или их фрагментов и частями посткраниальных скелетов. Предположительное (минимальное) количество индивидов рассчитывалось отдельно для каждой серии. В качестве самостоятельных единиц были взяты целые черепа, а также лобные кости. Итоговое количество устанавливалось значениями наиболее представленной части скелета.

Краниологическая серия составляет 199 черепов взрослых индивидов, из которых 97 черепов принадлежат мужчинам, 102 – женщинам; 15 черепов неполовозрелых индивидов.

Предполагаемое минимальное количество индивидов для серии, представленной фрагментами посткраниальных скелетов, главным образом длинными костями, вычислялось в отдельности для каждой кости конечности, ключиц, костей таза и крестца в соответствии с их латеральной принадлежностью (правые/левые). Весь массив остеологических материалов был распределен на две возрастные группы: взрослых и детей, и не разделялся по гендерному критерию (в связи с невозможностью применения комплексности методик половозрастной диагностики). Общая остеологическая серия составляет 200 индивидов: 175 взрослых, 25 детей.

Таким образом, предполагаемое минимальное количество в объединенной выборке насчитывает 224 индивида, из них: 25 – дети до 12 лет, 199 – взрослые индивиды различных возрастных категорий.

На основе полученных первичных половозрастных определений стало возможным построение некоторых палеодемографических выводов (Алексеева и др., 2003). Имея в виду особенности серии, ее разрозненность, изолированность костей, их перезахоронение, все палеодемографические выводы следует воспринимать в качестве иллюстративных.

Исходя из основных демографических показателей, отметим, что в серии представлены все возрастные группы, в то же время кривая смертности смещена в сторону возрастного интервала Maturus I-II. Динамика возраста смерти мужчин и женщин свидетельствует о нахождении их в одинаковых социально-бытовых условиях и, наряду с возрастными показателями, позволяет исключить фактор войны для этой выборки индивидов.

Визуальный осмотр позволил выявить ряд свидетельств присутствия патологических проявлений, наличия инфекций и травм. Среди патологий обращают на себя внимание высокие показатели инфекционного поражения челюстей, часто сопровождающегося прижизненной утратой зубов и атрофией зубных альвеол и тела челюсти. Зафиксировано присутствие различных бактериальных инфекций на костях черепа и посткраниального скелета. Отмечены случаи переломов длинных костей и свода черепа.

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 130 с.
- Алексеев В.П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 252 с.
- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир. 131 с.
- Бужилова А.П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад. С. 87–146.
- Найнис И.В., 1972. Идентификация личности по проксимальным костям конечности. Вильнюс: Минтис. 158 с.
- Салмина М.А., 1965. «Сказание вкратце о бывшем пожаре града Ярославля» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 21. М.; Л. С. 319–326.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H., 1994. Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains: Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History // Arkansas Archeological Survey Research Series. No. 44. Fayetteville: Arkansas Archeological Survey. 264 p.
- Mays S., 2010. Archaeology of human Bones . Routledge. 404 p.
- Ortner D., 2003. Identification of pathological conditions in Human Skeletal remains. London: Academic press. 645 p.
- Tuller Hugh H., 2012. Mass Graves and Human Rights: Latest Developments, Methods, and Lessons Learned // A Companion to Forensic Anthropology, First Edition / Ed. D.C. Dirkmaat. Blackwell Publishing Ltd. P. 157–174.
- Ubelaker D., 1978. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Adline publishing company. 118 p.

ХИМИЧЕСКИЕ И МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПАХОТНОГО СЛОЯ НА МЕСТЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ, РАЗРУШЕННОГО РАСПАШКОЙ

Известно, что активная сельскохозяйственная деятельность с использованием тяжелой техники во второй половине XX в. вызывала разрушение значительного количества археологических памятников. Также распашка становилась причиной эрозионных процессов, которые приводили к постепенному разрушению культурного слоя. При этом археологический материал, будучи включенным в пахотный слой, вызывал изменения химических и микробиологических свойств.

В данной работе представлены результаты изучения пахотного слоя на месте средневекового поселения, полностью разрушенного распашкой. Эти исследования направлены на определение границ археологического памятника по свойствам пахотного горизонта.

Объектом исследования является территория аграрного памятника Кушманское селище III, входящего в Кушманский археологический комплекс в верхнем течении р. Чепцы. Этот район уникален по насыщенности разнообразными памятниками генетически связанных финно-угорских культур: поломской (конец V – начало IX в.) и чепецкой (конец IX – начало XIII в.). Известно 33 укрепленных поселения (городища) и 80 неукрепленных (селищ), относящихся к поломской и чепецкой культурам. Одним из ключевых памятников является Кушманское городище Уччакар IX–XIII вв. На его территории фиксируется мощный культурный слой, известно три линии оборонительных сооружений. В непосредственной близости от Уччакара находится грунтовый могильник и Кушманские I, II и III селища (Иванова, Журбин, 2014. С. 43–47).

В настоящее время территория селища III полностью распахана и его следов на поверхности не обнаружено. Судя по геофизическим данным, культурный слой сохранился только в северо-восточной части памятника. В геоморфологическом плане эта зона соответствует нижней части пологого склона северной экспозиции, где эрозионные процессы наименее интенсивны и создаются предпосылки для консервации культурного слоя.

Образцы почв из пахотного и подпахотного горизонтов были отобраны в катене длиной 250 м, ориентированной в направлении З–В и проходящей через поселение и прилегающие к нему территории за пределами археологического памятника.

В образцах проводилось определение магнитной восприимчивости (Fassbinder, Stanjek, 1993), содержания фосфатов (Аринушкина, 1970) и величины активной микробной биомассы (Anderson, Domsch, 1978).

Результаты измерения магнитной восприимчивости показали, что варьирование этого показателя в пахотном и подпахотном горизонтах довольно незначительно. Однако отмечаются высокие показатели магнитной восприимчивости на территории собственно поселения.

Значения активной микробной биомассы в пахотном горизонте были довольно близкими как на территории памятника, так и за его пределами. Это связано с нивелирующим эффектом современной распашки. На участках с наибольшей эрозионной активностью отмечено снижение микробной биомассы, что связано с вовлечением в пахотный горизонт материала почвообразующей породы. В отличие от пахотного горизонта, в подпахотном слое в тех местах, где сохранился культурный слой, значения активной микробной биомассы значительно выше. Это связано с особенностями антропогенного воздействия на почву в средневековье и поступлением в почвы значительных объемов органических материалов.

Отмечены отдельные участки с высокими значениями активной микробной биомассы в подпахотном слое за пределами поселения. Это говорит о том, что антропогенная деятельность в средневековье имела место и далеко за пределами археологического памятника.

Анализ содержания фосфатов показал, что границы их повышенного содержания практически полностью соответствуют границам селища. Определение тенденций в изменении содержания фосфатов на территории памятника позволяет установить зоны максимального антропогенного влияния на почву и определить границы сохранившегося культурного слоя.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что распашка территории памятника и включение культурного слоя в пахотный горизонт вызвали значительные изменения микробиологических и химических свойств пахотного слоя. Использование методов почвоведения позволяет определить границы и восстановить особенности планировки средневекового поселения Кушманское III (селище), полностью разрушенного распашкой.

Ариушкина Е.В., 1970. Руководство по химическому анализу почв. М.: Изд-во МГУ. 488 с.

Иванова М.Г., Журбин И.В., 2014. Археологические и геофизические исследования средневековых поселений в долине реки Чепца // РА. № 1. С. 40–53.

Anderson J.P.E., Domsch K.H., 1978. A physiological method for the quantitative measurement of microbial biomass in soils // Soil Biol. Biochem. Vol. 10. № 3. P. 215–221.

Fassbinder J., Stanjek H. 1993. Occurrence of Biogenic Magnetite in Soils from Archaeological Sites // Archaeologia Polona. 31. P. 117–128.

Е.А. Клещенко

*Институт археологии РАН, Москва
malzeva-ekaterina@mail.ru*

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИЗУЧЕНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ДРЕВНИХ ПРУССОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРЕМИРОВАННЫХ ОСТАНКОВ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ БЕРЕЗОВКА/GROSS OTTENHAGEN И КУЛИКОВО 2/SORTHENEN)¹

За последнее десятилетие процедура исследования кремированных останков из археологических памятников стала нормой при реконструкции деталей погребального обряда. Тем не менее в научной литературе результаты анализа кремаций публикуются нерегулярно. Это характерно и для материалов грунтовых могильников Калининградской области I тыс. н.э. При хорошей изученности погребальных памятников Самбийского п-ва систематическое исследование кремированных останков проведено за последние несколько лет лишь для некоторых из них (напр.: Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 74–79; Скворцов, 2010. С. 199–217). Антропологические исследования материалов могильников периферийных областей самбийско-натангийского ареала не проводились вообще.

В данной работе представлены результаты сравнительного изучения кремированных останков четырех двухъярусных погребений (кремация человека в верхнем ярусе в сопровождении конского труположения в нижней части могильной ямы, фрагментов конской упряжи и погребального инвентаря) раннесредневековой культуры пруссов X–XI/XII вв. Это погребения 103, 108 могильника Березовка/Gross Ottenhagen (Гвардейский р-н, долина р. Преголя, восточная часть самбийско-натангийского ареала) и погребения 1, 2 могильника Куликово 2/Sorthenen (Зеленоградский р-н, Самбийский п-ов). Применялась апробированная ранее стандартизированная методика анализа кремированных костей (Добровольская, 2010. С. 85–97).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-01273.

Табл. 1. Анализ кремированных костей из погребений: общие данные

Могильник Куликово 2/Sorthenen,
погребение 1

Шифр	Принадлежность			Вес (гр)
	Животные	Человек	Н / о	
Из скопления 1		X		0,92
– “ –			X	10,32
Из ЮВ сектора конской ямы		X		3,23
Заполнение ямы с конем		X		2
Из Ю шурфа до ямы коня		X		6,13
Сверху кремации			X	0,98
Ш. 20, Ю сектор			X	2,74
С сектор			X	39,27
Ю сектор			X	6,69
Из заполнения ямы			X	3,74
Яма 1, из заполнения			X	1,95
Из ЮВ сектора конской ямы			X	0,86
Заполнение ямы с конем			X	3,91
Скопление 1			X	7,23
Из Ю шурфа до ямы коня			X	60,84
С сектор		X		25,99
Из заполнения ямы		X		5,86
Ш. 28			X	1,5
Из заполнения ямы			X	27,08
Ш. 28, из распашки			X	0,47

Могильник Куликово 2/Sorthenen,
погребение 2

Шифр	Принадлежность			Вес (гр)
	Животные	Человек	Н / о	
			X	9,35

Могильник Березовка/Gross
Ottenhagen, погребение 103

Шифр	Принадлежность			Вес (гр)
	Животные	Человек	Н / о	
Из верхней засыпки		X		6,17
– “ –		X		6,46
– “ –	X			7,89
– “ –	X			19,25
– “ –			X	54,09
– “ –			X	215,22

Могильник Березовка/Gross
Ottenhagen, погребение 108

Шифр	Принадлежность			Вес (гр)
	Животные	Человек	Н / о	
Пл. 2		X		8,33
Пл. 1		X		10,05
Пл. 4		X		0,7
Пл. 3-4		X		8,13
		X		9,48
Пл. 3-4	X			0,55
Пл. 2			X	16,76
Пл. 1			X	28,31
Пл. 4			X	21,25
Пл. 3-4			X	40,84
			X	119,03

Табл. 2. Анализ анатомически определимых фрагментов костей

Могильник Куликово 2/Sorthenen, погребение 1

Определение	Пол	Возраст*	Вес (гр)	Кол-во	Доп. информация
Ф-т головки плечевой кости			8,08	1	
Ф-т нижнего эпифиза плечевой кости			1,68	1	
Ф-т верхнего эпифиза локтевой кости			2,33	1	
Ф-т диафиза плечевой кости			3,77	1	
Ф-т средней фаланги пальца кисти			0,35	1	
Ф-т коленной чашечки	М		4,89	1	массивность
Ф-т тела шейного позвонка			1,48	1	
Ф-т ребра			0,51	1	
Ф-т кости таза			3,84	1	
Ф-т затылочной кости с открытым швом			3,23	1	
Ф-т черепа			1,65	1	
– “ –			0,92	1	
– “ –			3,69	1	
Ф-т левой скуловой кости	М		2,42	1	массивность, следы инфекции (?)
Ф-т черепа с зарастающим швом		> 30 лет	2,03	2	следы инфекции (?)
Ф-т черепа			0,9	1	
Ф-т нижней челюсти с альвеолярными отверстиями			1,22	1	
Ф-т черепа			1,14	1	

Могильник Березовка/Gross Ottenhagen, погребение 103

Определение	Пол	Возраст*	Вес (гр)	Кол-во	Доп. информация
Ф-т черепа			2,86	2	
Ф-т височной кости			2,05	1	
Ф-т лобной кости			1,26	1	
Ф-т височно-нижнечелюстного сустава			2,02	1	
Ф-т плюсневой кости			0,32	1	
Ф-т нижнего эпифиза локтевой кости			1,35	1	
Ф-т черепа			2,77	3	

Могильник Березовка/Gross Ottenhagen, погребение 108

Определение	Пол	Возраст*	Вес (гр)	Кол-во	Доп. информация
Ф-т диафиза бедренной кости			2,27	1	
Ф-т длинной трубчатой кости нижней конечности			6,06	2	
Ф-т нижней челюсти (подбородочный выступ)			1,11	1	
Ф-т длинной трубчатой кости конечности			3,58	3	
Ф-т диафиза лучевой кости			2,35	3	
Ф-т черепа			3,01	3	
– “ –			0,7	1	
– “ –			3,81	5	
Ф-т лобной кости			0,64	1	
Ф-т черепа			2,32	1	
Ф-т нижней челюсти с альвеолярными отверстиями			1,1	1	
Ф-т средней фаланги кисти			0,26	1	
Ф-т черепа с открытым швом			4,6	4	
Ф-т черепа			3,66	4	
Ф-т левой глазницы	М (?)		1,22	1	массивность

* Все фрагменты костей принадлежат взрослым индивидам 20-40 лет.

Раскопки могильника Березовка/Gross Ottenhagen проводились в 2003–2004 гг. Самбийско-Натангйской археологической экспедицией под руководством К.Н. Скворцова, материалы погребений 103 и 108 опубликованы (Ibsen, Skvorzov, 2005. Р. 422, 428, 431. Abb. 24, 29, 30). В 2016 г. нами были изучены кремации из этих погребений¹.

Фрагменты исследованных кремированных останков имели схожие характеристики (табл. 1). Показатели цвета варьировали от темно-серого до белого, средний размер фрагментов – до 5 см, на поверхности костей зафиксированы деформационные трещины. Температура погребального костра в обоих случаях составляла примерно 550–800°C. Вес останков из погребения 103 – 309,08 г, из погребения 108 – 263,43 г. Определимые фрагменты костей человека из погребения 103 принадлежали одному индивиду, взрослому человеку до 40 лет (табл. 2), из погребения 108 – одному индивиду, взрослому человеку (мужчине?) до 40 лет.

Раскопки могильника Куликово 2/Sorthenen осуществлялись в 2015–2016 гг. отрядом Самбийской экспедиции ИА РАН под руководством О.А. Хомяковой. Фрагменты кремированных останков из исследованных нами погребений 1 и 2 имели светлый (почти белый) цвет, средний размер – до 2–3 см, со следами деформационных трещин, что в совокупности указывает на равномерную температуру погребального костра (750–800°C). Вес останков из погребения 1 – 211,71 г (табл. 1). Определимые фрагменты костей человека принадлежали одному индивиду – мужчине 30–40 лет (табл. 2). Все фрагменты костей из погребения 2 неопределимы, их вес – 9,35 г (табл. 1).

¹ Выражаю благодарность К.Н. Скворцову за возможность работы с кремированными останками могильника Березовка/Gross Ottenhagen.

Комплексное исследование кремированных костных останков из вышеуказанных погребений могильников Березовка/Gross Ottenhagen (X–XI/XII) и Куликово 2/Sorthenen (XI–XII вв.), схожих по форме захоронения, позволило выявить единые черты погребальной обрядности. Это индивидуальность захоронений (присутствие в погребении останков одного человека) и частичное депонирование останков (захоронение незначительной части костей, собранных с погребального костра после сожжения). Принадлежность всех четырех могильных конструкций к категории погребений всадников, подразумевающая присутствие останков индивидов мужского пола, подтверждена по полученным половозрастным данным: в двух случаях удалось определить пол и возраст погребенных, и оба они оказались мужчинами в возрасте до 40 лет.

Добровольская М.В., 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.

Мастыкова А.В., Добровольская М.В., 2013. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангской культуры // Археология Балтийского региона / Ред. Н.А. Макаров, А.В. Мастыкова, А.Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 74–79.

Скворцов К.Н., 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область) по результатам исследований 2008 г. Т. 1. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15.) М.: ИА РАН. 302 с.

Ibsen T., Skvorzov K.N., 2005. Das Gräberfeld von Berezovka / Groß Ottenhagen. Ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausents n. Chr. Im Kaliningrader Gebiet // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Band 85. P. 379–452.

В.П. Колосов

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
tepavi@yandex.ru*

ВОЗМОЖНОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА МЕТОДАМИ МНОГОМЕРНОЙ СТАТИСТИКИ. АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ АНТИЧНЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ

Одним из направлений исследования при дифференциации археологического материала является поиск взаимосвязи между основными вариациями формы объектов и культурно-исторической реальностью. При большом объеме данных для поиска такой закономерности, как правило, используют статистические методы обработки, в том числе построение диаграммы рассеяния. В этом случае строится график в декартовых координатах, оси которого отражают значения субъективно выбранных для анализа двух или трех признаков. Но в большинстве случаев объекты обладают гораздо большим количеством признаков, и для анализа по максимальному количеству характеристик возможно привлечение методов многомерной статистики, в частности, факторного анализа.

Признаки могут отличаться по степени своей значимости. Дифференциация объектов на основе разных сочетаний характеристик может иметь разные результаты. Объединение этих систем позволяет получить наиболее объективную картину за счет комплексной оценки вариации объектов по наиболее значимым признакам.

Сложнопрофилированные объекты трудно поддаются описанию набором линейных измерений. Эта проблема решается с помощью методов геометрической морфометрии, которые позволяют целостно анализировать изменчивость криволинейных форм. Результаты такого анализа, выраженные в виде числовых данных, используются в конечном обобщающем анализе.

Для демонстрации возможностей применения подобного подхода были привлечены архитектурные сооружения, которые ввиду достаточной степени изученности позволяют верифицировать полученный результат. Использовался ряд дорических сооружений Южной Италии, материковой Греции и островов Эгеиды, имеющих наиболее полную сохранность и относительно надежную датировку. Хронологические рамки исследования охватывают период от архаики до эллинизма.

Вся совокупность характеристик выбранных объектов была проанализирована методом главных компонент в пакете прикладных программ Statistica 8.0. В качестве признаков использовались соотношения ордерных частей и числовые данные, отражающие особенности форм сложнопрофилированных архитектурных деталей. Вариации форм этих элементов (эхина капители, триглифов, гейсонов и венчающих профилей карнизов) предварительно были обработаны методами геометрической морфометрии, реализованными в программах tps Dig (Rohlf, 2006) и MorphoJ (Klingenberg, 2011).

Обобщающий анализ показал не только высокую степень взаимосвязи между формой объектов, временем и территорией их происхождения, но и позволил оценить степень значимости признаков и степень их взаимосвязи между собой.

В первой главной компоненте отразился целый ряд характеристик: степень изгиба эхина капители, относительный вынос гейсона, форма венчающего профиля карниза и некоторые соотношения ордерных частей (отношение высоты колонны к ее нижнему диаметру, суммарной высоты архитрава и фриза к высоте колонны, высоты капители к высоте колонны, интерколлумния к суммарной высоте архитрава и фриза, высоты мутулы к высоте карниза, высоты архитрава к высоте фриза, высоты эхина к высоте капители, высоты эхина к ширине абака). В совокупности эти признаки показали различия между сооружениями периодов архаики, классики и эллинизма, а также региональные различия между постройками из греческой метрополии и городов Южной Италии.

Во второй главной компоненте отразилась степень наклона профиля эхина капители, высота гейсона и степень изгиба венчающего профиля карниза. Данный признак позволил более подробно дифференцировать объекты внутри регионов, разделив сооружения с одной территории по хронологии. Постройки из Южной Италии разделились на архаические и классические, а из материковой Греции и островов Эгеиды – на классические и эллинистические.

Наконец, третья главная компонента, в которой отразилось оформление триглифов и (в меньшей степени) форма капители, разделила эллинистические постройки, показав различия между сооружениями из разных городов.

В конечном итоге можно сказать, что сочетание методов факторного анализа и геометрической морфометрии дает возможность систематизировать археологический материал, эффективно используя максимальное количество признаков. В приведенном примере удалось продемонстрировать возможности анализа с выделением наиболее значимых признаков и построением их иерархии. Последующая работа в этом направлении позволит использовать описанную методику для обработки массового археологического материала.

Klingenberg C.P., 2011. MorphoJ: an integrated software package for geometric morphometrics // *Molecular Ecology Resources*. Vol. 11. P. 353–357.

Rohlf F.J., 2006. TpsDig, digitize landmarks and outlines, 2.05. Department of Ecology and Evolution, State University of New York at Stony Brook [Electronic resource]. URL: <http://life.bio.sunysb.edu/morph/index.html> (Accessed 20 December 2016.)

И. Микич

*Археологический институт, Белград
mikičila82@gmail.com*

РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В СЕРБИИ В XIX И XX ВВ. (КРАТКИЙ ОБЗОР)

Исследования в области физической антропологии в Сербии осуществляются в течение почти двух столетий. Можно выделить две фазы развития данной научной дисциплины: описательную фазу и фазу институционализации. Присутствуют в указанной области и определенные проблемы. В первую очередь это относится к определению физической антропологии как самостоятельной научной дисциплины с точки зрения ее институционализации, которое, к сожалению, не реализовано полностью.

I фаза развития физической антропологии в Сербии

Первая или описательная фаза развития антропологии в Сербии, а позже в Югославии, длилась целое столетие: вторую половину XIX и первую половину XX в. Уместно упомянуть имена исследователей, которые не были антропологами, но антропология очень аргументированно являлась частью их деятельности.

Вук Караджич наряду с основной профессией – литературой, внес значительный вклад в развитие антропологии, но через антропогеографию. Кроме этнографических записей он оставил и записи о физических признаках тела, а также разработал их терминологию, которой мы пользуемся и сегодня (Караџић, 1972).

Ёван Жуёвич – основоположник геологической науки в Сербии. В работе «Камено доба» («Каменный век») он обнаружил палеонтологические данные, опираясь преимущественно на французскую литературу. В другой работе «Постање земље и наше домовине» («Генезис земли и наше отечество») (Жујовић, 1927–1929) он рассмотрел биологическое прошлое Земли с момента появления человека и подчеркнул значение Балканского полуострова.

Первый сербский профессиональный антрополог Сима Троянович (1862–1935) получил образование в Белграде. Затем уехал в Швейцарию и школу окончил в Берне. Его антропологические статьи, без сомнения, значительны, и могут быть разделены на несколько групп: работы о физических характеристиках людей на рубеже прошлого века, о биоантропологических процессах (брахикранизация населения и т.п.), об ископаемых останках человека, искусственном формировании головы, о трепанации сербов и черногорцев (Тројановић, 1930).

Ёван Цвиич защитил докторскую диссертацию в Венском университете в 1893 г. Вернувшись в Сербию, основал Институт географии и Географическое общество. Сферой его научных интересов было влияние климата и рельефа на структуру/морфологию человека, он подчеркивал зависимость человека от окружающей среды.

Ё. Цвиич, изучая антропологические типы, пришел к выводу о ведущей роли социальной структуры (профессиональная принадлежность, степень эндогамности/экзогамности в различных группах, фактор миграции). Этому посвящена его работа «Антропогеографски проблеми Балканско полуострва» («Антропогеографические проблемы Балканского полуострова»), которая легла в основу книги «Балканско полуострво и јужнословенске земље» («Балканский полуостров и южнославянские земли») (Цвијић, 1931).

Владимир Дворникович (1888–1950) – профессор университета в Загребе и Белграде, по образованию философ, антрополог и этнопсихолог. В 1939 г. он опубликовал работу «Карактерологија Југословена» («Характерология югославов») (Дворниковић, 1939), в которой описал наиболее типичные черты коллективного характера ряда югославских этносов. Соглашаясь с мнением Ё. Цвиича о влиянии среды на формирование этнопсихологических черт человека, В. Дворникович предложил учитывать также антропологические, психологические и исторические факторы. В работе обоснован тезис, что «динарский антропологический тип», описанный на основании краниологических исследований, наиболее часто встречается в среде югославских народов.

Книга Нико Жупанича (1876–1961) «Етногенеза Југословена» («Этногенез югославов») (Џупанић, 1920) посвящена этнической истории Королевства сербов, хорватов и словенцев.

II фаза развития физической антропологии

После Второй мировой войны работ по физической антропологии стало существенно меньше. Это произошло по двум причинам. Первая – некоторые позиции расовой антропологии активно использовались в политизированной науке нацистской Германии. Вторая – марксистская идеология не способствовала изучению этнической истории народов Югославии.

В 1959 г. было учреждено Антропологическое общество Югославии, однако это не способствовало развитию науки в целом, так как основные задачи сводились к сбору антропометрических материалов для создания нормативов и размеров одежды и обуви,

а также эргономических стандартов для армии, системы здравоохранения, образования, спорта и т.п. Таким образом, антропология долгие годы развивалась только в части антропометрии, о чем свидетельствует тематика статей Журнала Антропологического общества Югославии.

Подведем итоги. Учитывая количество и значение антропологических находок на территории Сербии, можно сделать вывод, что физическая антропология до сих пор не сформировалась в полной мере. В настоящее время антропология Сербии развивается благодаря междисциплинарным исследованиям, проводимым сотрудниками Археологического института в Белграде, кафедры археологии философского факультета Университета Белграда и Анатомического института медицинского факультета Университета Белграда.

Дворниковић В., 1939. Карактерологија Југословена. Београд: Космос.

Жујовић Ј., 1927–1929. Постање земље и наже домовине. I–II. Београд.

Караџић В., 1972. Сабрана дела. Књига XVIII. Београд: Просвета.

Тројановић С., 1930. Вагра у животу и обичајима српског народа // Етнографски зборник Српске краљевске академије. 19. Београд.

Цвијић Ј., 1931. Балканско полуострво и јужнословенске земље. II. Београд.

Županić N., 1920. Etnogeneza Jugoslovena. Rad JAZU 222. Zagreb.

Н.С. Семеняк

*Институт географии РАН, Москва
nadejda-sport@yandex.ru*

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОРОДЫ ДЕРЕВА ПО УГЛЯМ

На современном этапе развития археологической науки все чаще привлекаются естественнонаучные методы для решения исторических задач. Одним из них является метод определения ботанической принадлежности растений (древесных пород) по обугленным остаткам. Определение осуществляется путем микроскопического изучения сколов угля в отраженном свете и сопоставления диагностических структур с ключами определения древесных видов (Vernet et al., 2001). Полученные данные можно рассматривать в качестве самостоятельного источника информации для понимания археологических материалов (Гольева, 2005. С. 307).

Указанный метод был использован на Щуровском археологическом комплексе для реконструкции окружающей среды и определения пород деревьев, являвшихся топливом для погребального костра. Памятник расположен в Московской области, близ г. Коломна, на невысоком всхолмлении – мысе 1-й террасы правого берега р. Оки, от основного русла он отделен старичным озером (Сыроватко и др., 2013. С. 54). Он включает, по сути, два одновременных могильника с кремациями (ранний курганный и поздний грунтовый), возникших на культурных отложениях дьяковского и позднедьяковского времени.

Всего проанализирован 171 образец. Материал отбирался из пластов культурного слоя и разных археологических объектов: погребений, заполненных ям, сосудов. Результаты исследования приведены в таблице 1. Удалось определить породы дерева, которые являлись топливом для погребального костра. В основном это дуб (*Quercus L.*) – 92%, с небольшим дополнением хвойных – 8%. Как известно, дуб обладает лучшими топливными свойствами по сравнению с другими породами (Bishop et al., 2015. P. 59). Это объясняет преимущественное использование его для кремаций.

Благодаря описанному методу можно уверенно говорить, что в районе Щуровского археологического комплекса ранее росли дуб, ясень, клен, вяз и хвойные. Подтвердился вывод о широком распространении хвойных в округе, полученный по фитолитному анализу (Семеняк и др., 2016. С. 138).

Табл. 1. Распределение древесных пород в Щуровском археологическом комплексе (шт. / %)

Место отбора	Всего сумма / %	Хвой- ные	Дуб	Клен	Ясень	Вяз	Ива	Бере-за
Культурный слой	112 100%	44 39,29%	35 31,25%	11 9,82%	9 8,93%	10 8,93%	1 1%	1 1%
Погребения	25 100%	2 8%	23 92%	0	0	0	0	0
Заполнение ям	31 100%	8 26%	20 65%	2 6%	1 3%	0	0	0
Заполнение сосудов	3 100%	1 33%	2 67%	0	0	0	0	0

Таким образом, метод определения пород деревьев по углю может и должен использоваться при археологических исследованиях, поскольку он позволяет получить информацию, важную для реконструкции ландшафтов, экосистем, а также многих иных аспектов исторического прошлого.

Гольева А.А., 2005. Информационные возможности определения пород по углям и древесине в археологических исследованиях // Археология Подмосковья. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 300–308.

Семянк Н.С., Трошина А.А., Сыроватко А.С., 2016. Опыт применения микробиоморфного анализа слоя Щуровского могильника и селищ (Московская область, I тысячелетие н.э.) // Динамика окружающей среды и глобальных изменений. Т. 7. № 1 (13) / Отв. ред. М.В. Глаголев. Ханты-Мансийск. С. 132–139.

Сыроватко А.С., Трошина А.А., Панин А.В., Бутенко А.Г., Шишков Д.В., 2013. Исследования древних ландшафтов Щуровского могильника – информация со дна реки // Подводное наследие. М.: Нептун XXI век. С. 52–56.

Bishop R.R., Church M.J., Rowley-Conwy P.A., 2015. Firewood, food and human niche construction: the potential role of Mesolithic huntergatherers in actively structuring Scotland's woodlands // Quaternary Science Reviews. 108. P. 51–75.

Vernet J.L., Ogereau P., Figuerat J., Machado Yanes C., Uzquiano P., 2001. Guide d'identification des charbons de bois prehistoriques du sudouest de l'Europe. Paris: CNRS Éditions.

И.М. Сумманен

*Институт языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН, Петрозаводск,
irina.summanen@mail.ru*

МАСС-СПЕКТРОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ: ВЛИЯНИЕ МИНЕРАЛЬНОГО ОТОЩИТЕЛЯ НА СОДЕРЖАНИЕ МАРКЕРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ¹

Метод масс-спектрометрии (ICP-MS) с индуктивно-связанной плазмой применяется в археологических исследованиях для идентификации местной и привозной керамической продукции, а также мест ее производства. С этой же целью методом ICP-MS анализа изучены образцы формовочных масс гончарной керамики средневековых городищ Северо-Западного Приладожья (Поташева, Светов, 2013; 2014). Результаты масс-спектрометрии показали, что в керамическом наборе памятников присутствовали привозные сосуды

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00005 мол_а «Реконструкция технологий гончарного производства средневековой Карелии (X–XV вв.) на основе использования новейших методов геохимического анализа (SEM, ICP-MS, LA-ICP-MS)».

(рис. 1: а, б – группа III), и в совокупности с данными сравнительно-типологического анализа позволили определить производственный адрес отдельных «неместных» форм.

Вместе с тем при интерпретации результатов возникли вопросы, которые связаны, во-первых, с внедрением прецизионного метода геохимического анализа в исследования археологической керамики, и, во-вторых, со спецификой изучаемых объектов. Керамическая масса – это гетерогенный материал, состоящий по меньшей мере из двух компонентов – глины и дробленой породы/песка, каждый из которых обладает индивидуальными геохимическими характеристиками. В процессе подготовки пробы происходит ее измельчение до пылевидной фракции, что приводит к смешению химических составов глины и минерального отощителя и впоследствии влияет на концентрации элементов-примесей в валовом составе пробы.

Задачей исследования стало выявление зависимости распределения маркерных элементов в химическом составе образца формовочной массы от концентрации минерального отощителя и его вида (дресва/песок). Для этого осуществлен ICP-MS анализ образцов сырья, которое распространено на территории Северо-Западного Приладожья и могло использоваться в древнем гончарстве. В качестве пластичной основы керамического теста взят образец ожелезненной глины, отобранный вблизи Тиверского городка (Приозерский р-н, Ленинградская обл.), минеральной примеси – образец скального массива возвышенности Паасонвуори (г. Сортавала, Республика Карелия). Эталонный тренд образцов формовочных масс получен широко применяемым в геологии методом математического моделирования. Для керамической двухкомпонентной массы (глина + дресва) химический состав системы может быть рассчитан по модели механического смешения: компонент А (глина) + компонент Б (горная порода, используемая как отощитель) в пропорции от $0,1A+0,9B$ до $0,9A+0,1B$ (с интервалом в концентрациях = $0,1$). Графический анализ результатов позволяет на примере двухкомпонентных систем оценить химические тренды их возможной эволюции.

На бинарной диаграмме Ti-Y (ppm) (рис. 1: в – группа I) вертикальный диапазон тренда модельных образцов формовочных масс с различной пропорцией глина/дресва включил поле маркеров проб местной керамики. Предлагаемая модель позволяет прогнозировать область рассеивания фигуративных точек сосудов в зависимости от любых пропорций смешения компонентов формовочной массы при соблюдении двух условий: а) использовалось местное сырье из известных источников; б) формовочная масса была двухкомпонентной. Таким образом, образцы, выходящие за область рассеивания маркеров, определенно обладают отличными геохимическими характеристиками, которые не связаны с концентрацией отощителя в тесте, а обусловлены спецификой технологии керамического производства (например, использование других видов сырья или трех и более компонентов формовочных масс).

Наблюдение за влиянием вида отощителя на содержание примесных элементов в химическом составе исследуемых объектов показало: на диаграмме (рис. 1: г) фигуративные точки образцов керамики как с песчаной, так и дресвяной примесью не обособились друг от друга, поэтому, по предварительным данным, можно предположить, что химический состав образцов местных изделий с разными видами минерального отощителя будет укладываться в диапазон отклонений по концентрациям маркерных элементов, зафиксированный для посуды из местного сырья, тогда как фигуративные точки привозных изделий, напротив, должны располагаться за пределами допустимого диапазона.

Поташева И.М., Светов С.А., 2013. Геохимические исследования в археологии: ICP-MS анализ образцов круговой керамики древнекарельских городищ // Труды Карельского научного центра РАН. № 4. Серия: Гуманитарные исследования. Вып. 4. С. 136–142.

Поташева И.М., Светов С.А., 2014. ICP-MS анализ древней керамики как метод определения источников сырья и места производства гончарной продукции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Естественные и технические науки. № 4 (141). С. 71–77.

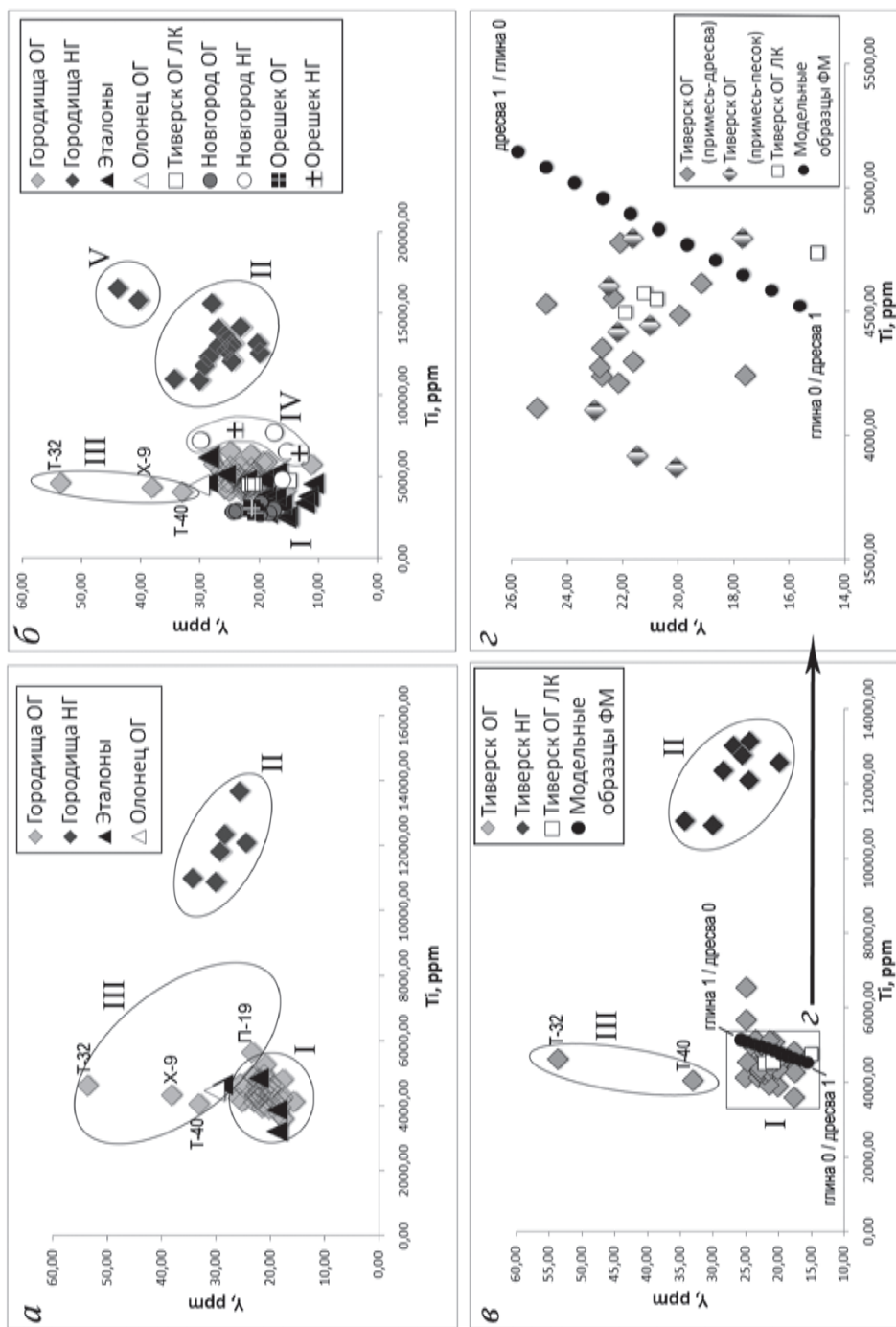

Рис. 1. Диаграммы Ti-Y (ppm) для образцов глин и формовочных масс (ФМ) керамики.

а – городищ Северо-Западного Приладжья; б – городищ Северо-Западного Приладжья, Великого Новгорода, Орешка; в – Тиверска с наложением эталонного тренда моделей ФМ; г – увеличение масштаба для поля I на диаграмме в. I – местные изделия из ожелезненной глины (ОГ); II – сосуды из слабо- и неомежелезненной глины (НГ); III – привозные изделия (ОГ); IV – керамика Новгорода и Орешка (НГ); V – керамика городища Лопотги (НГ). ЛК – летная керамика.

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА ПОГРЕБЕННЫХ В МАССОВЫХ САНИТАРНЫХ ЗАХОРОНЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА Г. ЯРОСЛАВЛЯ

Санитарный характер массовых погребений 1238 г. (Buzhilova, Goncharova, 2009. Р. 289; Энговатова и др., 2009. С. 77), открытых ярославской экспедицией ИА РАН в период с 2005 по 2008 гг., обусловил многоэтапность работы с обнаруженным в них антропологическим материалом. Задачей нашего исследования стало определение числа жертв монгольского нашествия, погребенных во всех девяти санитарных захоронениях, выявленных на территории исторического центра г. Ярославля. Спецификой изучаемого массива материала стало наличие во всех захоронениях большого числа разрозненных и изолированных костей, маркированных по глубине залегания и квадратам.

Половозрастная идентификация скелетов относительно полной сохранности проводилась согласно традиционным методам антропологии (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). При помощи специальных методик пол и возраст с разной степенью достоверности диагностировались также по некоторым категориям изолированных костей (Basic readings, 1954; Udelaker, 1978; Stevenson, 1954; Kelley, 1979; Hamilton, 1982; Найнис, Гармус, 1988 и др.).

Минимум индивидов определялся по максимальному количеству одноименных гомологичных костей. В тех захоронениях, где лучше сохранились кости посткраниального скелета, подсчету должны были предшествовать как половозрастные определения, так и остеометрические измерения, которые, по наблюдениям зарубежных исследователей жертв массовых катастроф, могут быть использованы для поиска парных одноименных костей (Blau, Briggs, 2011; Sutlovic et al., 2015). Остеометрические измерения длинных костей конечностей взрослых индивидов проводились по общепринятой программе (Алексеев, 1966).

Максимум погребенных вычислялся аналитически при сопоставлении по половозрастным характеристикам различных категорий костей посткраниального скелета после предварительной их группировки (парные кости). Отдельное внимание было уделено останкам детей, подростков и индивидов старше пятидесяти лет. Если среди наиболее представленных костей, по которым велся подсчет минимального количества погребенных, не было выявлено останков индивидов соответствующих возрастов, то к определенному по гомологичным фрагментам минимуму прибавлялись и их останки (какими бы частями скелета они ни были представлены¹). Такой подход также позволил обнаружить, что в детских и подростковой возрастных категориях чаще бывают представлены не только фрагменты черепов, челюстей и длинных костей, но и подвздошные кости.

В конечном итоге вычисленный в результате описанной процедуры максимум числа индивидов является минимумом количества погребенных в девяти открытых Ярославской экспедицией ИА РАН массовых санитарных захоронениях 1238 г. Подсчет численности индивидов, а также определение половозрастной структуры выборки показали, что изученная серия репрезентативна и включает останки не менее 270 индивидов разного пола и возраста. В дальнейшем эти результаты могут быть использованы для приблизительного подсчета количества жителей детинца Ярославля в 1238 г.

¹ В этом случае учитывался санитарный характер погребения трупов, подвергшихся разложению и находившихся некоторое время на поверхности, вследствие чего фактор посмертного отбора мог привести к частичной сохранности сегментов и костей скелета.

- Алексеев В.П., 1966. Остеометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука. 243 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.
- Найнис Й.-В., Гармус А.К., 1988. Некоторые особенности тазового пояса современных литовцев // Ученые записки Тартусского университета. Т. 816. С. 83–88.
- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджеева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н., 2009. Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. № 2. С. 68–78.
- Blau S., Briggs C.A., 2011. The role of forensic anthropology in Disaster Victim Identification (DVI) // Forensic Sci. Int. Published by Elsevier Ireland Ltd. P. 29–35.
- Buzhilova A., Goncharova N., 2009. A mass grave from Medieval Russian town: the anthropological evidence of a social catastrophe // Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e journées d'anthropologie de Valbonne. P. 285–300.
- Hamilton M.E., 1982. Sexual dimorphism in skeletal samples // Sexual dimorphism in Homo sapiens / Ed. R.L. Hall. New York. P. 175–192.
- Kelley M.A., 1979. Parturition and pelvic changes // Amer. J. Phys. Anthropol. Vol. 51. № 4. P. 541–545.
- Basic readings on the identification of human skeletons. Estimation of Age, 1954 / Eds. T.D. Stewart, M. Trotter. New York. 347 p.
- Stewenson P.H., 1954. Age order of epiphyseal union in man // Basic readings on the identification of human skeletons. Estimation of Age / Eds. T.D. Stewart, M. Trotter. New York. P. 55–96.
- Sutlovic D., Boric I., Zulim T., Vucinovic A., 2015. Identification process of skeletal remains from mass graves: Our experience and proposal guidelines // Legal Medicine. V. 17. Issue 2. P. 102–108.
- Ubelaker D.H., 1978. Human skeletal remains // Smithsonian Institution Press. Vol. 18. 1978. 114 p.

А.С. Тимофеева

*Институт археологии РАН, Москва
anastasipingvin@yandex.ru*

ОПЫТ РАБОТЫ С ТРЕХМЕРНЫМИ ФОТОГРАММЕТРИЧЕСКИМИ МОДЕЛЯМИ ПЕТРОГЛИФОВ СИКАЧИ-АЛЯНА¹

По мере развития технологий меняются подходы к документированию наскальных изображений, и перед исследователями все чаще встает вопрос о недостаточности традиционно используемых методов. Особенно это актуально для таких сложных для изучения памятников, как петроглифы Нижнего Амура, среди которых важнейшими являются изображения на базальтовых валунах у с. Сикачи-Алян. С 1935 г. петроглифы Сикачи-Аляна, известные в научной литературе еще с конца XIX в., исследовала экспедиция под руководством А.П. Окладникова. Итогом этих работ стала монография «Петроглифы Нижнего Амура», в которой выделены пункты локализации изображений, охарактеризованы основные мотивы, их хронология и технические особенности, рассмотрена их семантика и проблемы генезиса традиции (Окладников, 1971. С. 89). Ключевой вклад в понимание археологического контекста сикачи-альянских петроглифов внесен А.П. Деревянко и В.Е. Медведевым. С конца 1990-х годов мониторинг памятника осуществляет А.Р. Ласкин, с начала 2000-х – во взаимодействии с Е.Г. Дэвлет.

Антропоморфные личины-маски – самая значительная часть корпуса петроглифов Амура и Усури. Отмечены также антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные фигуры, лодки, геометрические знаки и ямки-лунки. По технике выполнения наскальные изображения делятся на три основные группы: выполненные пикетажем; выбитые с использованием фактуры и рельефа камня, что придает изображению свойства барельефа (низкого рельефа); нанесенные гравировкой (резьбой). Следует отметить, что вместе с пикетажем, вероятно, использовались пришлифовка и другие технические приемы, однако сильная сглаженность поверхностей валунов под воздействием реки не позволяет судить об этом однозначно (Дэвлет, Ласкин, 2014. С. 9).

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ 16-01-00511, 16-31-00025.

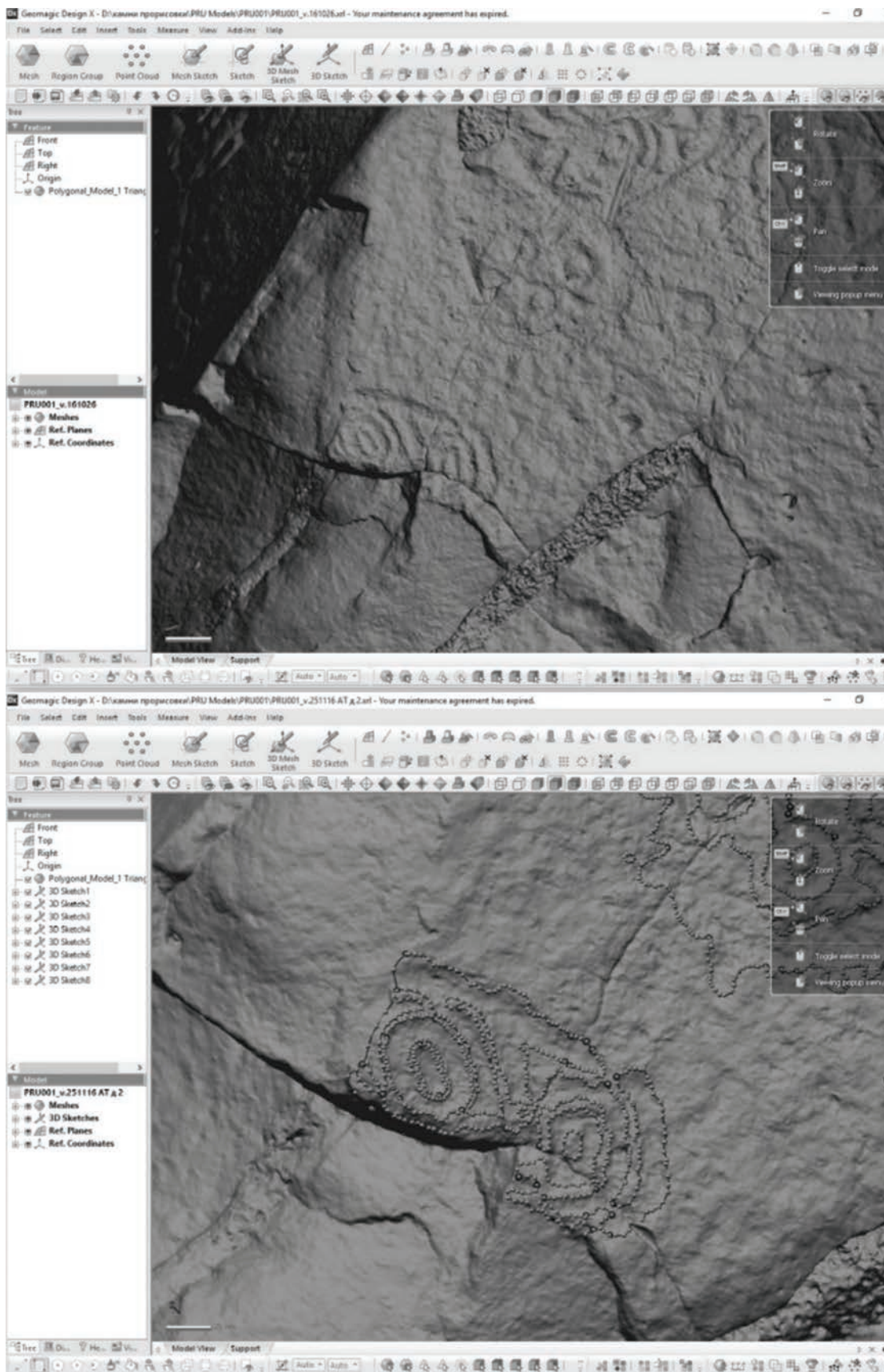

Рис. 1. Сикачи-Алян, пункт 1, камень 13. Фрагмент 3D модели камня с антропоморфной личиной: до и после прорисовки.

С трехмерностью и слабой сохранностью изображений связываются и важнейшие проблемы документирования петроглифов, которые при воспроизведении в виде черно-белых прорисовок утрачивают некоторые из присущих им особенностей. Изображения нередко представлены на стыке граней, что придает им рельефность, но вместе с тем затрудняет их фиксацию (Ласкин, 2014. С. 86). Кроме того, многие фигуры, оконтуренные широким и глубоким желобком, приобретают черты барельефа. Эти технические особенности не позволяют достоверно передавать иконографические черты в плоскостном формате, в связи с чем был применен метод документирования при помощи трехмерных фотограмметрических моделей. Данный метод также позволил приблизиться к преодолению проблемы гибели валунов с петроглифами, располагающихся в прибрежной полосе и изменяющих местоположение во время весеннего ледохода (Ласкин, 2014. С. 84).

Первые модели на Сикачи-Аляне выполнены А. Пахуновым в ходе работ Петроглифического отряда ИА РАН в 2015 г. (Devlet, Pakhunov, 2016), в 2016 г. в полевых исследованиях приняла участие группа под руководством Ю. Свойского.

По трехмерной модели в качестве эксперимента были прорисованы три камня с различными петроглифами (от антропоморфных личин до изображений животных). В результате выявлены несколько ранее не известных личин на камнях 8 и 13 первого пункта Сикачи-Аляна. Модель дает возможность многократного увеличения, поэтому линии прорисовки могут с точностью до миллиметров повторять контуры изображения. Однако вести прорисовку при многократном увеличении трудно, так как в этом случае фактура камня на модели сливается с выбивкой, и границы начинают стираться (рис. 1). Данная проблема была решена следующим способом: сначала при меньшем увеличении делался набросок общего контура изображения, а затем он уточнялся при большем увеличении. Надо отметить, что падающий на модель свет также можно настраивать и менять в программе, чего нельзя добиться другими способами. Применение метода требует специального оборудования для съемки объектов, соответствующего программного обеспечения, значительного количества дисковой памяти (одна модель занимает около 4–5 Гб) и большой процессорной мощности компьютера, но в Центре палеоискусства ИА РАН эти проблемы решены.

Для изучения петроглифов была также применена программа Global Mapper: в ней прорисовки не делаются, но можно эффективно работать с частями модели. Программа позволяет измерять глубину и ширину выбивки, ее размер и площадь отдельно взятого изображения, что дает возможность мониторинга процесса деструкции на памятнике.

Представленный метод документирования эффективен, но не исключителен, наряду с ним необходимо применять и другие способы. В работе на памятниках региона успешно зарекомендовала себя фотофиксация с выносной вспышкой, она позволила выявить несколько сложных, затертых, слившихся по цвету со скалой выбивок (Сикачи-Алян, пункт 1, камень 8).

В заключение следует обратить внимание, что прорисовка петроглифов на валунах по трехмерным моделям дает возможность не только тщательно изучать рельеф измененной поверхности камня, менять освещение для выявления его особенностей, но и существенно сокращать полевой этап работ.

Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р., 2014. К изучению петроглифов Амура и Уссури // КСИА. Вып. 232. С. 8–31.

Ласкин А.Р., 2014. О результатах обследования петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево // КСИА. Вып. 236. С. 82–86.

Окладников А.П., 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука. 329 с.

Devlet E.G., Pakhunov A.S., 2016. Rock art studies in Northern Russia, the Urals and the Far East 2010–2014 // Rock Art Studies. News of the world. V / Eds. P. Bahn, N. Franklin, M. Strecker, E. Devlet. Oxford: Archaeopress. P. 97–114.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник древней истории

ГПУ – Государственный педагогический университет

ИА – Институт археологии

ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИАЭТ – Институт археологии и этнографии

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
имени Н.Я. Марра

ИИМК – Институт истории материальной культуры

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА – Научный архив

НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и
экономики

НЦ – Научный центр

РА – Российская Археология

РАН – Российская академия наук

РО – Рукописный отдел

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СО – Сибирское отделение

ФО – Фотоотдел

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**Новые материалы и методы археологического исследования:
От археологических данных к историческим реконструкциям**
Материалы IV конференции молодых ученых

Редактор *К. Мержанова*
Дизайн и верстка: *Д. Киселев*

Подписано в печать 14.03.2017. Формат 60 x 84 ¹/₈
Усл.печ.л. 19,1. Уч.-изд.л. 15,5. Тираж 150 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-214-8

9 785943 752148